ISSN 2949-5091 (print)
ISSN 2949-513X (online)

МОСКОВСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

MOSCOW
LAW JOURNAL

ТЕМА НОМЕРА:

НОВЫЕ ТРЕНДЫ
В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ
ТУРИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

2023 № 4

ISSN 2949-5091 (print) 2023 / № 4 ISSN 2949-513X (online)

МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

«Московский юридический журнал» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки, 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки, 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки, 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

"Moscow Juridical Journal" is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into "the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) on the following scientific specialities: 5.1.1 – Theoretical and Historical Legal sciences, 5.1.2 – Public Law (State law) sciences, 5.1.3 – Private Law (Civilistic) sciences, 5.1.4 – Criminal Law sciences.

ISSN 2949-5091 (print) 2023 / № 4 ISSN 2949-513X (online)

MOSCOW JURIDICAL JOURNAL

Учредитель журнала «Московский юридический журнал»:
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:
Певцова Е. А. – д-р юрид. наук, проф., почётный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный работник образования Московской области, почётный работник науки и высоких технологий РФ

Заместитель главного редактора:
Полянский П. Л. – д-р юрид. наук, проф., МГУ имени М. В. Ломоносова

Ответственный секретарь:
Денисов Н. Л. – канд. юрид. наук, доц., Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (г. Москва)

Члены редакционной коллегии:
Авакьян С. А. – д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, МГУ имени М. В. Ломоносова;
Алешкова И. А. – канд. юрид. наук, доц., Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (г. Москва);
Антонян Ю. М. – д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник МВД, Государственный университет просвещения;
Арзамасов Ю. Г. – д-р юрид. наук, проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва);
Армбрюстер К. – доктор права, проф., Университет Эрлангена-Нюрнберга (Германия);
Глотов С. А. – д-р юрид. наук, проф., Международный юридический институт (г. Москва);
Гриненко А. В. – д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, МГИМО (У) МИД РФ;
Долинская В. В. – д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА);
Дыбова А.-К.-Ш.-Ф. А. – PhD, проф., Папский католический университет (г. Рио-де-Жанейро, Бразилия);
Елисеева А. А. – канд. юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА);
Жабский В. А. – д-р юрид. наук, доц., Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя;
Моравчикова М. – PhD, Трнавский университет (г. Трнава, Словакия);
Рассолов И. М. – д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА);
Рахманова Е. Н. – д-р юрид. наук, доц., Российский государственный университет правосудия, Северо-западный филиал (г. Санкт-Петербург);
Ручкина Г. Ф. – д-р юрид. наук, проф., почётный работник высшего профессионального образования РФ, академик РАЕН, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва);
Савченко М. С. – д-р юрид. наук, проф., член Экспертно-консультативного совета при комитете Законодательного собрания Краснодарского края, Кубанский государственный аграрный университет (г. Краснодар);
Сапогов В. М. – канд. юрид. наук, доц., Псковский государственный университет;
Сафонов В. Е. – д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, академик РАЕН, Российский государственный университет правосудия (г. Москва);
Скуратов Ю. И. – д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, Российский государственный социальный университет (г. Москва);
Субочев В. В. – д-р юрид. наук, проф., МГИМО (У) МИД РФ;
Хатчинсон С. К. – доктор права, проф., Университет Сорбонны (Франция), Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва);
Химмельрайх А. – PhD, проф., Университет Регенсбурга (Германия);
Черкасов К. В. – д-р юрид. наук, доц., Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва);
Шматков И. И. – канд. юрид. наук, доц., Витебский государственный университет имени П. М. Машерова (Беларусь)

ISSN 2949-5091 (print)
ISSN 2949-513X (online)

Рецензируемый научный журнал «Московский юридический журнал» – печатное издание, в котором публикуются актуальные научные статьи российских и зарубежных учёных, обладающие высоким уровнем качества и новизны, раскрывающие новые подходы в науке к актуальным вопросам истории и теории государства и права, конституционного и муниципального права, гражданского, предпринимательского, семейного, международного частного права, уголовного права и криминологии, уголовно-исполнительного права.

Журнал адресован преподавателям права, аспирантам, докторантам, работникам правоохранительных органов, судьям, юрисконсультам и всем интересующимся состоянием юридической науки.

Журнал «Московский юридический журнал» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73346.

Индекс серии «Юриспруденция» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40735.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках “eLibrary” (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте (www.lawmgoujournal.ru).

При цитировании ссылка на «Московский юридический журнал» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Московский юридический журнал. – 2023. – № 4. – 102 с.

© Государственный университет просвещения, 2023.

Адрес редакции:
г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.lawmgoujournal.ru

Founder of "Moscow Juridical Journal"
Federal State University of Education

Issued 4 times a year

Editorial board

Editor-in-chief:

E. A. Pevtsova – Dr. Sci. (Law), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Worker of Education of Moscow Region, Honorary Worker of Science and High Technologies of the Russian Federation

Deputy editor-in-chief:

P. L. Polyanskiy – Dr. Sci. (Law), Prof., Lomonosov Moscow State University

Executive secretary of the series:

N. L. Denisov – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow)

Editorial Board:

S. A. Avakyan – Dr. Sci. (Law), Prof., Lomonosov Moscow State University;
I. A. Aleshkova – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow);
Yu. M. Antonyan – Dr. Sci. (Law), Prof., SUE
Yu. G. Arzamasov – Dr. Sci. (Law), Prof., National Research University "Higher School of Economics" (Moscow);
K. Armbrewster - Doctor of Law, Prof., University of Erlangen-Nuremberg (Germany);
S. A. Glotov – Dr. Sci. (Law), Prof., International Law Institute under the Ministry of justice of the Russian Federation;
A. V. Grinenko – Dr. Sci. (Law), Prof., Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow State Institute of International relations (Y) Ministry of the Interior of the Russian Federation;
V. V. Dolinskaya – Dr. Sci. (Law), Prof., Kutafin Moscow State Law University (MSAL);
A.-Ch.-Ch.-F. A. Dybova – PhD, Prof., Pontifical Catholic University (Rio de Janeiro, Brazil);
A. A. Eliseyeva – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Kutafin Moscow State Law University (MSAL);
V. A. Zhabskiy – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V. Y. Kikot;
M. Moravchikova – PhD, Trnava University in Trnava (Slovak Republic);
I. M. Rassolov – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Kutafin Moscow State Law University (MSAL);
E. N. Rakhmanova – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Russian State University of Justice (North-West Branch, St. Petersburg);
G. F. Ruchkina – Dr. Sci. (Law), Prof., Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow);
M. S. Savchenko – Dr. Sci. (Law), Prof., Kuban State Agrarian University (Krasnodar);
V. M. Sapogov – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Pskov State University;
V. E. Safonov – Dr. Sci. (Law), Prof., Russian State University of Justice (Moscow);
Yu. I. Skuratov – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Russian State Social University (Moscow);
V. V. Subochev – Dr. Sci. (Law), Prof., Moscow State Institute of International relations (Y) Ministry of the Interior of the Russian Federation;
S. Ch. Hutchinson – PhD, Prof., University of the Sorbonne (France), Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow);
A. Himmelreich – PhD, Prof., Regensburg University (Germany);
K. V. Cherkasov – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Russian Ministry of Justice) (Moscow);
I. I. Shmatkov – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Vitebsk State University named after P. M. Masherov (Republic of Belarus)

ISSN 2949-5091 (print)
ISSN 2949-513X (online)

The Peer-reviewed scientific "Moscow Juridical Journal" is a printed edition that publishes present-day scientific articles, performing high level of quality and novelty, written by Russian and foreign scientists. Articles reveal new approaches in science on topical issues of history and theory of state and law, constitutional and municipal law, civil, business, family, private international law, criminal law and criminology, penal law.

The journal's target audience is teachers, postgraduates, postgraduate students, law enforcement authorities officers, judges, legal advisers and anyone interested in the state of legal science.

The journal "Moscow Juridical Journal" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77 - 73343).

The subscription index of the "Jurisprudence" series is 40735 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site (www.lawmgoujournal.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Moscow Juridical Journal. – 2023. – No. 4. – 102 p.

© SUE, 2023.

The Editorial Board address:
ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation
phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
site: www.lawmgoujournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

НОВЫЕ ТРЕНДЫ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ТУРИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Представляем тему номера 6
Денисов Н. Л., Денисов Л. И. Комплексный анализ коррупционных правонарушений в туристской сфере 8
Щукин В. В., Русановский Я. В. К вопросу о нормативном регулировании потенциально опасных видов туризма 14

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Беженцев А. А., Игошин Н. А. Правовая культура и правовая активность личности: роль в обеспечении прав и свобод 25
Мельников А. Г. О новых тенденциях понимания юридической ответственности в космической деятельности 35
Петрова Т. В. Теоретические подходы к формированию правовых ценностей в современной системе образования 45
Яковлева В. А. Участие рабоче-крестьянской инспекции в реорганизациях земельного суда в РСФСР в 1920-е гг. 55

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Кузнецов Е. Н. Судебная неустойка vs астрэнт 67
Символоков О. А., Вальков В. А. Развитие рынка электроэнергии и мощности Российской Федерации: антимонопольный аспект 75
Смолин В. В. Вопросы законодательного регулирования оборота криптовалюты в Российской Федерации 81

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Гончаренко Е. В., Тайсаева С. Б., Аргун С. Н., Мурзова О. А., Джокуа А. А. Филогенетические и пантомимические аспекты жестов в детекции лжи 87
Карпова Н. А., Юдина У. С. Актуальные проблемы уголовно-правовой борьбы с мародёрством 94

CONTENTS

NEW TRENDS IN LEGAL REGULATION TOURISM ACTIVITIES

Introducing the Theme of the Issue 6
N. Denisov, L. Denisov. Comprehensive Analysis of Corruption Offense in the Tourist Sector 8
V. Shchukin, Yu. Rusanovsky. On the Issue of Law Regulation of Potentially Dangerous Types of Tourism. 14

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

A. Bezhentsev, N. Igoshin. Legal Culture and Legal Activity of Individuals: Role in Ensuring Rights and Freedoms 25
A. Melnikov. On New Trends in Understanding Legal Responsibility in Space Activities 35
T. Petrova. Theoretical Approaches to the Formation of Legal Values in the Modern Education System 45
V. Yakovleva. Participation of the Workers' and Peasants' Inspectorate in the Reorganisation of the Land Court in the Russian Federation in the 1920s. 55

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

E. Kuznetsov. Judicial Penalty vs Astrent. 67
O. Simvolokov, V. Valkov. Development of the Electricity and Capacity Market of the Russian Federation: Antitrust Aspects 75
V. Smolin. Issues of Legislative Regulation of Cryptocurrency Turnover in the Russian Federation. 81

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

E. Goncharenko, S. Taysaeva, S. Argun, O. Murzova, A. Jokua. Phylogenetic and Pantomimical Aspects of Gestures in Lie Detection. 87
N. Karpova, Yu. Yudina. Actual Problems of the Criminal Law Fight against Looting 94

НОВЫЕ ТРЕНДЫ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ТУРИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В современный период трудно найти человека, который не любил бы путешествовать или слушать долгие рассказы бывалых людей о красочных пейзажах и исторических достопримечательностях далёких от родных мест территорий, манящих своей неизвестностью и достижениями прошлого.

В последние годы весьма популярным становится внутренний туризм, позволяющий познакомиться воочию с удалёнными красивыми пейзажами родной земли. Уже привычными стали мобильные академические обмены школьников, студентов, приезжающих к своим друзьям. Туризм позволяет людям взаимообогащаться, более глубоко познавать окружающий мир, обмениваться опытом.

В мире туризма возникает целый комплекс определённых отношений, требующих правового регулирования. Вот почему столь необходимым в этой сфере становится Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристкой деятельности», в который вносились изменения вплоть до конца декабря 2023 г.

Этот номер журнала посвящён рассмотрению актуальных проблем в правовом регулировании туризма. Примечательно, что достаточного количества работ в этом отношении за последние годы не наблюдается, а это требует пристального внимания юридической науки к данной тематике.

Читателям важно напомнить ведущие дефиниции этой сферы, закреплённые в законе. В частности, «туризм» понимается как временные выезды (путешествия) граждан Российский Федерации, иностранцев, апатридов с постоянного места жительства без занятия деятельностью, связанной с получением дохода в стране (месте) пребывания. Причём цели таких выездов могут самыми разными: познавательными, оздоровительными, профессиональными, спортивными, деловыми и т. д.

Туризм может быть «внутренним» в пределах территории страны или «выездным», предполагающим выезд постоянно проживающих людей в другую страну, путешествия для тех, кто не проживает в России, но приезжает в нашу страну.

Законодатель также выделяет «социальный туризм», «самодеятельный», «международный». Особый интерес в последние годы представляет «сельский туризм», называемый иногда «агротуризмом», который предусматривает посещение сельской местности и малых городов. Кстати, именно на этих территориях живёт более 57 млн человек, что свидетельствует об их очень большом потенциале.

Участвуя в мероприятиях по сельскому туризму, можно приобщаться к традиционному укладу жизни, поближе знакомиться с сельскими товаропроизводителями.

В 2022 г. законодатель чётко закрепил существование единой информационной системы электронных путёвок, под которой понимается государственная информационная система, функционирующая на основе программных, технических средств и информационных технологий.

Давно доказано, что туризм представляет собой уникальный феномен, а возникающие в его сфере общественные отношения всё больше требуют чёткого правового регулиро-

вания. Ещё в Римской империи начал осуществляться процесс правового регулирования некоторых отношений, возникающих между людьми в процессе путешествий.

Однако современный вид туризма появляется только в XX столетии. Постепенно он становится важным фактором развития экономики страны. Сегодня туристская деятельность является одним из важных приоритетов устойчивого развития России. Однако в эпоху цифровых отношений, развития и усложнения туристской деятельности стали возникать многочисленные вопросы, требующие правового регулирования. Появилось и немало пробелов.

В этом номере журнала учёные-юристы поднимают актуальные проблемы, с которыми сталкиваются человек, отправляясь путешествовать, а также государство, призванное обеспечивать его безопасность. Авторы обращают внимание на опасные аспекты туристской деятельности и новые её тренды. Предлагаемые пути решения проблем могут носить дискуссионный характер, тем не менее, они позволяют понять большой пласт новых путей для проведения научных исследований в этом направлении.

Певцова Елена Александровна,
доктор юридических наук, доктор педагогических наук, профессор,
почётный работник науки и высоких технологий Российской Федерации,
главный редактор «Московского юридического журнала»

НОВЫЕ ТРЕНДЫ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ТУРИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 342.951; 343.2/.7
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-8-13

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ТУРИСТСКОЙ СФЕРЕ

Денисов Н. Л.[1], Денисов Л. И.[2]
[1] Академия управления Министерства внутренних дел России, Болшево (филиал)
141075, Московская обл., г. Королев, ул. М. Цветаевой, д. 27, стр. 24, Российская Федерация
[2]Смоленский государственный университет
214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4, Российская Федерация

Аннотация
Цель. Обобщение имеющихся материалов и данных относительно проявления коррупционных связей в сфере туризма, исходя из концептуальных основ и положений современного понимания коррупции.
Процедура и методы. В основу научных изысканий автора данной статьи заложен анализ различных материалов, которые характеризуют проявления коррупции в туристской сфере.
Результаты. Сформулированы конкретные предложения, направленные на противодействие и нейтрализацию коррупционных правонарушений в туристской сфере.
Теоретическая и/или практическая значимость. Данная работа представляет собой результат наиболее полного и подробного анализа проявления коррупции в туристской сфере.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные правонарушения, безопасность предпринимательской деятельности, предупреждение правонарушений, туризм

COMPREHENSIVE ANALYSIS OF CORRUPTION OFFENSE IN THE TOURIST SECTOR

N. Denisov, L. Denisov
[1] Bolshevo (Branch of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russian Federation)
ul. M. Tsvetaevoi 27-24, Korolev 141075, Moscow region, Russian Federation
[2]Smolensk State University
ul. Przhevalskogo 4, Smolensk 214000, Russian Federation

Abstract
Aim. Summarize the available materials and data on the manifestation of corruption relations in the field of tourism, based on the conceptual foundations and provisions of the modern understanding of corruption..
Methodology. The scientific research of the author of this article is based on the analysis of various materials that characterize the manifestations of corruption in the tourism sector.

© CC BY Денисов Н. Л., Денисов Л. И., 2023.

Result. Specific proposals are formulated aimed at countering and neutralizing corruption offenses in the tourism sector.
Research implications. This work is the result of the most complete and detailed analysis of the manifestations of corruption in the tourism sector.

***Keywords**:* corruption, corruption offenses, business safety, crime prevention, tourism

Введение

Туризм стал одним из главных источником занятости, доходов, двигателей развития для ряда регионов и отдельных городов, которые конкурируют между собой на международном, региональном и местном уровнях. Кроме того, постоянно появляются новые туристские направления, которые позиционируют себя как уникальные достопримечательности для посещения. В результате у сегодняшних туристов есть широкий спектр возможностей в выборе компаний и поездок.

Исходя из этого, туристская отрасль нуждается в здоровой экономической, внутриполитической и международной среде для функционирования. Одним из факторов, который может препятствовать развитию туристской отрасли, является коррупция [5; 8]. Следует отметить, что, несмотря на достаточную серьёзность проблемы и её важность для роста экономического благосостояния России, в научной литературе ей не уделяется должного внимания.

Коррупционные правонарушения в сфере туризма

Сегодня коррупция – одна из наиболее серьёзных угроз экономической безопасности предпринимательской деятельности во многих странах мира. Это явление оказывает отрицательное влияние на различные аспекты бизнеса: инвестиции, конкуренцию, эффективность работы компаний. Коррупция не только приводит к ущербу для отдельных предпринимателей и их бизнеса, но и замедляет экономический рост страны в целом. И сферу туризма эта проблема не обошла стороной [2; 6].

Коррупция в туризме может проявляться в различных формах и видах правонарушений [10]. На основе материалов практики правоохранительных органов можно выделить следующие виды коррупционных правонарушений в туризме:

1) *взяточничество* при получении разрешительной документации на строительство туристских объектов – инвесторы вынуждены платить взятки представителям государственных органов, чтобы получить необходимые разрешительные документы на строительство;

2) незаконное *получение комиссионных* от продажи туристских услуг – получение неправомерной прибыли за счёт продажи услуг;

3) *нарушение правил приёма на работу* в туристские компании – неправомерное увольнение сотрудников, дискриминация по половому, возрастному или национальному признаку;

4) *лживая реклама* для привлечения клиентов – предоставление заведомо ложной информации о качестве услуг и условиях проживания для бóльшего привлечения клиентов;

5) *отказ от контроля за безопасностью* туристов в обмен на взятки – представители туристских компаний не выполняют своих обязанностей по обеспечению безопасности туристов, чтобы получить взятки;

6) незаконная *продажа алкоголя и наркотиков* туристам – серьёзное нарушение закона, наносящее ущерб здоровью туристов;

7) продажа *фальшивых билетов и виз* – представители туристских компаний могут продавать фальшивые билеты и визы, чтобы получить дополнительную прибыль;

8) *незаконное использование государственных средств* на развитие туризма – использование государственными органами в личных целях средств, выделенных на развитие туризма.

Среди преступлений: мошенничество; присвоение и/или растрата; хищение (денежных средств); нецелое использование (денежных средств); отмывание средств, которые были незаконно получены; неуплата налогов; осуществление незаконного предпринимательства.

Все эти виды коррупционных правонарушений в туристской сфере негативно влияют на развитие туризма и экономики в целом [9].

Коррупция в туризме может иметь множество причин:

1) *неэффективные и коррумпированные системы управления* туризмом, которые не могут обеспечить достаточный контроль и прозрачность в отрасли. По оценкам специалистов [3], управление в данной сфере испытывает серьёзные проблемы и предлагаемые решения недостаточно эффективны.

2) *несовершенство законодательства и правил*, которые оставляют простор для злоупотреблений и коррупции – недостаточно чётко и точно регламентированы осуществление туристской деятельности, выдача лицензий на осуществление такой деятельности и другие сопутствующие моменты [1];

3) *низкий уровень образования и культуры* туристов способствует распространению коррупции [7]. Специалистами замечено, что во время отдыха культура граждан резко снижается, в т. ч. и в рамках правовой культуры;

4) *наличие конфликтов интересов и коррупционных схем*, связанных с лоббированием отдельных компаний и организаций. Так, по результатам изучения туристской сферы в России[1] было выявлено, что львиная доля данного рынка приходиться всего на 5 компаний;

5) *недостаток ответственности и наказания за коррупционные действия* приводит к безнаказанности и продолжению злоупотреблений [4];

6) *низкий уровень заработной платы и социальной защиты работников туризма*[2] приводит к их уязвимости и подверженности коррупции;

7) *недостаток контроля* со стороны общества и независимых органов делает коррумпированные действия незамеченными;

8) *отсутствие прозрачности и открытости* в принятии решений – порой решения принимаются в интересах отдельных лиц или групп, а не в интересах отрасли в целом.

Последствия влияния коррупции на туризм могут быть серьёзными и долгосрочными [8; 11]:

1) *ухудшение репутации страны или региона* – снижение потока туристов;

2) *нарушение законов и правил* – ухудшение условий для туристов и повышение риска для их безопасности;

3) *снижение качества услуг и условий проживания* – сокращаются инвестиции и снижаются стандарты обслуживания;

4) *увеличение цен на туристские услуги* – повышаются налоги и другие сборы;

5) *неравенство в доступе к ресурсам и возможностям в туризме* – ограниченный круг людей и компаний получают доступ к выгодным условиям;

6) *ущерб для окружающей среды и культурного наследия* – необдуманные решения в развитии туризма нарушают экологические и культурные нормы.

По причине коррупции большим негативным явлением в сфере туризма стал *теневой туризм*. Некоторые государственные служащие получают взятки, закрывая глаза на нелегальную деятельность (нелегальная охота и рыболовство, вырубка лесов, использование для коммерции особо охраняемых зон и т. д.), которая порой наносит непоправимый ущерб государству.

[1] Туриндустрия через призму драйверов и барьеров бизнеса центр социально-экономических исследований, 2020 год [Электронный ресурс]. URL: https://www.csr.ru/upload/iblock/6a1/6a14b85fb06482c466439edfde3a879d.pdf (дата обращения: 12.12.2023).

[2] Что ждет туризм в 2024 году: тренды в бронировании, ожидания туристов и прогнозы отрасли [Электронный ресурс]. URL: https://travelexpert.group/chto-zhdet-turizm-v-2024-godu-trendy-v-bronirovanii-ozhidaniya-turistov-i-prognozy-otrasli/?ysclid=lq1fqcq8oi674037991 (дата обращения: 12.12.2023).

Кроме того, теневой туризм может быть связан с криминальной деятельностью – торговлей наркотиками и контрабандой товаров.

Современные технологии и возможность легко продвигать себя, в т. ч. и через социальные сети, облегчает подобные задачи. Особенно тяжёлая ситуация складывается в сфере внутреннего туризма. Представители туриндустрии в некоторых регионах России заявляют, что легальных туроператоров у них едва ли не меньше, чем тех, кто работает нелегально. Рекламируя себя в соцсетях, они без труда находят клиентов, а за счёт неуплаты налогов и снижения прочих издержек могут устанавливать более низкие цены. В таких условиях тем, кто работает официально, трудно выдержать конкуренцию. Хотя «теневики» и не несут никакой ответственности в случае возникновения нештатной ситуации, привлекательные цены делают своё дело, и от отсутствия клиентов они не страдают.

Часто спекулируют именно на кризисе доверия к туристской отрасли, объясняя, что в турфирмах всё дороже. В настоящее время теневые турагенты активно стали осваивать и выездной туризм, не стесняясь зарабатывать на откровенном обмане, обещая туристам маршруты, которые невозможно предоставить в реале.

Это также может создавать неравенство между теми, кто может позволить себе заплатить взятку, и теми, кто не может. В результате теневой туризм может стать инструментом для укрепления власти элитных групп в ущерб остальным членам общества.

Коррупция в сфере туризма оказывает негативное влияние и на экономику страны в целом, т. к. искажает рыночные отношения и ухудшает бизнес-климат. Коррупционные схемы способствуют росту цен на товары и услуги, снижению качества продукции, развитию теневой экономики, наносят ущерб конкуренции и инновациям, т. к. создают неравные условия для бизнеса и подрывают законность правил игры, что в дальнейшем способствует монополизации рынка и уменьшению выбора для потребителей, а также снижению мотивации предпринимателей для развития новых технологий и продуктов. Ухудшается инвестиционный климат, т. к. появляются риски для инвесторов и снижается доверие к правительству и бизнес-среде.

Итак, борьба сфере туризма – это важный фактор развития туристской индустрии и обеспечения устойчивого экономического роста. На поверхности находятся и методы борьбы с коррупцией:

1) *прозрачность и открытость процессов* – публикация информации о процедурах, правилах и требованиях, которые должны быть выполнены для получения разрешений и лицензий в туристской отрасли;

2) *усиление законодательства,* регулирующее индустрию – ужесточение наказаний за коррупционные действия, создание более жёстких правил и норм, которые должны соблюдаться в отрасли;

3) *создание этических кодексов* – свод правил поведения и требований к деятельности, которые должны быть соблюдены всеми работниками и представителями туристской индустрии;

4) *обучение и повышение осведомлённости* о проблемах коррупции в туризме – обучающие семинары и курсы для работников индустрии и туристов;

5) *усиление контроля* за деятельностью туристских компаний и организаций – регулярные проверки и аудит, создание механизмов обратной связи для жалоб и сообщений о коррупционных действиях в индустрии.

Заключение

Борьба с коррупцией в сфере туризма требует комплексного подхода и усилий со стороны всех участников индустрии, включая правительственные органы, туристские компании и организации, а также самих туристов.

Коррупция в сфере туризма – серьёзная проблема, которая может негативно

сказаться на развитии индустрии и экономики страны в целом. Для борьбы с этим явлением необходим комплексный подход: ужесточение законодательства, повышение этических стандартов, улучшение культуры сервиса и т. д. Главным условием успешной борьбы с коррупцией является реализация этих мер и контроль за их выполнением. Только при правильной реализации и эффективном контроле можно достичь желаемого результата и снизить уровень коррупции в индустрии туризма.

Статья поступила в редакцию 28.09.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенов А. Е., Аштаева С. С., Цуглаева Н. В. и др. Анализ судебной и административной практики в сфере защиты прав потребителей туристических услуг, формирование выводов // Аграрное и земельное право. 2022. № 8. С. 63–66.
2. Артемов В. Ю., Безруков С. С., Голованова Н. А. и др. Экономическая безопасность (уголовно-правовые механизмы обеспечения). М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», 2021. 320 с.
3. Вершинина А. В., Орлова Е. Р. Проблемы государственного управления в туристской отрасли России // Управленец. 2019. Т. 10. № 1. С. 16–27.
4. Гаврилов Б. Я., Рогова Е. В. Уголовно-правовые санкции и практика их реализации при противодействии отдельным видам коррупционных преступлений // Всероссийский криминологический журнал. 2021. № 5. С. 543–554.
5. Ефимов А. А., Рудникова Н. П. Наиболее распространенные проблемы туризма в Российской Федерации на период 2021 // Вестник науки и образования. 2021. № 16-2. С. 38–43.
6. Иванова А. А. Коррупция в сфере российского предпринимательства // Russian Journal of Economics and Law. 2013. № 3. С. 204–211.
7. Липатова Л. Н., Явкин В. В. Социокультурные причины коррупции и меры по их преодолению // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2022. № 3. С. 100–108.
8. Мухаметов Р. С., Чиркин Д. Ю. Туристическая привлекательность российских регионов: коррупция имеет значение? // Вопросы управления. 2021. № 3. С. 36–48.
9. Пахомов М. М. Проблема реализации конституционных прав в сфере туризма // Образование и право. 2022. № 12. С. 85–89.
10. Савичев А. Ю. Совершенствование законодательства об административных правонарушениях за нарушения законодательства Российской Федерации о туристской деятельности // Административное и муниципальное право. 2021. № 5. С. 1–8.
11. Шмидт Ю. Д., Шакра М. Выявление значимых факторов, влияющих на развитие регионального туристского комплекса // АНИ: экономика и управление. 2020. № 2. С. 377–380.

REFERENCES

1. Aksenov A. E., Ashtaeva S. S., Tsuglaeva N. V., et al. [Analysis of judicial and administrative practice in the field of protecting the rights of consumers of tourism services, drawing conclusions]. In: *Agrarnoye i zemelnoye pravo* [Agrarian and land law], 2022, no. 8, pp. 63–66.
2. Artemov V. Yu., Bezrukov S. S., Golovanova N. A., et al. *Ekonomicheskaya bezopasnost (ugolovno-pravovyye mekhanizmy obespecheniya)* [Economic security (criminal law enforcement mechanisms)]. Moscow, Kontrakt Publ., 2021. 320 p.
3. Vershinina A. V., Orlova E. R. [Problems of public administration in the Russian tourism industry]. In: *Upravlenets* [Manager], 2019, vol. 10, no. 1, pp. 16–27.
4. Gavrilov B. Ya., Rogova E. V. [Criminal legal sanctions and the practice of their implementation in countering certain types of corruption crimes]. In: *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal* [All-Russian Criminological Journal], 2021, no. 5, pp. 543–554.
5. Efimov A. A., Rudnikova N. P. [The most common problems of tourism in the Russian Federation for the period 2021]. In: *Vestnik nauki i obrazovaniya* [Bulletin of Science and Education], 2021, no. 16-2, pp. 38–43.
6. Ivanova A. A. [Corruption in the sphere of Russian entrepreneurship]. In: *Rossiyskiy zhurnal ekonomiki i prava* [Russian Journal of Economics and Law], 2013, no. 3, pp. 204–211.
7. Lipatova L. N., Yavkin V. V. [Sociocultural causes of corruption and measures to overcome them]. In:

Vestnik Moskovskogo finansovo-yuridicheskogo universiteta [Bulletin of the Moscow Financial and Legal University], 2022, no. 3, pp. 100–108.
8. Mukhametov R. S., Chirkin D. Yu. [Tourist attractiveness of Russian regions: does corruption matter?] In: *Voprosy upravleniya* [Management issues], 2021, no. 3, pp. 36–48.
9. Pakhomov M. M. [The problem of implementing constitutional rights in the field of tourism]. In: *Obrazovaniye i pravo* [Education and Law], 2022, no. 12, pp. 85–89.
10. Savichev A. Yu. [Improving legislation on administrative offenses for violations of the legislation of the Russian Federation on tourism activities]. In: *Administrativnoye i munitsipalnoye pravo* [Administrative and municipal law], 2021, no. 5, pp. 1–8.
11. Shmidt Yu. D., Shakra M. [Identification of significant factors influencing the development of the regional tourism complex]. In: *ANI: ekonomika i upravleniye* [ANI: economics and management], 2020, no. 2, pp. 377–380.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Денисов Николай Леонидович – кандидат юридических наук, доцент кафедры подготовки руководящего состава органов внутренних дел Болшево, филиала Академии управления МВД России;
e-mail: DenisovNL@yandex.ru

Денисов Леонид Иванович – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Смоленского государственного университета;
e-mail: denis_leon@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikolay L. Denisov – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Training of Management Staff, Internal Affairs Bodies, Bolshevo (Branch of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia);
Email: DenisovNL@yandex.ru

Leonid I. Denisov – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of State and Legal Disciplines, Smolensk State University;
e-mail: denis_leon@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Денисов Н. Л., Денисов Л. И. Комплексный анализ коррупционных правонарушений в туристской сфере // Московский юридический журнал. 2023. № 4. С. 8–13.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-8-13

FOR CITATION

Denisov N. L., Denisov L. I. Comprehensive Analysis of Corruption Offense in the Tourist Sector. In: *Moscow Juridical Journal*, 2023, no. 4, pp. 8–13.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-8-13

УДК 342.951
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-14-24

К ВОПРОСУ О НОРМАТИВНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПОТЕНЦИАЛЬНО ОПАСНЫХ ВИДОВ ТУРИЗМА

Щукин В. В., Русановский Я. В.
Московский инновационный университет
119017, г. Москва, ул. Малая Ордынка, д. 7, Российская Федерация

Аннотация
Цель. Анализ и оценка достаточности нормативного регулирования туризма в целом и особенно отдельных видов, которые представляют повышенную опасность для потребителей туристских услуг.
Процедура и методы. С использованием общенаучных и специальных юридических методов был проведён анализ глубины проработки административного механизма регулирования туризма и отдельных его видов. В процессе исследования были использованы методы: формально-юридический – для анализа категорий легальных юридических норм; сравнительно-правовой – для сопоставления отдельных норм федерального законодательства и нормативных актов субъектов Российской Федерации; историко-правовой – для исследования подходов учёных и законодателей к формированию содержания государственного регулирования отдельных видов туризма.
Результаты. В работе отражены некоторые современные тенденции в регулировании механизмов нормативного закрепления потенциально опасных туристских услуг. Представлен анализ отдельных законопроектов в области детализации понятийного аппарата туризма. Общее состояние понятийного аппарата законодательства в данной области оценивается как неудовлетворительное. Исследование отдельных терминов позволило сделать вывод о наличии противоречий между нормами федеральных и региональных правовых актов.
Теоретическая и/или практическая значимость. Определены возможные пути развития законодательства в сфере потенциально опасного туризма.

***Ключевые слова**:* активный туризм, безопасность туризма, виды туризма, индустриальный туризм, потенциально опасный туризм, правовое регулирование

ON THE ISSUE OF LAW REGULATION OF POTENTIALLY DANGEROUS TYPES OF TOURISM

V. Shchukin, Ya. Rusanovsky
Moskovskiy innovatsionnyy universitet
ul. Malaya Ordynka 7, Moscow 119017, Russian Federation

Abstract
Aim. Assessment of certain types of tourism that pose an increased danger to consumers of tourism services, from the point of view of the sufficiency of regulatory regulation.
Procedure and methods. Using general scientific and special legal methods, an analysis of the depth of development of the administrative mechanism for regulating tourism and its individual types was carried out. During the research process, the authors used the formal legal method to analyze the categories of legal legal norms. The comparative legal method is used to compare individual norms of federal legislation and regulations of the constituent entities of the Russian Federation. The historical and legal method was used to study the approaches of scientists and legislators to the formation of the content of state regulation of certain types of tourism.

© CC BY Щукин В. В., Русановский Я. В., 2023.

Results. The work reflects some current trends in the regulation of regulatory mechanisms for potentially dangerous tourism services. The work presents an analysis of individual bills in the field of detailing the conceptual apparatus of tourism. The general state of the conceptual apparatus of legislation in this area is assessed as unsatisfactory. The study of individual terms allowed us to conclude that there are contradictions between the norms of federal and regional legal acts.
Research imp;ication lies in identifying possible ways for the development of legislation in the field of potentially dangerous tourism.

***Keywords**:* active tourism, tourism safety, types of tourism, industrial tourism, potentially dangerous tourism, legal regulation

Введение

В настоящее время внутренний туризм является одной из наиболее успешно развивающихся отраслей экономики. Это связано в том числе с процессами глобализации и информатизации, а также с некоторыми затруднениями выезда граждан РФ за рубеж. Согласно Стратегии развития туризма в Российской Федерации до 2035 г.[1] планируется увеличение количества внутренних туристических поездок на душу населения более чем в 2 раза. При этом растёт популярность отдельных видов туризма, связанных с активным отдыхом, спортом. Но не стоит забывать, что данные виды туризма могут быть потенциально опасными как для самих отдыхающих, так и для окружающих людей, а также окружающей среды.

Российское законодательство не содержит такого понятия, как «потенциально опасный туризм». Между тем, на наш взгляд, его наличие помогло бы существенно упростить правовое регулирование туризма, повысить его эффективность и, что самое главное, увеличить уровень безопасности участников туристских правоотношений.

Категория «туризм» может рассматриваться как отрасль экономики и как деятельность людей или коллективных субъектов (обществ, организаций и т. п.) [6]. Для правового анализа целесообразнее рассматривать туризм в значении «деятельность». В большинстве случаев правоведы понимают под «деятельностью» социально выраженную активность, имеющую конкретные формы реализации, в основании которой находится система мировоззрения субъекта деятельности в сфере права, имеющую необходимость и возможность регулирующего воздействия в целях охраны прав и свобод человека и гражданина [9, с. 30].

Отражение регулирования потенциально опасного туризма в научной литературе

Нельзя сказать, что вопросы туризма обойдены вниманием учёных и практиков. Однако сегментарные исследования в разных сферах науки содержат отличающиеся, а иногда и взаимоисключающие подходы, толкования основополагающих понятий далеки от унифицированности и системности.

В научной литературе неоднократно предлагалось усовершенствовать нормативный понятийный аппарат в области правового регулирования туризма. Так, например, в работах А. Ю. Савичева [13; 14], А. А. Никитина, О. А. Шевченко и Е. А. Кашехлебовой [10] содержатся предложения о закреплении понятий отдельных видов туризма в нормативных актах и составлении из этих понятий единой классификации различных видов туризма. Однако в работах данных авторов всё же не уделяется особого внимания именно потенциально опасным видам туризма.

Чаще всего классификация туризма в научных источниках [12] и учебной ли-

[1] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.09.2019 № 2129-р «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» // СПС Консультант Плюс.

тературе[1] рассматривается с точки зрения критерия экономической выгоды для государства в целом или для отдельных субъектов. Ряд определений категории «экстремальный туризм» можно увидеть в исследованиях социологической направленности. Предложенные М. А. Акимовой и Д. А. Рубаном [1] подходы к классификации, безусловно, заслуживают внимания. Но основной целью исследований являются организационные вопросы привлечения и хозяйственного обеспечения клиентов, желающих получить острые ощущения, поэтому тема правового регулирования потенциально опасных видов туризма остаётся не раскрытой.

В иностранной литературе потенциально опасные виды туризма принято относить к «приключенческому туризму». Но и в этом случае полноценно опереться на накопленный зарубежный опыт нельзя из-за того, что термин «приключенческий туризм» в иностранных источниках имеет преимущественно не научное, а прикладное (хозяйственное) значение [19].

В работах Е. Л. Писаревского туристическая деятельность раскрывается с точки зрения обеспечения безопасности субъектов [11]. Общетеоретический интерес представляют подходы Е. Л. Писаревского к толкованию категории «личная безопасность туриста» и классификации угроз безопасности, предложению по усилению юридической ответственности субъектов туристических правоотношений.

Вопросам гражданско-правовой ответственности туриста, турагента и туроператора посвящены труды многих исследователей, например, Е. А. Батищева [3], С. А. Черняковой [17]. Общие вопросы административно-правовой ответственности в сфере туризма рассматривались в работах О. В. Кулагиной [7], И. М. Киселева, Я. И. Фатьянова [15] и др.

Исследования, непосредственно посвящённые анализу правового регулирования потенциально опасных видов туризма, в настоящий момент отсутствуют. В этой связи представляется актуальным рассмотреть современное состояние, а также пути развития нормативного регулирования потенциально опасных видов туризма. В целях более наглядного представления информации в работе приведены выдержки из средств массовой информации, а также имеющихся научных источников, показывающих несовершенство существующей модели регулирования потенциально опасного туризма. Для достижения поставленных целей в работе представлен обзор общего и сегментарного состояния федерального нормативного регулирования, а также анализ отдельных положений региональных нормативных актов.

Нормативное закрепление понятийного аппарата и классификаций видов туризма

Любой вид туризма несёт некую опасность, которая при этом существенно отличается для различных видов деятельности. Однако в современно российском законодательстве *отсутствует* единая классификация видов туризма [13]. Отсюда возникают существенные затруднения – нельзя в точности определить, какую деятельность можно отнести к тому или иному виду туризма для оценки степени его опасности или безопасности.

Несмотря на банальность ситуации, действительно, в Российской Федерации отсутствует единый нормативный акт, в котором содержалась хотя бы одна полная единообразная классификация видов туризма в зависимости от какого-либо единого основания [5]. Так, Федеральный закон № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»[2] хотя и содержит в себе отдельные понятия видов туризма, но при этом не закрепляет единой классификации этих видов. Например, данный закон содержит понятия следующих видов туризма: *туризм внутренний, туризм выездной, туризм*

[1] *См.:* Бабкин А. В. Специальные виды туризма : учеб. пособие. М.: Советский спорт, 2008. 208 с.

[2] Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

международный, туризм социальный, туризм самодеятельный, туризм детский.

Количество данных понятий, а также их разносторонний характер не дают возможности произвести какую-либо классификацию по единому основанию. Если провести терминологический анализ систематических обсуждений вопросов туризма на уровне Правительства РФ, очевидно, что отдан приоритет категориям «внутренний туризм» и «выездной туризм». И в эти 2 базовых понятия включены остальные виды туризма[1].

Более обширный и подробный перечень видов туризма содержится в «ГОСТ Р 53522-2022. Национальный стандарт Российской Федерации. Туристские и экскурсионные услуги. Основные положения». Так, в п. 5.5 данного стандарта туристические поездки подразделяются в зависимости от цели путешествия на следующие виды: познавательные, лечебно-оздоровительные, курортно-рекреационные, профессионально-деловые, физкультурно-спортивные, религиозные (паломнические), событийные, круизные, активные, экстремальные, приключенческие, экологические, сельские, спелеотуры, водные и другие путешествия.

При изучении данной классификации может показаться, что приведённых видов туризма достаточно для выделения из них тех, которые являются потенциально опасными, однако это вовсе не так. Связано это с тем, что в нормативных актах не раскрываются понятия указанных видов деятельности, а следовательно, отсутствует возможность достоверно определить, какую именно деятельность осуществляют «туристы». В отсутствие чёткого разделения на уровне определений также невозможно однозначно отделить различные виды туризма друг от друга[2]. Например, неизвестно, какие действия осуществляются в целях активного туризма и какая граница стоит между активным и экстремальным туризмом.

Другая проблема связана с тем, что региональное законодательство не всегда соответствует федеральному, а в некоторых случаях имеются прямые противоречия в нормативном регулировании [8].

В ст.ст. 71–73 Конституции РФ[3] категория «туризм» прямо не упоминается. Таким образом, по предметам ведения отсутствует однозначная определённость, к чьей компетенции относится регулирование вопросов туризма. Метод исключения, используемый в ст. 73 Конституции РФ, формально даёт повод отнести туризм к сфере ведения субъектов. Однако данный посыл не корреспондируется с распределением компетенций, касающихся неразрывно связанных с туризмом сфер – безопасности, экологии, природопользования, вопросов воспитания и т. п. Базой для централизованного федерального регулирования является ФЗ «Об основах туристкой деятельности». При этом термин «об основах» в названии данного закона указывает, что он регулирует не все отношения, а только основополагающие базовые принципы [16, с. 22].

Отсутствие единого федерального законодательного регулирования приводит к различию в подходах к определению видов туризма в региональных нормативных актах. Данная проблема является довольно существенной, поскольку в отдельных субъектах по-разному понимаются те или иные особенности одного и того же вида туризма. При этом не стоит забывать, что от того, каким именно содержанием наполнено в нормативных актах понятие какого-либо вида туризма, зависит возможность отнесения его к потенциально опасным, а соответственно, требующим особого подхода в правовом регулировании видам туризма.

Для иллюстрации наличия противоречий в нормативных актах субъектов РФ можно обратить внимание на различные

[1] Внутренний и въездной туризм [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/rugovclassifier/500/events/ (дата обращения: 23.11.2023).

[2] Буйленко В. Ф. Туризм: учебник. Ростов-на-Дону; Краснодар: Феникс; Неоглори, 2008. С. 11.

[3] Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 23.11.2023).

подходы к пониманию термина «активный туризм» в 3 региональных законах.

Например, Закон Республики Тыва № 789ВХ-I «О туристкой деятельности в Республике Тыва»[1] содержит следующее понятие активного туризма: «целенаправленный туризм в естественной природной среде, связанный с преодолением различных препятствий по определённому маршруту (пеший, автомобильный, вело, горный, водный и др.), в том числе путешествия с целью охоты и рыбной ловли».

В Законе Архангельской области № 99-6-ОЗ «О туризме и туристской деятельности в Архангельской области»[2] среди приоритетных направлений туристкой деятельности выделяют активный туризм, который определяется следующим образом: «туризм с использованием активных способов передвижения, включая спортивный туризм». При этом необходимо отметить, что наряду с активным туризмом среди приоритетных направлений выделяют, в том числе, и следующие виды туризма как равнозначные активному: водный, культурно-познавательный, сельский, экологический, арктический, самодеятельный и др.

Третьим в нашей подборке является более специализированный акт – Закон Московской области № 4/2021-ОЗ «Об активных видах туризма в Московской области»[3]. В данном законе активные виды туризма определяются следующим образом: «путешествия, походы и экскурсии в природной среде с активными способами передвижения, для которых требуется специальная физическая подготовка и владение определёнными навыками и умениями, в т. ч. по использованию снаряжения и средств передвижения». При этом необходимо отметить тот факт, что в данном нормативном акте понятие «активные виды туризма» является обобщающим для нескольких подвидов: лыжный, водный, экстремальный, конный и т. д. Отсюда можно сделать вывод, что региональный подход существенным образом отличается от федерального, о котором было сказано выше. В законе Московской области понятия «активный туризм» и тот же «экстремальный туризм» рассматриваются как общее и частное, в то время как федеральный акт рассматривает их как явления одного уровня.

Исходя из представленных понятий, можно сделать вывод об отсутствии единых подходов к определению различных видов туризма, в данном случае активного. В каких-то региональных актах содержатся довольно мягкие понятия, не позволяющие говорить о повышенной опасности, как, например, в Законе Архангельской области. Где-то же, напротив, как, например, в Законе Московской области, – к субъектам активного туризма предъявляются повышенные требования, что может свидетельствовать о том или ином уровне риска для потребителей услуг при осуществлении данной деятельности.

Подходы к развитию законодательного регулирования

Законодателем неоднократно предпринимались попытки внести в действующее законодательство отдельные термины, касающиеся опасных видов туризма. Одними из наиболее интересных в этом плане являлись предложения по внесению в нормативные акты понятия «экстремальный туризм» [10]. Действительно, экстремальный туризм является одним из наиболее опасных для жизни и здоровья видов туристической деятельности, требует наличия определённого уровня навыков, и в большинстве случаев специального снаряжения.

[1] Закон Республики Тыва от 08.07.2011 № 789ВХ-I «О туристкой деятельности в Республике Тыва» // Тувинская правда. 2011. 19 июля.

[2] Закон Архангельской области от 24.03.2014 № 99-6-ОЗ «О туризме и туристской деятельности в Архангельской области» // Ведомости Архангельского областного собрания депутатов. 2014. № 6.

[3] Закон Московской области от 29.01.2021 № 4/2021-ОЗ «Об активных видах туризма в Московской области» // Ежедневные Новости. Подмосковье. 2021. № 20.

В 2017 г. в Государственную Думу был внесён проект закона[1], в соответствии с которым в ст. 1 «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» добавлялось определение: «экстремальный туризм – вид туризма, сочетающий активный отдых и (или) занятие спортом, в т. ч. в развлекательных целях, требующий специальных навыков и знаний, связанный с повышенной травмоопасностью, риском, с применением специального оборудования (устройств, приспособлений) и (или) технических средств, которые могут являться источниками повышенной опасности». Однако при анализе пояснительной записки к данному законопроекту становится очевидно, что его авторы в первую очередь преследовали цель не повысить уровень безопасности туризма, а повысить его популярность и количественно увеличить доходы от его реализации. Данный вывод подтверждается и тем, что законопроект не предусматривает никаких дополнительных мер обеспечения безопасности для конкретного вида туризма. Проект закона был отклонён Государственной Думой, в т. ч. и на том основании, что авторами не был разработан механизм применения данного понятия на практике, а также не были предложены дополнительные меры, обеспечивающие безопасность субъектов туристской деятельности. В предложенной версии законопроекта экстремальный туризм являлся чисто декларативным понятием, не отражающим потребностей современности.

Новым этапом в попытках урегулировать вопросы, связанные с экстремальным туризмом, является создание в 2022 г. рабочей группы по разработке законопроекта, который бы вносил ясность в законодательное регулирование. Руководителем данной группы был назначен А. Марков, член комитета Государственной Думы по туризму и развитию туристической инфраструктуры. В интервью «Парламентской газете» он отметил необходимость подготовки надлежащего правового регулирования: помимо понятийного закрепления экстремального туризма в законе важно также определить и эффективный механизм преодоления проблем, связанных с безопасностью туризма[2].

Руководитель рабочей группы также анонсировал планы по отнесению к экстремальному туризму и поездок в недружественные страны, поскольку данный вид отдыха сопровождается определённым риском. Данный подход является довольно нестандартным, поскольку имеющееся на настоящий момент правовое регулирование связывает экстремальный туризм именно с преодолением неких препятствий, требующих специальных навыков и оборудования. Другими словами, опасность исходит от физической активности и неблагоприятной окружающей среды. Для поездки же в недружественные страны характерны иные риски, более связанные с политической обстановкой и отношениями между людьми. Именно для этих целей так важно формирование на уровне нормативного регулирования определений различных видов туристической деятельности, поскольку именно определения позволяют в должной мере установить, на какие группы отношений распространяется то или иное правовое регулирование.

К сожалению, чаще всего законодательные инициативы в области безопасности туризма возникают в связи с трагичными событиями, получившими широкое освещение в средствах массовой информации. Так, сбору рабочей группы в 2022 г. предшествовала трагедия на Ключевской сопке, где погибли 9 альпинистов. Это далеко не единичный случай.

По всей стране неоднократно происходили различные трагичные случаи, имевшие, правда, не столь большой общественный резонанс. В августе 2023 г. груп-

[1] Проект Федерального закона № 296880-7 «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/296880-7 (дата обращения: 23.11.2023).

[2] Экстремальному туризму хотят написать закон // Парламентская газета: [сайт]. URL: https://www.pnp.ru (дата обращения: 23.11.2023).

па туристов погибла при путешествии по подземному руслу в г. Москве. Данный способ развлечения в последнее время пользуется всё большей популярностью, особенно среди молодых людей [2, с. 155]. При этом в законодательстве терминологическое обособление этого вида деятельности и способа времяпрепровождения не имеет закрепления. Диггерские подземные туры или экскурсии по крышам традиционно относят к индустриальному туризму. Большинство учёных и практиков под индустриальным туризмом понимают проведение экскурсий в городах, при этом не всегда на поверхности земли [18].

Первоначально индустриальный туризм чаще всего осуществлялся в форме самодеятельного: группы энтузиастов самоорганизовывались, чтобы самостоятельно путешествовать по городским индустриальным объектам. Позднее предприимчивые граждане поставили данный вид деятельности на поток и начали предлагать всем желающим проведение туров по тем или иным городским объектам, куда сложно попасть без соответствующей подготовки или оборудования. При этом законность проникновения на данные объекты иногда вызывает сомнения. Трагедия, произошедшая в 2023 г., в результате которой группу туристов унесло потоком дождевых вод в подземном коллекторе, позволила обратить внимание на отсутствие какого-либо законодательного регулирования в сфере индустриального туризма. Данный пример показывает востребованность ещё одного стремительно развивающегося вида туризма под общим названием «индустриальный туризм».

В сложившейся ситуации у государства есть два наиболее очевидных пути совершенствования законодательства: либо полностью запретить индустриальный туризм, связанный с повышенным риском, либо должным образом его урегулировать, чтобы свести риски к минимуму. На данный момент единой нормативно закреплённой позиции по данному вопросу не выработано. Тем не менее, зампредседателя Комитета Госдумы по туризму и развитию туристической инфраструктуры Н. Костенко в ходе пресс-конференции 13 сентября 2023 г. заявила, что полностью запрещать экскурсии под землей и по крышам не планируется[1]. Более того, по мнению экспертов, данный вид туризма стоит развивать и должным образом урегулировать путём закрепления требований к безопасности, правилам составления маршрутов, требованиям к квалификации гидов и т. д. По нашему мнению, это правильно, поскольку полный законодательный запрет может лишь привести к использованию незаконных схем работы «чёрных» туристических компаний, для которых будут отсутствовать какие-либо стимулы по обеспечению безопасности экскурсантов.

Если говорить об общих требованиях к регулированию потенциально опасного туризма, необходимо отметить, что, кроме введения в законодательство определений различных видов туризма, необходимо ещё и детально выстроить отношения между тремя группами лиц: туристами, туристическими компаниями, предлагающими туристический продукт, и лицами, ответственными за безопасность туризма. Без детального регулирования данных правоотношений невозможно в должной мере обеспечить безопасность для туристических групп и отдельных туристов.

При этом реализация данной позиции связана с определёнными сложностями. Чаще всего туристические компании, организующие туры, не имеют оборудования достаточного качества и количества, а также ресурсов для самостоятельной организации мероприятий (походов, поездок, сплавов, восхождений и т. д.), в результате чего они вынуждены прибегать к услугам третьих лиц.

Однако требования к ответственности и размеру финансового обеспечения применяются исключительно к туроператорам. Иные лица, например, перевозчики, несут ответственность исключительно в общем порядке, без квалифицирующего признака вовлечённости в туристическую деятельность. К

[1] Запрещать экскурсии по крышам не планируют // Парламентская газета: [сайт]. URL: https://www.pnp.ru (дата обращения: 23.11.2023).

примеру, наиболее уязвимой с точки зрения безопасности является перевозка туристических групп, которую чаще всего осуществляют сторонние организации или, в некоторых случаях, частные лица [4]. При этом обеспечение безопасности туристов требует в первую очередь административного регулирования. В условиях рыночной экономики компании, предлагающие туристический продукт, стремятся к минимизации своих издержек, в результате чего жертвуют соблюдением требований безопасности для создания экономически конкурентоспособного продукта. Усовершенствование механизма административного регулирования позволит добиться повышения уровня безопасности в определённых областях туристической деятельности, а также создаст условия для легального развития потенциально опасных видов туризма.

Заключение

Итак, отметим следующие особенности правового регулирования отдельных видов потенциально опасного туризма:

1) недостаточность разработки категориального аппарата системы в целом и большинства видов туризма, особенно тех, которые представляют повышенную опасность для потребителей туристических услуг, требует актуализации внимания учёных и законодателей;

2) отсутствие на федеральном уровне единого понятийного закрепления видов туризма приводит к несоответствию между нормами федерального закона и региональных актов. Для исправления сложившейся ситуации требуется на федеральном уровне в законах и(или) подзаконных актах закрепить основные понятия туристической деятельности, а также их общую классификацию. Наличие единой классификации позволит выделить виды туристской деятельности, которые представляют потенциальную опасность, и принимать своевременные меры по минимизации рисков для субъектов данных правоотношений;

3) сложность регламентации государственного регулирования потенциально опасных видов туризма является следствием множества причин. Одна из таких причин – необходимость определения единых критериев классификации видов туризма с учётом видовой специфики общественных отношений. В качестве основного критерия для отнесения какого-либо вида туризма к потенциально опасным необходимо принимать во внимание возможность наступления неблагоприятных последствий в случае применения и использования соответствующими субъектами правоотношений всего комплекса мер обеспечения безопасности, установленных государством. Обстоятельства наступления неблагоприятных последствий не должны включать нарушение законодательства, невыполнение рекомендаций компетентных государственных органов, ненадлежащее исполнение обязанностей субъекта конкретных правоотношений;

4) закрепление понятийных категорий различных видов туристической деятельности в федеральных нормативных актах следует дополнить принципами и механизмами, в соответствии с которыми будет осуществляться дальнейшее соотносимое федеральное и региональное нормативное регулирование;

5) нормативное регулирование не должно строиться по пути в первую очередь запретов, а иметь разрешительный характер. При этом для обеспечения должного уровня безопасности субъектов правоотношений необходимо разработать административный механизм влияния на поведение субъектов туристической деятельности. Да, данный вариант приведёт к некоторому удорожанию стоимости туристических услуг, но, с другой стороны, будет гарантировать необходимый уровень безопасности для потребителей услуг;

6) повышение безопасности туризма позволит государству сэкономить значительные силы и средства на организацию операций по поиску и спасению попавших в трудное положение туристов.

Статья поступила в редакцию 12.10.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова М. А., Рубан Д. А. Экстремальный туризм: совершенствование классификации // Географический вестник. 2016. № 1. С. 95–103.
2. Баландина Г. А. Индустриальный туризм как инновационная форма досуга // Вестник Тюменского государственного института культуры. 2016. № 2. С. 154–157.
3. Батищев Е. А. Ответственность субъектов туристской деятельности // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 67–74.
4. Кобец П. Н. О проблеме безопасности и защиты в туризме в условиях середины второго десятилетия XXI столетия // Туризм: право и экономика. 2017. № 1. С. 9–11.
5. Коростелев Е. М., Гаврилов Ю. Г. Развитие экологически безопасного туризма в Арктической зоне Российской Федерации // Туризм: право и экономика. 2019. № 1. С. 22–25.
6. Кудреватых А. С. Новое в правовом регулировании деятельности отдельных субъектов туристской индустрии // Туризм: право и экономика. 2021. № 4. С. 6–7.
7. Кулагина О. В., Киселев И. М. Ответственность за нарушение законодательства в сфере туристической деятельности // Аграрная наука и образование: проблемы и перспективы: сб. статей науч.-практ. конф. Саратов, 2023. С. 308–317.
8. Левочкина Н. А. Региональный туризм: организационно-правовые аспекты регулирования // Russian Journal of Education and Psychology. 2011. № 4. С. 3–7.
9. Ланг П. П. К вопросу о теоретико-правовом понимании деятельности // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2019. № 2. С. 23–31.
10. Никитин А. А., Шевченко О. А., Кашехлебова Е. А. Эволюция и перспективы развития системы отечественного законодательства в сфере туризма // Туризм: право и экономика. 2019. № 4. С. 13–17.
11. Писаревский Е. Л. Правовое обеспечение личной безопасности туристов // Журнал российского права. 2011. № 5. С. 13–23.
12. Рожин В. В. Определение, классификация видов туризма, основные показатели, характеризующие развитие туризма // Человек. Социум. Общество. 2023. № 7. С. 228–234.
13. Савичев А. Ю. К вопросу о законодательном закреплении классификации видов туризма // Право и политика. 2021. № 4. С. 63–72.
14. Савичев А. Ю. Правовая регламентация деятельности экскурсоводов (гидов), гидов-переводчиков и инструкторов-проводников: опыт субъектов Российской Федерации и перспективы федерального регулирования // Административное и муниципальное право. 2020. № 3. С. 1–12.
15. Фатьянов Я. И., Гордеев М. Ю., Скоробогатова А. С. Административная ответственность в туристической сфере // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 8. С. 237–239.
16. Чеботарева И. А. Компетенция субъектов РФ в сфере туризма: состояние правового регулирования и перспективы развития в свете новой стратегии // Административное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 22–36.
17. Чернякова С. А. Отдельные аспекты правового регулирования туризма в России // Сервис в России и за рубежом. 2019. Т. 13. № 3. С. 87–100.
18. Щетинина Н. В. Особенности уголовно-правовой оценки вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни // Законность. 2021. № 5. С. 173–176.
19. Hall C. M. Special Interest Tourism. London: Belhaven Press, 1992. 214 p.

REFERENCES

1. Akimova M. A., Ruban D. A. [Extreme tourism: improving the classification]. In: *Geograficheskiy vestnik* [Geographical Bulletin], 2016, no. 1, pp. 95–103.
2. Balandina G. A. [Industrial tourism as an innovative form of leisure]. In: *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo instituta kultury* [Bulletin of the Tyumen State Institute of Culture], 2016, no. 2, pp. 154–157.
3. Batishchev E. A. [Responsibility of subjects of tourism activities]. In: *Probely v rossiyskom zakonodatelstve* [Gaps in Russian legislation], 2012, no. 2, pp. 67–74.
4. Kobets P. N. [On the problem of security and protection in tourism in the conditions of the middle of the second decade of the 21st century]. In: *Turizm: pravo i ekonomika* [Tourism: law and economics], 2017, no. 1, pp. 9–11.

5. Korostelev E. M., Gavrilov Yu. G. [Development of environmentally safe tourism in the Arctic zone of the Russian Federation]. In: *Turizm: pravo i ekonomika* [Tourism: law and economics], 2019, no. 1, pp. 22–25.
6. Kudrevatykh A. S. [New in the legal regulation of the activities of individual subjects of the tourism industry]. In: *Turizm: pravo i ekonomika* [Tourism: law and economics], 2021, no. 4, pp. 6–7.
7. Kulagina O. V., Kiselev I. M. [Responsibility for violation of legislation in the field of tourism]. In: *Agrarnaya nauka i obrazovaniye: problemy i perspektivy* [Agrarian science and education: problems and prospects]. Saratov, 2023, pp. 308–317.
8. Levochkina N. A. [Regional tourism: organizational and legal aspects of regulation]. In: *Russian Journal of Education and Psychology*, 2011, no. 4, pp. 3–7.
9. Lang P. P. [On the issue of theoretical and legal understanding of activity]. In: *Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskiye nauki* [Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Legal sciences], 2019, no. 2, pp. 23–31.
10. Nikitin A. A., Shevchenko O. A., Kashekhlebova E. A. [Evolution and prospects for the development of the system of domestic legislation in the field of tourism]. In: *Turizm: pravo i ekonomika* [Tourism: law and economics], 2019, no. 4, pp. 13–17.
11. Pisarevsky E. L. [Legal support for the personal safety of tourists]. In: *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2011, no. 5, pp. 13–23.
12. Rozhin V. V. [Definition, classification of types of tourism, main indicators characterizing the development of tourism]. In: *Chelovek. Sotsium. Obshchestvo* [Man. Society. Society], 2023, no. 7, pp. 228–234.
13. Savichev A. Yu. [On the issue of legislative consolidation of the classification of types of tourism]. In: *Pravo i politika* [Law and Politics], 2021, no. 4, pp. 63–72.
14. Savichev A. Yu. [Legal regulation of the activities of tour guides (guides), guides-translators and instructors-guides: experience of the constituent entities of the Russian Federation and prospects for federal regulation]. In: *Administrativnoye i munitsipalnoye pravo* [Administrative and municipal law], 2020, no. 3, pp. 1–12.
15. Fatyanov Ya. I., Gordeev M. Yu., Skorobogatova A. S. [Administrative responsibility in the tourism sector]. In: *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i otraslevykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 2020, no. 8, pp. 237–239.
16. Chebotareva I. A. [Competence of the constituent entities of the Russian Federation in the field of tourism: the state of legal regulation and development prospects in the light of the new strategy]. In: *Administrativnoye i munitsipalnoye pravo* [Administrative and municipal law], 2020, no. 1, pp. 22–36.
17. Chernyakova S. A. [Certain aspects of legal regulation of tourism in Russia]. In: *Servis v Rossii i za rubezhom* [Service in Russia and abroad], 2019, vol. 13, no. 3, pp. 87–100.
18. Shchetinina N. V. [Features of the criminal legal assessment of the involvement of a minor in the commission of actions that pose a danger to his life]. In: *Zakonnost* [Legality], 2021, no. 5, pp. 173–176.
19. Hall C. M. Special Interest Tourism. London, Belhaven Press, 1992. 214 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Щукин Владимир Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин Московского инновационного университета, доцент кафедры права Российского университета кооперации;
e-mail: vl-95006@mail.ru

Русановский Ярослав Васильевич – аспирант кафедры правовых дисциплин Московского инновационного университета;
e-mail: yarrusan@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir V. Shchukin – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Legal Disciplines, Moscow Innovation University, Department of Law, Russian Cooperation University;
e-mail: vl-95006@mail.ru

Yaroslav V. Rusanovsky – Postgraduate Student, Department of Legal Disciplines, Moscow Innovative University;
e-mail: yarrusan@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Щукин В. В., Русановский Я. В. К вопросу о нормативном регулировании потенциально опасных видов туризма // Московский юридический журнал. 2023. № 4. С. 14–24.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-14-24

FOR CITATION

Shchukin V. V., Rusanovsky Yu. V. On the Issue of Law Regulation of Potentially Dangerous Types of Tourism. In: *Moscow Juridical Journal*, 2023, no. 4, pp. 14–24.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-14-24

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343.01:343.13
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-25-34

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОВАЯ АКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ: РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ И СВОБОД

Беженцев А. А., Игошин Н. А.
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления (филиал)
199178, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., д. 57/43, Российская Федерация

Аннотация
Цель. Изучая дефиницию правовой активности, авторы преследовали цель рассмотреть её в качестве элемента правовой культуры. Подчёркивается, что понятие правовой активности отражает не только соблюдение юридических предписаний.
Процедура и методы. Для достижения поставленной цели было систематизировано и проанализировано внушительное количество научных, учебных и методических источников. Обобщены нормы международного и национального законодательства по вопросам правового регулирования общественных отношений в социальной и культурно-правовой сферах. В работе использовались диалектический метод, в т. ч. анализ и синтез, а также культурологический и сравнительно-правовой методы. При выявлении закономерностей применялись логический метод, в т. ч. дедукция, индукция, аналогия, а также исторический и формально-юридический методы. При описании и сравнении полученных результатов с результатами других исследований, использовались системный, функциональный и социологический методы.
Результаты. Основным результатом исследования является обоснованное и выверенное определение правовой культуры, которое подчёркивает её активные, динамические стороны.
Теоретическая и/или практическая значимость. Правовая культура как определённый объём социальной информации, создаваемой и накапливающейся в обществе и в сознании отдельных индивидуумов, является отражением тенденций развития общественных отношений.

Ключевые слова: право, культура, правовая культура, правовая активность, обеспечение прав, правосознание, правовой нигилизм

LEGAL CULTURE AND LEGAL ACTIVITY OF INDIVIDUALS: ROLE IN ENSURING RIGHTS AND FREEDOMS

A. Bezhentsev, N. Igoshin
Northwestern Institute of Management (branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation)
V.O. Sredniy pr. 57/43, St. Petersburg 199178, Russian Federation

Abstract
Aim. Studying the definition of legal activity, the authors aimed to consider it as an element of legal culture. Emphasizing that the concept of legal activity reflects not only compliance with legal regulations.

© CC BY Беженцев А. А., Игошин Н. А., 2023.

Methodology. To achieve this goal, the authors collected, systematized and analyzed an impressive number of scientific, educational and methodological sources. We summarized the norms of international and national legislation on issues of legal regulation of public relations in the social, cultural and legal sphere. To summarize the results obtained, the authors used the dialectological method, incl. analysis and synthesis, as well as cultural and comparative legal methods. When identifying patterns, a logical method was used, incl. deduction, induction, analogy, as well as historical and formal legal methods. When describing and comparing the results obtained with the results of other studies, the authors used systemic, functional and sociological methods.
Results. The main result of the study, which the authors present to a wide range of the scientific community, is a well-founded and verified definition of legal culture, which emphasizes its active, dynamic aspects.
Research implications. Legal culture as a certain amount of social information created and accumulated in society and in the minds of individuals is a reflection of trends in the development of social relations.

Keywords: law, culture, legal culture, legal activity, ensuring rights, legal consciousness, legal nihilism

Введение

В процессе эволюционирования России как демократического, социального, правового государства особое значение приобретает оптимизация механизма реализации прав, свобод граждан и законных интересов, обеспечение их обязанностей в отношении социума и государства, что в полной мере относится и к сегменту правового регулирования. Это обусловлено формированием новых приоритетов в отношениях органов исполнительной власти и граждан, когда на первое место выходят максимальное удовлетворение прав и свобод личности, реализация принципа «*человек – цель, а не человек – средство*», что означает трепетную заботу общества и государства по охране прав и свобод каждого человека [8].

Не вызывает сомнений, что в дальнейшей трансформации сущности и содержания исполнительной власти на действительно демократических началах важнейшим требованием необходимо считать признание самоценности каждого индивидуума, незыблемости его естественных и других основных прав и свобод [16]. Таким образом, задача гуманизации отношений граждан и государства в лице его органов прямо соотносится с проблемами решения принадлежащих лицам прав и свобод, исполнения ими соответствующих обязанностей, т. е. реального воплощения в жизнь всех составляющих общеправового статуса индивидов.

Культура как объект исследования

В свою очередь, к важнейшим аспектам механизма реализации субъективных прав относится и уровень *правовой культуры* субъектов правоотношений, возникающих в той или иной сфере социальной жизни [4]. На наш взгляд, уровень правовой культуры выступает не только как своеобразный катализатор, динамика правоотношений, но и как одна из важных гарантий обеспечения прав, свобод и обязанностей лиц. Это позволяет рассмотреть сущность феномена правовой культуры и её значение для обеспечения и охраны прав граждан [5].

В первую очередь необходимо отметить многогранность и сложность самого понятия *культуры*. Первоначально термин «*культура*» (от лат. *cultura*) определялся как обработка и уход за землёй для того, чтобы сделать её пригодной для удовлетворения человеческих потребностей. Сегодня под культурой понимают совокупность проявлений жизни, достижений и творчества народа. С точки зрения содержания, культура распадается на разные отрасли, в т. ч. обычаи, язык и письменность, постановку воспитания, экономику, общественно-политическое устройство, право, судопроизводство.

Категория культуры является предметом пристального внимания разных общественных наук. При этом насчитываются сотни определений этого понятия, и вряд

ли можно найти другое понятие с таким количеством оттенков содержания, как "культура" [1; 2; 3; 9; 11]. Однако анализ высказываний о понятии культуры позволяет выделить ряд общих положений, имеющих базовое значение для уяснения её сущности.

Полагаем, что культура – это процесс формирования человека. Её содержанием выступает развитие самой личности, её творческих действий, способностей, форм общения и культурных потребностей. Вся общественная история являет себя в культуре со стороны развития самого человека [15]. Можно определить культуру и как самообразование, самопроизводство человека в конкретных формах его общественно-политической деятельности. Укажем на динамику культуры как процесс превращения богатства и опыта человеческой истории во внутреннее богатство индивидов в ходе социально значимой творческой деятельности. Присоединяемся к мнению Е. А. Певцовой и Д. А. Пашенцева, что суть культуры определяет активная творческая человеческая деятельность, феноменом культуры выступает развитие человека как субъекта этой деятельности [13].

Можно выделить одну из важнейших характеристик понятия культуры, а именно то, что она связывается прежде всего с активной творческой деятельностью человека и в конечном счёте позволяет рассматривать развитие личности как компонент эволюции социума в целом.

Соотношение права и культуры

Не вызывает колебаний, что *право* относится к базовым ценностям человеческой культуры. Ценностные свойства права обусловлены природой этого специфического явления, его значением как особой формы общественных отношений, местом и ролью в социо-нормативной системе общества. Вот почему возможно трактовать право как неотъемлемую составляющую общей культуры и, соответственно, включать правовую культуру в понятие культуры как структурный элемент.

При этом следует иметь в виду, что анализ правовой культуры невозможен без выделения различных срезов культуры, а именно: *а)* непосредственного среза, выражающего мир психологических процессов человеческих индивидов; *б)* поведенческого, когда культура объективируется в соответствующих действиях, состояниях, когда явление культуры получает независимую от человеческого организма объективизацию.

Указанные среды, охватывая различные проявления культуры, в реальных процессах функционирования и развития характеризуются органической взаимосвязью и взаимопереходами и, безусловно, должны учитываться при моделировании *правовой культуры* и определении её функций.

Нельзя не отметить и то важное обстоятельство, что эволюция культуры связана с генезисом и развитием права с тех пор, когда в жизни общества появились элементы регулирования происходящих в нём процессов. Приводя в порядок общественные отношения, правовые нормы, даже в зачаточном состоянии, влияли и на общую культуру общества, и на культуру индивида, заставляя осмысливать действительность, формировать к ней субъективное отношение, в т. ч. и сопоставляя поведение лица с поведением других членов общества.

Таким образом, кажется правильным говорить о взаимном влиянии права и культуры, взаимообогащении этих важнейших составляющих нашей общественной жизни.

Правовая культура как социальное явление

Что же представляет собой *правовая культура*, характеризующаяся как важное социальное явление? В целом понятие правовой культуры охватывает такие её составляющие: *а)* правовая культура общества; *б)* правовая культура индивидуума. В зависимости от социальных ролей последних можно выделить правовую культуру людей и правовую культуру лиц, занимающихся правоприменительной деятельностью в силу необходимости выполнения

соответствующих служебных функций [12].

При этом на человека влияют чёткие взаимосвязи и взаимозависимости указанных составляющих. С одной стороны, уровень правовой культуры индивида зависит от уровня правовой культуры общества в целом, а с другой стороны, правовая культура индивидов в значительной степени определяет состояние и уровень правовой культуры общества. При этом необходимо иметь в виду, что, выступая необходимым условием и творческим началом нормативно-правового положения общества, правовая культура личности отражает степень и характер правового вектора и прогресса самой личности, они находятся в выражении уровня её правомерной деятельности.

Уверены, что правовая культура выступает одним из системообразующих компонентов правовой действительности, охватывающей все без исключения правовые явления.

Следует подчеркнуть, что правовая культура представляет собой многофункциональную систему[1].

Выделим ключевые функции правовой культуры:

1) гуманистическая;

2) передача правового опыта;

3) познавательная;

4) регулирование поведения индивидов.

С *гуманистической функцией,* согласно которой в системе уклада социума преобладает наивысшая ценность – жизнь (жизнедеятельность) человека, и все материальные и нематериальные ресурсы сосредоточены на том, чтобы сделать эту жизнь предельно комфортной и безопасной, тесно связаны все другие функции правовой культуры. К ним можно отнести и *функцию передачи правового опыта,* которая, будучи разновидностью социального опыта, предполагает передачу накопленных правовых знаний (правовой опыт) из поколения в поколение и тем самым формирует правовой кругозор, способствует обогащению правового мировоззрения. *Познавательная функция* правовой культуры способствует накоплению знаний о правовой действительности и, соответственно, способствует росту знаний о праве и его возможностях, представляет собой важнейший фактор его формирования и уровня. Существенной функцией правовой культуры следует выделить *функцию регулирования поведения индивидов*. Правовая культура в значительной степени влияет на поведение людей, определяет их действие в той или иной ситуации.

Осмысление феномена правовой культуры невозможно без рассмотрения её связи с другим важным правовым явлением. Речь идёт о *правосознании*. Право нуждается в правосознании для того, чтобы стать творческой жизненной силой, а правосознание нуждается в праве для того, чтобы приобрести предметную основу и объективную правильность[2].

В значительной степени это можно отнести и к правовой культуре. Правовая культура личности тесно сплетена с правосознанием и включает в себя её элементы. Однако эти понятия нельзя трактовать как тождественные. Представляя собой понятие более широкое по отношению к правовой культуре, правосознание формируется и включает в себя как положительные, так и отрицательные взгляды, убеждения, оценки. Что же касается правовой культуры, то она по своей сути представляется сугубо положительной и призвана обеспечивать правомерное и социально активное поведение[3]. Таким образом, правовая культура выступает как фактор, обеспечивающий соответствующий уровень правосознания отдельного индивида и общества в целом.

Подчеркнём, что на общетеоретическом уровне вопросы, касающиеся понятия и структуры правовой культуры, получили достаточно широкое освещение в литературе[4]. Не прибегая к тщательному анализу

[1] Культурология / под ред. А. Н. Марковой. М.: Юнити-Дана, 2003. С. 10–12.

[2] Ильин И. А. О сущности правосознания. М.: Рарогъ, 1993. С. 40.

[3] Аграновская Е. В. Правовая культура и обеспечение прав личности. М.: Наука, 1988. С. 18–19.

[4] Общая теория права: учебник / под. ред.

высказанных на этот счёт точек зрения, отметим лишь то, что наиболее важными для характеристики правовой культуры являются гарантии обеспечения прав и свобод индивида в области отношений с органами государства, должностными лицами. Речь идёт о том, что важнейшими предпосылками существования и уровня правовой культуры и её составляющими выступают наличие и степень знаний о праве, убеждённость в его ценности и необходимости качественной жизни и безопасности общества и отдельных людей и соответствующее поведение, связанное с установкой на важность и целесообразность выполнения требований правовых норм.

Не вызывает сомнений, что знания о праве не только являются важнейшей предпосылкой нормального существования человека в обществе, но и значимой гарантией надлежащего выполнения требований закона со стороны сотрудников и служащих государственных органов, призванных осуществлять правоприменительную деятельность. Отлаженность и действенность государственного механизма напрямую зависит от уровня правовой культуры его сотрудников и служащих. Очевидно, что реализовать соответствующие права, свободы и исполнять обязанности можно только при условии осведомлённости об их наличии.

Вступая в отношения с органами государства, их должностными лицами, гражданин проявляет соответствующий объём правовых знаний и тем самым не только стремится удовлетворить свои потребности, но и зачастую способствует надлежащей реализации обязанностей представителей государства по отношению к нему.

Более того, нам кажется, что уровень правовых знаний гражданина чаще всего служит предупреждением возникновения разного рода конфликтных ситуаций в отношениях между ним и органами государства, поскольку аргументированная, обоснованная требованиями правовых норм позиция гражданина в определённой, порой в значительной степени является сдерживающим фактором проявления субъективизма, непрофессионализма, а время от времени, и злоупотреблений со стороны представителей государственных органов и организаций.

При этом необходимо отметить, что использование правовых знаний со стороны граждан, безусловно, связано с субъективным отношением к праву, признанием его ценности и необходимости для регулирования отношений в обществе. Отрицание ценности права и его значения для надлежащей реализации отношений всех субъектов права является основой такого негативного явления, как *правовой нигилизм*, что находит своё проявление в сознательном несоблюдении и невыполнении требований закона. Это особенно опасно, когда исходит от представителей органов государства, поскольку следствием является не только нарушение прав конкретного гражданина, но и возникновение предпосылок для нарушений в работе государственного механизма.

Отметим важность формирования у индивида ценностей правовой ориентации, т. к. в процессе социализации личности: *а)* общественное сознание, объективированное в коллективном правовом опыте, проходит через психологию личности, трансформируется в индивидуальное; *б)* права и обязанности переводятся из социальной сферы в личную плоскость.

В свою очередь, лично усвоенные права и обязанности лежат в основе формирования ценностного мировоззрения индивида, правовой ориентации, включают глубокое убеждение в их важности и необходимости в обществе, способствуют превращению содержания прав и обязанностей во внутреннюю мотивацию, установку, навыки правомерного поведения.

Не вызывает колебаний, что поведенческий аспект правовой культуры выступает

А. С. Пиголкина. М., 1995. С. 148; Семитко А. П. Правовая культура общества: сущность, противоречия, прогресс. Свердловск, 1990. С. 50–52; Кейзеров Н. М. Политическая и правовая культура. Методологические проблемы. М.: Юр. лит-ра, 1983. С. 110–114; Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юридическая литература, 1966. С. 176–177.

как стержневой элемент её конструкции. В реальной жизни совокупность знаний о праве, ценностных ориентирах личности должна объективироваться в конкретное положение к правовым установкам. С этих позиций можно говорить о правовой активности личности и её правовой инфантильности.

Правовая активность личности

Что же представляет собой правовая активность личности?

В широком смысле правовая активность определяется как самостоятельная, внутренне мотивированная деятельность по реализации правовых предписаний[1]. В этой связи необходимо отметить ряд важнейших, на наш взгляд, обстоятельств. Прежде всего, не совсем ясно, всегда ли внутренняя мотивировка деятельности по реализации правовых предписаний может квалифицироваться как составляющая правовой активности.

Имеются мнения, что правовой активности можно давать как положительную, так и отрицательную оценку при её сопоставлении с законом. Мы считаем, что это не совсем так. По нашему мнению, ключевой в такой ситуации следует считать сопоставимость с требованиями закона. Когда поведение лица направлено на нарушение требований закона, то речь может идти о противоправной активности. В ситуации же, когда поведение индивида не нарушает требований закона, но может квалифицироваться как нарушение определённых моральных критериев (например, если лицо, имея соответствующие правовые знания, сознательно скрывает от контрагента определённые особенности толкования и применения отдельных правовых норм, желая достичь выгодного для себя результата), может идти речь об определённом негативном сдерживании правовой активности. Если же видна явно противоправная мотивировка деятельности личности, то признавать такую деятельность как правовую активность вряд ли целесообразно.

Отметим также, что в основе любой осмысленной деятельности лежит целеполагание, а цель любой деятельности обязательно моделирует будущее и предполагает только желаемые результаты. И здесь можно говорить о положительном и негативном характерах целеполагания. При этом только положительный характер целеполагания может быть отнесён к правовой активности. И, наконец, необходимо указать на ещё одно важное обстоятельство. Постановка и реализация определённых целей детерминируется наличием у субъекта целеполагания соответствующих интересов. Именно интересы определяют направление деятельности субъекта, формируют мотивы его поступков и социального поведения, они наиболее глубинны в системе факторов, определяющих выбор субъектом того или иного варианта поведения. При этом только интересы положительного характера выступают как фактор, который влечёт за собой правовую активность личности.

Постигая дефиницию правовой активности как предпосылку жизнедеятельности правовой культуры, необходимо подчеркнуть, что понятие правовой активности надлежит координировать не только с деятельностью по осуществлению юридических предписаний. Справедливо, что правовая активность не может быть сведена исключительно к правомерному поведению как соблюдение правовых норм. Она предполагает более высокий уровень поведения, более высокую степень правосознания, заинтересованность в положительной деятельности.

Отметим и то обстоятельство, что правовая активность может находить своё проявление не только в деятельности, направленной на реализацию субъективных правовых интересов и достижение субъективных целей. Правовая активность включает в себя и деятельность, направленную на реализацию положительных целей и

[1] Шафиров В. М. Правовая активность граждан в развитом обществе: общетеоретические вопросы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1979. С. 11–12.

интересов других лиц. Прежде всего это связывается с соответствующей гражданской позицией, заинтересованностью в надлежащей деятельности органов государства, должностных лиц, реализации государственной политики в целом и, безусловно, с желанием способствовать реализации защиты прав и интересов граждан [10; 14].

Выделение разновидностей правовой активности индивидов и правовой активности лиц, осуществляющих правоприменительную деятельность, позволяет говорить и о разновидностях правовой активности, а именно – о правовой активности граждан и правовой активности правоприменителей. Относительно сотрудников правоохранительных органов последняя определяется как инициативная деятельность в сфере правопорядка, стремление руководствоваться исключительно правовыми предписаниями и нравственными нормами. Мы убеждены, что приведённые выше аргументы применимы и к определению такого рода правовой активности, а саму её можно определить как профессионально-правовую активность.

Понятие «правовая культура» относится не только к гражданам, но и к лицам, которые в силу своих профессиональных обязанностей осуществляют правоприменительную деятельность. При этом речь идёт не только о юристах-профессионалах, но и о значительном количестве представителей органов управления, осуществляющих свою деятельность в той или иной сфере жизни общества и государства. Они составляют определённую профессиональную группу, деятельность которой связана с реализацией управленческих функций и соотносится с обеспечением прав и свобод граждан в сфере государственного управления.

Под дефиницией правовой культуры профессиональной группы субъектов понимаем систему правовых ценностей, свойственных сообществу людей, профессионально занимающихся определённой деятельностью, требующей профессионального образования и практической подготовки. Таким образом, правовая культура приобретает признак профессионального качества для лиц, занимающихся управленческим трудом в органах исполнительной власти.

Природа профессиональной культуры по отношению к сотрудникам органов исполнительной власти раскрывается в ряде тесно связанных функций:

– формировании чувства моральной и юридической ответственности;

– содействии соблюдению сложившегося положительного стереотипа поведения;

– выработке нравственной обоснованности служебных отношений;

– воспитании готовности безупречно выполнять свой служебный долг;

– выработке культуры профессиональных действий, согласовании общественных (предпочитая их предпочтение) и личных интересов сотрудников и служащих;

– предупреждении профессиональной деформации в проявлении бюрократизма сотрудников и служащих.

Все приведённые функции в той или иной степени связаны с функцией обеспечения и защиты прав и свобод граждан.

Уровень профессионально-правовой культуры выступает важной органической составляющей гарантирующего влияния правовой культуры в целом, обеспечивающей соблюдение прав и свобод граждан в сферах уголовного, гражданского, арбитражного, административного процессов. Особое значение это приобретает по отношению к его лидирующим субъектам, которые наделены значительным арсеналом правовых средств, способных, с одной стороны, обеспечить гражданину режим «наибольшего содействия» в отношениях с органами государства, их должностными лицами, а с другой – стать «орудием ведомственного произвола», причиной значительного морального и материального вреда, основанием потери доверия к государству и его представителям.

Заключение

Гарантирующее влияние правовой культуры представителей органов исполнительной власти в их отношениях с гражданами находит своё выражение в том, что:

– *во-первых*, формирует у субъекта правоприменения позицию нетерпимости к проявлениям любого рода нарушения закона;

– *во-вторых*, ориентирует его не только на чёткое исполнение своих служебных обязанностей, но и на необходимость предоставления (в соответствующих рамках служебных обязанностей) правовой помощи гражданам в форме разъяснения соответствующих положений законодательства;

– *в-третьих*, способствует формированию положительного психологического климата в отношениях с гражданами, предупреждению формирования негативного имиджа представителей органов государства в глазах граждан и тем самым помогает росту уважения к представителям государства в целом;

– *в-четвёртых*, минимизирует возможность возникновения правовых споров и разного рода конфликтных ситуаций в области отношений граждан с органами государства.

Одним из перспективных подходов к осмыслению феномена правовой культуры является рассмотрение его под углом категории информации [6].

Информация лежит в основе всех социальных процессов, пронизывает все сферы жизни социума и государства, заметно определяет бытие отдельных индивидов, представляет собой важную предпосылку существования человека в обществе. Кроме того, уровень и качество информации в значительной степени обеспечивают степень развития государства, зависящую от возможностей освоения информации и эффективности её использования в пользу человека.

В современной культурологии одним из самых интересных подходов к культуре выступает так называемый информационный подход, когда культура понимается не только как совокупность продуктов человеческой деятельности, но и миром значений, которые человек вкладывает в свои произведения и действия.

Выделяются 3 основных вида значений содержания культуры: знания; ценность; регулятив[1]. Их связь с информацией позволяет акцентировать внимание на следующих важных положениях. Во-первых, знание всегда основывается на определённой информации: во-вторых, если знание констатирует некоторые свойства объекта, то формирование ценностных ориентиров обусловлено оценкой имеющихся знаний, определением их важности или неважности для конкретного индивида в соответствующих жизненных ситуациях; в-третьих, накопление знаний, формирование ценностных ориентиров в конечном счёте необходимы для определения соответствующих средств и способов достижения целей [7]; в-четвёртых, знания и ценностные ориентиры объективируются в конкретной деятельности, определяют поведение людей в той или иной жизненной ситуации.

Это в полной мере относится и к правовой культуре. В основе знаний о праве лежит соответствующая информация, объём и уровень которой определяют также понимание правовых установок и соответствующую позицию лица по сознательному выполнению их требований. Объём и качество правовой и других видов информации в значительной степени определяют и деятельность индивида, связанную с реализацией и защитой соответствующих прав и свобод.

Статья поступила в редакцию 18.09.2023.

[1] Кармин А. С. Основы культурологии: морфология культуры. М.: Лань, 1997. С. 29–35.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемова Д. И. Правовая культура стратегического развития субъектов Российской Федерации // Правовая культура. 2022. № 3. С. 13–20.
2. Астафичев П. А. Парламентская культура как индикатор правовой культуры общества // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. Т. 27. № 2. С. 144–150.
3. Жуков В. Н. Правовая культура и национальная культура // Право и государство: теория и практика. 2020. № 8. С. 16–20.
4. Иванов Е. Н., Ковалев Н. А. Гендерный аспект правовой культуры: проблемы и перспективы // Гендер и право. 2023. Т. 9. № 4. С. 150–165.
5. Иванова Е. А. Правовая культура: сущность, структура, значение // Вестник Омского университета. 2021. Т. 27. С. 196–203.
6. Иванова Н. Ф. Формирование правовой культуры в современном обществе // Вестник правовой науки. 2020. Т. 8. № 1. С. 45–60.
7. Карелина А. В. Формирование правовой культуры в обществе: теоретические и практические аспекты // Юридический вестник Ярославского государственного университета. 2022. Т. 21. С. 123–134.
8. Кузнецова Е. В., Петров В. И. Правовая культура и её роль в формировании правового государства // Правоведение и юридическая практика. 2023. Т. 6. № 1. С. 35–50.
9. Малько А. В., Маркунин Р. С., Шумских Ю. Л. Правовая культура и смягчение юридической ответственности // Правовая культура. 2021. № 3. С. 7–12.
10. Махина Е. А. Правовая культура и гражданское общество: взаимосвязь и влияние // Правосудие. 2020. Вып. 5. С. 57–64.
11. Муромцев Г. И., Султанкулова К. А. Правовая культура - важнейший аспект культуры современного общества // Аграрное и земельное право. 2021. № 9. С. 115–117.
12. Обуховская О. Н. Правовая культура и современное общество: возможности и ограничения // Правоведение. 2021. Т. 63. С. 84–91.
13. Певцова Е. А., Пашенцев Д. А. Правовая культура постиндустриального общества: методологические основы исследования // Московский юридический журнал. 2023. № 3. С. 8–16.
14. Петров А. И., Соколова О. В. Правовая культура и гражданское общество: взаимосвязь и проблемы развития // Юридическое образование и наука. 2021. Т. 11. № 3. С. 112–125.
15. Сидоров П. М., Михайлова Е. А. Правовая культура: понятие, содержание, основные аспекты // Международное право и международные отношения. 2022. Т. 12. № 2. С. 80–95.
16. Трифонов А. С. Правовая культура и государственно-правовое развитие: теоретические аспекты // Правоведение. 2023. Т. 84. С. 101–114.

REFERENCES

1. Artemova D. I. [Legal culture of strategic development of the constituent entities of the Russian Federation]. In: *Pravovaya kultura* [Legal culture], 2022, no. 3, pp. 13–20.
2. Astafichev P. A. [Parliamentary culture as an indicator of the legal culture of society]. In: *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii* [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2021, vol. 27, no. 2, pp. 144–150.
3. Zhukov V. N. [Legal culture and national culture]. In*: Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and state: theory and practice], 2020, no. 8, pp. 16–20.
4. Ivanov E. N., Kovalev N. A. [Gender aspect of legal culture: problems and prospects]. In: *Gender i pravo* [Gender and Law], 2023, vol. 9, no. 4, pp. 150–165.
5. Ivanova E. A. [Legal culture: essence, structure, meaning]. In: *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University], 2021, vol. 27, pp. 196–203.
6. Ivanova N. F. [Formation of legal culture in modern society]. In: *Vestnik zakona nauki* [Bulletin of Legal Science], 2020, vol. 8, no. 1, pp. 45–60.
7. Karelina A. V. [Formation of legal culture in society: theoretical and practical aspects]. In: *Yuridicheskiy vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta* [Legal Bulletin of Yaroslavl State University], 2022, vol. 21, pp. 123–134.
8. Kuznetsova E. V., Petrov V. I. [Legal culture and its role in the formation of the rule of law]. In: *Pravovedeniye i yuridicheskaya praktika* [Jurisprudence and legal practice], 2023, vol. 6, no. 1, pp. 35–50.
9. Malko A. V., Markunin R. S., Shumskikh Yu. L. [Legal culture and mitigation of legal liability]. In:

Pravovaya kultura [Legal culture], 2021, no. 3, pp. 7–12.
10. Makhina E. A. [Legal culture and civil society: relationship and influence]. In: *Pravosudiye* [Justice], 2020, iss. 5, pp. 57–64.
11. Muromtsev G. I., Sultankulova K. A. [Legal culture is the most important aspect of the culture of modern society]. In: *Agrarnoye i zemelnoye pravo* [Agrarian and land law], 2021, no. 9, pp. 115–117.
12. Obukhovskaya O. N. [Legal culture and modern society: opportunities and limitations]. In: *Pravovedeniye* [Journal of Law], 2021, vol. 63, pp. 84–91.
13. Pevtsova E. A., Pashentsev D. A. [Legal culture of post-industrial society: methodological basics of research]. In: *Moskovskiy yuridicheskiy zhurnal* [Moscow Legal Journal], 2023, no. 3, pp. 8–16.
14. Petrov A. I., Sokolova O. V. [Legal culture and civil society: relationship and development problems]. In: *Yuridicheskoye obrazovaniye i nauka* [Legal education and science], 2021, vol. 11, no. 3, pp. 112–125.
15. Sidorov P. M., Mikhailova E. A. [Legal culture: concept, content, main aspects]. In: *Mezhdunarodnoye pravo i usloviya otnosheniy* [International law and international relations], 2022, vol. 12, no. 2, pp. 80–95.
16. Trifonov A. S. [Legal culture and state legal development: theoretical aspects]. In: *Pravovedeniye* [Jurisprudence], 2023, vol. 84, pp. 101–114.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Беженцев Александр Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
e-mail: adovd@mail.ru

Игошин Николай Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Северо-Западного института Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
e-mail: igoshin-na@ranepa.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander A. Bezhentsev – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Criminal Law, Faculty of Law, Northwestern Institute of Management (branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation);
e-mail: adovd@mail.ru

Nikolay A. Igoshin – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Northwestern Institute of Management (branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation);
e-mail: igoshin-na@ranepa.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Беженцев А. А., Игошин Н. А. Правовая культура и правовая активность личности: роль в обеспечении прав и свобод // Московский юридический журнал. 2023. № 4. С. 25–34.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-25-34

FOR CITATION

Bezhentsev A. A., Igoshin N. A. Legal Culture and Legal Activity of Individuals: Role in Ensuring Rights and Freedoms. In: *Moscow Juridical Journal*, 2023, no. 4, pp. 25–34.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-25-34

УДК 34.01
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-35-44

О НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ПОНИМАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Мельников А. Г.
Ракетно-космическая корпорация «Энергия» имени С. П. Королёва
141070, Московская обл., г. Королев, ул. Ленина, д. 4А, Российская Федерация
Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
117218, г. Москва, ул. Большая Черемушкинская, д. 34, Российская Федерация

Аннотация
Цель. Раскрыть новые тенденции в теории права в отношении понимания конструкции «юридическая ответственность в космической деятельности».
Процедуры и методы. В процессе исследования использованы как общие методы (анализа и синтеза), так и частноправовые (сравнительно-правовой, историко-правовой, правового прогнозирования), которые позволили получить репрезентативные результаты исследования и понять сущность новых идей в понимании юридической ответственности, а также их влияние на дальнейшее развитие доктрины космического права.
Результаты. Предложено новое понимание юридической ответственности в космической деятельности, рассмотрено влияние новых идей в понимании юридической ответственности на космические правоотношения, рекомендовано рассматривать регулирование отношений в космосе как управление качественно разнородных групп общественных отношений, ведущих к образованию новых систем международного космического права, международного частного космического права и частного космического права.
Теоретическая и/или практическая значимость. Предложены возможные пути развития доктрины космического права, а также самой конструкции юридической ответственности в космической деятельности, что позволит повысить устойчивость развития космической деятельности в Российской Федерации.

Ключевые слова: теория правоотношений, ответственность в космической деятельности, развитие теоретических вопросов права в космосе

ON NEW TRENDS IN UNDERSTANDING LEGAL RESPONSIBILITY IN SPACE ACTIVITIES

A. Melnikov
S. P. Korolev Rocket and Space Corporation Energia
ul. Lenina 4A, Korolev 141070, Moscow region, Russian Federation
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
B. Cheremushkinskaya ul. 34, Moscow 117218, Russian Federation

Abstract
Aim. To reveal new trends in understanding the legal structure of responsibility in space activities.
Methodology. Both general methods (methods of analysis and synthesis) and private-legal methods (comparative-legal, historical-legal, legal forecasting) were used, which made it possible to obtain the results of the study and understand their impact on the further development of the doctrine of space law.

© CC BY Мельников А. Г., 2023.

Results. A new understanding of legal responsibility in space activities is proposed, the influence of new ideas in the understanding of legal responsibility on space legal relations is considered, it is recommended to consider the regulation of relations in space as the management of qualitatively heterogeneous groups of social relations leading to the formation of new systems of international space law, international private space law and private space law.

Research implications. Possible ways of developing the doctrine of space law, as well as the very structure of legal responsibility in space activities, are proposed, which, according to the author, will increase the sustainability of the development of space activities in the Russian Federation.

Keywords: theory of legal relations, responsibility in space activities, development of theoretical issues of law in space

Введение

Успехи современной космической деятельности подтверждают, что её продуктивное развитие напрямую связано с условиями по ограничениям ответственности за результаты её проведения. Разумное снижение или/и ограничение ответственности при осуществлении такой деятельности в космосе создаёт основу для её ускоренного развития. Именно такой подход более чем оправдан в современных условиях, поскольку в настоящее время уже достигнутый уровень развития космических технологий имеет все технические возможности и резервы по снижению таких рисков нанесения вреда третьим лицам в соответствии с положениями международных договоров ООН о космосе[1].

Так, анализ общемировой статистики аварийных космических запусков, начиная с самых первых космических полётов, показывает (возьмём временные промежутки в 3 года), что в начале космической эры в 1957–1059 гг. в мире осуществлено всего 42,6% успешных запусков (из 81). В 2020–2022 гг. доля неуспешных пусков составила всего 8,8% (из 445 осуществлённых). Кроме того, следует отметить, что космической отраслью РФ за 4 последних года (с 2020 по 2023 гг.) осуществлён 81 космических запуск, при этом не было ни одного неуспешного (не считая гибели на поверхности Луны станции Луна-25). При этом крайне немногочисленные случаи нанесения вреда третьим лицам отмечаются в научной литературе[2].

Таким образом, очевидна тенденция снижения степени опасности космической деятельности, что подтверждает необходимость пересмотра прежних подходов, сформированных в 50-х гг. XX в., базирующихся на оценке степени опасности космической деятельности как катастрофической. И в этом смысле космическое право требует введение разумных ограничений на лиц, осуществляющих деятельность в космосе.

Такая ответственность интересует в первую очередь частных лиц, ведущих космическую деятельность, поскольку их непосредственное участие и формирует сегодня космическую отрасль, и это представляется совершенно необходимым, поскольку служит в т. ч. и «общей заинтересованности всего человечества в прогрессе исследования и использования космического пространства в мирных целях»[3].

---

[1] *См.,* например: Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (принят резолюцией 2222 (XXI) ГА ООН от 19 декабря 1966 г., подписан в Лондоне, Москве и Вашингтоне 27 января 1967 г. года.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 24. Ст. 2411.

[2] Известны весьма немногочисленные случаи нанесения ущерба именно третьим лицам: например, падение спутника СССР «Космос-954» с ядерной силовой установкой БЭС-5, на территории Канады в 1978 г., столкновение спутников Космос-2251 и Iridium 33 в 2009 г. Случаи, влекущие ущерб в космосе для самих запускающих государств (в т. ч. и трагические последствия с человеческими жертвами), как правило, успешно решались силами самих запускающих государств.

[3] Декларация правовых принципов деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства (принята Генеральной Ассамблеей ООН Резолюцией 1962 (XVIII) от 13 декабря 1963 г.).

Исходя из этих предположений, некоторые страны[1] ввели в свои национальные правовые акты ряд юридических положений, в т. ч. и ограничений, для частных (негосударственных) участников космической деятельности за нанесение ущерба третьим лицам. В частности, американское космическое законодательство[2] юридически представляет свои полномочия в части компенсации частным лицам убытков, возникающих вследствие претензий третьих лиц в случае нанесения им ущерба при запусках частных космических объектов (трёхуровневая федеральная защита между правительством и частным сектором[3]). В законодательстве США также широко используется и принцип взаимного отказа от требований об ответственности, в частности, он регламентируется и как условие выдачи государственной лицензии на космическую деятельность (т. е. лицензия частной компании должна содержать требование к такому лицу об использовании в своих контрактах указанного принципа, что также снижает ответственность заинтересованных в такой деятельности лиц вследствие распределения ответственности между ними) [13, p. 92].

Отметим, что законодательство Российской Федерации не содержит существенных положений по целенаправленной государственной поддержке, стимулированию частной космической деятельности, либо аналогов требований, существующих в законодательстве США[4]. Более того, до настоящего времени не разработаны законодательные нормы[5] по страхованию ответственности за причинение вреда третьим лицам при осуществлении космической деятельности (в соответствии со ст.ст. 25, 27, 30 Закона РФ «О космической деятельности»).

Как видим, процесс формирования нового института ответственности в космическом праве отражает в т. ч. и общие тенденции общего эволюционного движения в космическом праве. Это выражается, в первую очередь, в рецепции существующих правовых институтов, прежде всего, частно-правовых, путём их адаптации к условиям применения в космосе. Вместе с тем при разработке новых подходов к пониманию юридической ответственности в космической деятельности необходимо учитывать и существующие в теории права и конституционном праве взгляды на понимание субъекта права (понимание его юридического статуса), который в будущем может стать активным участником космических правоотношений как физическое лицо [5; 6; 7].

По нашему мнению, все разновидности ответственности за ущерб в космической деятельности ведут к отказу от видов международной ответственности государства

---

[1] Это касается в первую очередь ряда стран, входящих в англосаксонскую правовую семью.

[2] United States Government Accountability Office, Report to Congressional Committees March 2017 год, p.-1 [Электронный ресурс]. URL: https://www.defensedaily.com/wp-content/uploads/post_attachment/160253.pdf (дата обращения 07.09.2023); Sec. 50914 – Liability insurance and financial responsibility requirements, Title 51 - National and commercial space programs, Subtitle V - Programs Targeting Commercial Opportunities, Chapter 509 – Commercial space launch activities, from the U.S. Government Publishing Office [Электронный ресурс]. URL: https://www.gpo.gov (дата обращения 07.09.2023).

[3] I уровень страхового покрытия является обязанностью компании, осуществлявшей старт, и осуществляется в соответствии со страховым полисом, приобретённым этой компанией, или путём демонстрации финансовой ответственности, II уровень страхового покрытия должен быть предоставлен правительством США и покрывает любые претензии третьих лиц, превышающие конкретную сумму I уровня, до предела примерно в 3,1 млрд долларов, III уровень покрытия касается претензий третьих лиц, превышающих II уровень. Ответственность за этот III уровень несёт компания, осуществляющая старт, которая может запросить страховку сверх требуемой суммы I уровня для этого покрытия.

[4] Однако подобные принципы взаимного отказа от требований об ответственности, в последнее время, находят отражение в ряде международных соглашений РФ по деятельности в космосе (например, в соглашениях в области исследования и использования космического пространства в мирных целях с республиками Казахстан, Беларусь).

[5] За исключением общих рекомендаций Госкорпорации «Роскосмос»: Приказ от 1999 г. «О совершенствовании работ в области страхования космической деятельности», Положение «О порядке страхования рисков при пусках ракет-носителей с космическими аппаратами».

за действия своих частных лиц в космосе. Однако пути решения возникающих при этом проблемных вопросов до сих пор являются предметом дискуссий и до настоящего времени ожидают инициативы законодателя. Очевидно, что это в значительной части является причиной того, что в России практически не осуществляется коммерческая космическая деятельность негосударственными организациями, что и подчёркивается в научной литературе [11, с. 109–123][1].

Вероятно, что на формирование юридических конструкций форм осуществления космической деятельности в РФ оказала влияние и исторически сложившаяся практика сотрудничества государств в космосе. Так, наиболее значимые космические проекты по созданию обитаемых космических станций были осуществлены в СССР и США. В Советском Союзе реализованы серьёзные национальные пилотируемые космические программы в области создания и эксплуатации долговременных обитаемых космических станций – «Салют» (1971 г.), «Алмаз» (1973 г.), «Мир» (1986 г.), а в США – станции «Скайлэб» (1973 г.). Однако имеющийся опыт показал, что на реализацию таких проектов, как создание и эксплуатация орбитальных станций, требуются значительные финансовые затраты. Так, в 1990-е гг. при недостатке государственного финансирования для продолжения эксплуатации станции «Мир» усилия, предпринятые РФ по её дальнейшей эксплуатации за счёт привлечения внебюджетного, коммерческого финансирования[2], оказались способными поддержать работу станции лишь в течение 1 года. Похожая ситуация, вследствие недостатка государственного финансирования, возникла и с американской станцией «Скайлэб»[3].

В итоге на смену концепции исключительно национальных пилотируемых космических станций появилась совместная концепция международных космических станций (МКС)[4]. Стало очевидным, что масштабность пилотируемых космических программ требует объединения усилий многих государств, межгосударственных организаций и юридических лиц. Это предполагало разработку и иных концепций правовых форм и юридических инструментов для регулирования отношений, возникающих при совместной космической деятельности.

Так, первые серьёзные юридические проработки вопросов совместной деятельности осуществлены в рамках проекта МКС. В целях его осуществления в течение более 5 лет была задействована группа ведущих юристов космических агентств, стран – участниц проекта, и было подготовлено Межправительственное соглашение по МКС[5] (подписано странами-

---

[1] В частности, отмечается отсутствие в предметах правового регулирования космических объектов (см., например, на эту проблему в ст. 7 Федерального закона от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»), этот же запрет касается и проведения концессионной деятельности в космосе при использовании Федерального закона от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (см., ст. 4 Закона «Объекты концессионного соглашения»).

[2] См. п. 1 Постановления Правительства РФ от 21.01.1999 г. № 76 «О многоцелевом орбитальном пилотируемом комплексе "Мир"» предусматривалось финансирование всех этапов полета орбитального комплекса «Мир», включая его завершение управляемым сходом с орбиты, начиная со второй половины 1999 г., за счёт привлекаемых внебюджетных средств.

[3] Станция «Скайлэб» активно просуществовала на орбите около 1 года (осуществлено 3 пилотируемых экспедиции) и была оставлена вследствие недостатка государственного финансирования.

[4] Планируемые станции «Российская орбитальная станция» (РОС) и американская станция «Lunar Gateway» также будут привлекать других государственных участников. Однако в виде исключения следует представлять пилотируемую космическую программу КНР.

[5] Соглашение между Правительством Канады, Правительствами государств – членов Европейского космического агентства, Правительством Японии, Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки относительно сотрудничества по Международной космической станции гражданского назначения от 29.01.1998 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 24. Ст. 2411.

участниками в 1998 г.). При этом следует отметить высокий профессионализм и юридическую интуицию разработчиков Соглашения. 25-летний срок эксплуатации МКС показал правильность основных юридических подходов, заложенных в Соглашение по МКС. Успешно апробирован подход по реализации юридической конструкции о принципах «взаимного отказа от требований об ответственности за причинённый ущерб» (*cross waiver of liability*) в реализуемой на МКС деятельности. Прекрасно показали себя и другие юридические решения, например:

– положения об осуществлении государственной юрисдикции управляющего государства в орбитальном элементе МКС, а также в соответствующем космическом корабле;

– ряд положений о применении национальных законодательств об интеллектуальной собственности на МКС и нормы распоряжения правами собственности и пользования на элементы МКС, а также правами имущества партнёров по МКС;

– нормы кодекса поведения экипажа МКС и др.

С другой стороны, необходимо отметить, что созданные при этом правовые подходы и юридические инструменты по программе полета МКС были ориентированы на решение правовых задач в рамках конкретной специфической деятельности, в рамках конкретной программы, и не обладают полной универсальностью, что затрудняет их применение для иных космических программ. Более того, такой инструментальный подход, обладающий существенными вещно-правовыми признаками, не является универсальным для дальнейшего использования в космосе, поскольку не содержит явно принятых международных договорных обязательств государств, к которым на сегодняшний день принято относить и космическое право.

С другой стороны, при современном состоянии космического права необходимо анализировать и юридическую проблематику в космическом праве, что, по нашему мнению, требует изучения, всестороннего анализа и осмысления возникающих правоотношений с учётом особенностей их юридических конструкций. Другими словами, осуществляемая космическая деятельность имеет свой ключевой элемент, определяющий специфику всей правовой действительности. Этим элементом является непосредственное космическое правоотношение, однако необходимо учитывать в его юридической конструкции наличие особенностей института ответственности. В научной литературе этот факт подчёркивается исходя из центральной роли института ответственности в правовом пространстве: «мы оказываемся в пространстве права там, где предусмотрена санкция за неправомерное поведение соответствующих субъектов» [3, с. 9].

Как было рассмотрено ранее, юридическая конструкция правоотношения в космосе является «атипичным, не укладывающимся в рамки классических подходов и носит комплексный межотраслевой характер» [4, с. 105–114]. Мы видим, что при общности объектов правового регулирования (деятельность по исследованию и использованию космического пространства с её результатами и благами, космические объекты, космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела) регулирование космической деятельности осуществляется и в различных правовых уровнях (публично-правовом и частно-правовом) и в различных отраслях права. Таким образом, реализованная структура существующей конструкции космического правоотношения (в первую очередь, в отношении ответственности) призвана регулировать единое «комплексное правоотношение», сочетающее частно-правовые и публично-правовые интересы. Несмотря на комплексный характер конструкции правоотношения, его невозможно разделить на частные и публичные интересы, поскольку при исключении из него частно-правовых либо публично-правовых интересов теряется и содержание самого правоотношения как единого целого их объединяющего содержания.

Таким образом, мы приходим к заключению о существовании в космическом праве единого комплексного правоотношения, объединяющего частно-правовые и публично-правовые признаки. Данная конструкция возникла включением частных лиц в обычную космическую деятельность государств, что подтверждается и исторически. Исторически она возникла из попыток компромиссного объединения частного и общественного интересов в период разработки положений Договора по космосу[1], что осуществлено странами социалистического лагеря во главе с СССР и странами капиталистического правопорядка во главе с США.

Отметим, что под влиянием таких тенденций в отношении конструкции структуры правоотношения в настоящее время, в частности, за рубежом активно продвигается концепция «нового космоса» (*new space*), представляющая собой некую концепцию развития так называемого частного космоса, опирающегося на частный интерес, в сравнении с концепцией «старого космоса», опирающегося на государственный интерес[2]. Однако, при этом серьёзно ограничивается вовлечение многочисленных частных лиц в космическую деятельность, т. к. при этом отсутствует верхний предел ответственности по возмещению ущерба для третьих лиц (неограниченная ответственность неприемлема для частных участников космической деятельности, обладающих ограниченной имущественной ответственностью)[3]. Для устранения этого препятствия, как уже было сказано ранее, в ряде стран реализована государственная система ограничения ответственности (широко используемая в США, Дании, Финляндии и др.) путём издания национальных нормативных актов, устанавливающих верхнюю границу такой ответственности. В дополнение к этому факту государством регламентируется обязательное применение дополнительных юридических инструментов страхования ответственности [8, с. 60–61; 9, с. 76–77].

Таким образом, всё это приводит к мысли о назревшей необходимости адаптации существующей конструкции правоотношений в космической деятельности к учёту факта существующей реальности, указывающей на то, что непосредственная деятельность в космосе становится всё более похожа на повседневную деятельность человека, и это мало чем отличает её от регламентации такой деятельности на Земле. При этом частная космическая деятельность становится частью всеобщей частной деятельности, и её регулирование должно основываться на общих, уже отработанных правовых подходах и многовековых традициях институтов частного права, в т. ч. и вопросов института ответственности.

Следует отметить, что публично-правовая регламентация космической деятельности является совершенно необходимой частью государственного регулирования, аналогично и иным видам деятельности человека на Земле. Реализация такого подхода предполагает разделение существующей комплексной конструкции правоотношений в космосе на ряд простых классических юридических конструкций, эффективных для решения именно частноправовых задач и исключающих ответственность государства за деятельностью своих неправительственных участников. Такой вариант существенно упростит и дальнейшее решение вопросов по государственному возмещению нанесённого вреда частными участниками такой деятельно-

[1] Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (принят резолюцией 2222 (XXI) ГА ООН от 19 декабря 1966 г., подписан в Лондоне, Москве и Вашингтоне 27 января 1967 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 24. Ст. 2411.

[2] SpaceTech Industry 2021 / Q2 Landscape Overview [Электронный ресурс]. URL: https://analytics.dkv.global/spacetech/SpaceTech-Industry-2021-Report.pdf (дата обращения: 25.07.2021).

[3] Ю. М. Колосов отмечает: «для поощрения развития какого-либо нового, еще не до конца испытанного вида техники и с целью защиты его владельцев от возможного разорения необходима система ограничения ответственности». *См.:* Колосов Ю. М., Ответственность в международном праве. М.: Статут, 2014. С. 138.

сти и может быть решён путём коммерческого арбитража [1, с. 23–27].

Кроме того, в целях стимулирования развития частной космической деятельности законодательством США (в международном соглашении по программе «Артемида»[1]) разработаны так называемые зоны безопасности[2] при учёте представления о возможности реализации добычи внеземных полезных ископаемых в состоянии *not in situ*, вместе с тем, не нарушая принципа «не присвоения государствами небесных тел». Данный подход практически реализован рядом государств в космическом пространстве в качестве участников этого соглашения[3]. Он действует с учётом уже практически сложившегося положения о такой добыче как установка международной правовой доктрины в режиме *persistent objectors*. При этом упомянутые «зоны безопасности» обеспечиваются прямой государственной поддержкой и защитой[4], т. е. имеют прямую связь с образовавшим её государством, что подтверждается и её охраной вне зависимости от мнения контролирующих организаций.

Это отличается от правового положения научных зон в Антарктике[5] (п. 3 ст. VII «Все районы Антарктики, включая все станции, установки и оборудование в этих районах, а также все морские и воздушные суда в пунктах разгрузки и погрузки груза или персонала в Антарктике всегда открыты для инспекции любыми наблюдателями, назначенными в соответствии с положениями п. 1 настоящей статьи.») и Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах[6] (п. 1 ст. 15 «В этих целях все космические аппараты, оборудование, установки, станции и сооружения на Луне открыты для других государств-участников»). Этим подтверждается режим особой государственной юрисдикции «зон безопасности» на небесном теле, что является новым в космическом праве.

Исходя из этого, отметим, что объективно возникающие возможности в космическом праве по организации деятельности в космосе частных лиц могли бы предположить следующие направления для развития космического права (но при обязательном сохранении главного принципа космической деятельности, заключающейся в «не присвоении государствами небесных тел»):

– изменение ответственности негосударственных (частных лиц) в космической деятельности на частную, ограниченную ответственность, обеспечиваемую конкретным государством, например, в рамках задач по государственному режиму обеспечения страхования;

– государствам необходимо пересмотреть режим ответственности за запуски космических объектов, например, в качестве аналога можно применить режимы институтов морского права (государственная принадлежность судна определяется по флагу государства на космическом аппарате), т. е. изменить и статус правового режима запускающего государства;

– поскольку на небесных телах уже фактически появились «безопасные зоны», подтверждённые доктриной *persistent ob-*

---

[1] The Artemis accords principles for cooperation in the civil exploration and use of the moon, mars, comets, and asteroids for peaceful purposes [Электронный ресурс]. URL: https://www.nasa.gov/specials/artemis-accords/img/Artemis-Accords-signed-13Oct2020.pdf (дата обращения: 07.09.2023).

[2] *См.:* Section 11 - Deconfliction of space activities, упомянутого соглашения.

[3] В настоящее время страны – подписанты соглашения «Артемида»: США, Великобритания, Австралия, Италия, Канада, Люксембург, ОАЭ, Япония, Украина, Южная Корея, Новая Зеландия, Бразилия, Польша, Мексика, Израиль, Румыния, Бахрейн, Сингапур, Колумбия, Франция, Саудовская Аравия, Руанда, Чехия, Эквадор, Индия, Испания, Германия, Нидерланды, Болгария, Ангола.

[4] Доступ в «зону безопасности» должен осуществляться с учётом её защиты от разглашения «конфиденциальной информации и информации, контролируемой экспортом» (ст. 9 соглашения по программе «Артемида»).

[5] Договор об Антарктике (подписано в г. Вашингтоне 01.12.1959) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXII. М., 1967. С. 233–239.

[6] Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах (принято резолюцией 34/68 Генеральной Ассамблеи ООН от 05.12.1979 г.).

jector и безусловно требующих появления границ безопасности и их охраны [10, с. 25–28], то на небесных телах появляются своеобразные «анклавы» государств, производящие разработку космических ресурсов и действующие по праву того государства, которое их образовало[1].

В отношении приемлемости доктрины *persistent objectors* отметим, что СССР осуществил запуск первого спутника (ранее 4 октября 1957 г.) в условиях правовой неопределённости в части условности разделения границ правового пространства земли и космоса, и это не спровоцировало никаких международных протестов. Впоследствии на совещании у президента Эйзенхауэра заместитель министра обороны Д. А. Куорлз сказал: «Русские непреднамеренно создали для нас хорошую ситуацию для утверждения принципа свободы космического пространства» [12, p. 52]. Таким образом, действиями СССР был закреплён первый международный прецедент доктрины свободного космоса (в соответствии с упомянутой доктриной *persistent objectors*).

При ином взгляде в Российской Федерации при рассмотрении сложившейся на сегодня правовой ситуации по добыче космических ресурсов, аналогично предлагаемой к использованию в международном соглашении по программе «Артемида», её дальнейшее полное игнорирование, включая отсутствие своих собственных предложений, может привести к серьёзным правовым упущениям.

Заключение

Итак, в свете активного развития космической отрасли правительству РФ необходимо подготовить доктринальные разработки развития космического права, касающиеся следующих вопросов:

1) исключения ответственности государства за деятельность своих частных (негосударственных) лиц, которые должны отвечать за свои действия как частные субъекты космического права[2];

2) коммерциализация космического права в РФ;

3) добыча внеземных полезных ископаемых с учётом реализации концепции в состоянии *not in situ*, а также с учётом уже практически применяемого положения в международном праве по доктрине *persistent objectors*.

И в этом аспекте следует рассмотреть и 3 возможные причины для возникновения следующих отраслей космического права, касающихся деятельности в космосе публичных и негосударственных лиц (публичного и частного права):

1) совокупность международно-правовых норм и принципов, регулирующих отношения между государствами и международными организациями по исследованию космического пространства, Луны и других небесных тел, а также устанавливающих международно-правовой режим космического пространства как международного космического права (МКП – так, как его понимают сегодня);

2) совокупность материальных и коллизионных норм, регулирующих связанные с космической деятельностью имущественные и личные неимущественные отношения, осложнённые иностранным элементом[3] как международного частного космического права (МЧКП), в т. ч. созданного, и появлением «зон безопасности», прямо связанных с государством,

[1] *См.:* p. 11 Section 11 – Deconfliction of space activities of The Artemis accords principles for cooperation in the civil exploration and use of the moon, mars, comets, and asteroids for peaceful purposes.

[2] Это и есть главная причина отнесения к публичной правовой деятельности самого международного космического права и исключения из него частной деятельности, имеющей концептуальный характер, для правовых систем, относящихся к континентальному типу.

[3] Это признают и в научных публикациях, например, М. Р. Юзбашян, признающая существование международного частного космического права (МЧКП) в качестве части Конвенции о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования, применительно к космическому имуществу (в случае принятия Протокола по вопросам, касающихся космического имущества). *См.:* Юзбашян М. Р. Международно-правовые основы решения экономических проблем использования космоса: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 207 с.

частным образом разрабатывающим космические ресурсы на небесных телах (сюда можно также отнести и частные космические объекты, на которых производится космическая деятельность);

3) совокупность отношений между частными лицами и государством, которые регулируют отношения независимых субъектов-товаровладельцев по принадлежности или использованию имущества, основанные на юридическом равенстве субъектов, автономии их воли и имущественной самостоятельности и обособленности, как частного космического права (ЧКП), разрабатываемого гражданским правом[1].

Как справедливо отмечает профессор А. Я. Капустин в своей монографии, понятие «глобальное космическое право и вытекающие из него современные концепции международного и национального космического права не завершено. Предстоящий процесс этапа освоения космоса требует инновационных теорий» [2, с. 263].

Статья поступила в редакцию 01.10.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Засемкова О. Ф. К вопросу о способах разрешения космических споров // Международное публичное и частное право. 2023. № 1. С. 23–27.
2. Капустин А. Я., Авхадеев В. Р., Головина А. А. Формирование современной международно-правовой концепции исследования и использования космического пространства. М.: Инфра-М, 2021. 264 с.
3. Лазарев В. В. Судебный активизм в формировании правового пространства // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 9. С. 5–17.
4. Мельников А. Г. Правоотношение в космическом пространстве, как особая юридическая конструкция // Право и образование. 2021. № 12. С. 105–114.
5. Певцова Н. С. Новые подходы к конституционному статусу личности в свете принятия поправок к основному закону государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 8. С. 32–36.
6. Певцова Е. А. Образовательный и профессиональный статус современной молодежи: социолого-правовой анализ // Вестник Российской правовой академии. 2009. № 2. С. 12–16.
7. Певцова Е. А. О некоторых особенностях юридической техники в процессе правотворчества в сфере образования // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2013. № 4. С. 113–121.
8. Порохин И. Б., Законодательство США о коммерческой космической деятельности // Русский космос. 2019. № 5. С. 60–61.
9. Порохин И. Б. Законы Дании и Финляндии о космической деятельности // Русский космос. 2019. № 7. С. 76–77.
10. Степанов О. А. Меры правового обеспечения безопасности космических объектов Российской Федерации, находящихся на небесных телах // Современное право. 2018. № 6. С. 25–28.
11. Якушева Р. Р. О возможности коммерциализации космической деятельности в Российской Федерации: правовой анализ законодательства // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2022. № 5. С. 109–123.
12. Exploring the Unknown: Selected Documents in the History of the U.S. Civil Space Program, Volume IV: Accessing Space (The NASA History Series) / ed. J. M. Lodgsdon. Washington, 1999. 718 p.
13. Larsen P. Cross-Waivers of Liability [Электронный ресурс]. URL: https://ssrn.com/abstract=3787165 (дата обращения: 07.09.2023).

В дополнение к этому отметим, что часть космических экспериментов, проводимых на орбитальных станциях МИР (конец 2000-х гг.) и МКС (начиная с 2001 г.), а кроме того, все полёты космических туристов (9 человек с 2001 по 2021 гг.) на МКС организовывались в рамках контрактов международного частного космического права, однако с непременным участием Госкорпорации «Роскосмос» (как уполномоченным органом РФ по космической деятельности), с физическим лицом иностранной юрисдикции гражданином США Д. Тито, либо через иностранную частную компанию SPACE ADVENTURES, Inc., США, штат Делавер.

[1] Суханов Е. А. Российское гражданское право: учебник. Т. I. М.: Статут, 2011. С. 61; это также отмечает и С. П. Малков, как необходимую меру для принятия кодекса законов о космической деятельности РФ. *См.:* Малков С. П. История правового регулирования космической деятельности по исследованию и освоению небесных тел в России: дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. 198 с.

REFERENCES

1. Zasemkova O. F. [On the issue of ways to resolve space disputes]. In: *Mezhdunarodnoye publichnoye i chastnoye pravo* [International public and private law], 2023, no. 1, pp. 23–27.
2. Kapustin A. Ya., Avkhadeev V. R., Golovina A. A. *Formirovaniye sovremennoy mezhdunarodno-pravovoy kontseptsii issledovaniya i ispol'zovaniya kosmicheskogo prostranstva* [Formation of a modern international legal concept for the study and use of outer space]. Moscow, Infra-M Publ., 2021. 264 p.
3. Lazarev V. V. [Judicial activism in the formation of legal space]. In: *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2021, vol. 25, no. 9, pp. 5–17.
4. Melnikov A. G. [Legal relations in outer space as a special legal structure]. In: *Pravo i obrazovaniye* [Law and Education], 2021, no. 12, pp. 105–114.
5. Pevtsova N. S. [New approaches to the constitutional status of the individual in the light of the adoption of amendments to the basic law of the state]. In: *Gosudarstvennaya vlast i mestnoye samoupravleniye* [State power and local self-government], 2020, no. 8, pp. 32–36.
6. Pevtsova E. A. [Educational and professional status of modern youth: sociological and legal analysis]. In: *Vestnik Rossiyskoy akademii zakona* [Bulletin of the Russian Legal Academy], 2009, no. 2, pp. 12–16.
7. Pevtsova E. A. [On some features of legal technology in the process of lawmaking in the field of education]. In: *Fundamentalnyye i prikladnyye issledovaniya kooperativnogo sektora ekonomiki* [Fundamental and applied studies of the cooperative sector of the economy], 2013, no. 4, pp. 113–121.
8. Porokhin I. B. [US legislation on commercial space activities]. In: *Russkiy kosmos* [Russian Space], 2019, no. 5, pp. 60–61.
9. Porokhin I. B. Laws of Denmark and Finland on space activities]. In: *Russkiy kosmos* [Russian Space], 2019, no. 7, pp. 76–77.
10. Stepanov O. A. [Measures of legal support for the safety of space objects of the Russian Federation located on celestial bodies]. In: *Sovremennoye pravo* [Modern law], 2018, no. 6, pp. 25–28
11. Yakusheva R. R. [On the possibility of commercialization of space activities in the Russian Federation: legal analysis of legislation]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo* [Bulletin of Moscow University. Episode 11: Law], 2022, no. 5, pp. 109–123.
12. Lodgsdon J. M., ed. Exploring the Unknown: Selected Documents in the History of the U.S. Civil Space Program, Volume IV: Accessing Space (The NASA History Series). Washington, 1999. 718 p.
13. Larsen P. Cross-Waivers of Liability. Abstract at: https://ssrn.com/abstract=3787165 (accessed: 07.09.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мельников Александр Георгиевич – начальник отдела контрактов и соглашений по космическим экспериментам, автоматическим КА, средствам выведения импорта, Ракетно-космической корпорации «Энергия» имени С. П. Королёва.
e-mail: Melnikov.alexander@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander G. Melnikov – Departmentally Head, Department of Contracts and Agreements on space experiments, automatic spacecraft, import launch vehicles, S. P. Korolev Rocket and Space Corporation Energia;
e-mail: alexander.melnikov@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мельников А. Г. О новых тенденциях понимания юридической ответственности в космической деятельности // Московский юридический журнал. 2023. № 4. С. 35–44.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-35-44

FOR CITATION

Melnikov A. G. On New Trends in Understanding Legal Responsibility in Space Activities. In: *Moscow Juridical Journal*, 2023, no. 4, pp. 35–44.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-35-44

УДК 340.1
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-45-54

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Петрова Т. В.
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, Российская Федерация

Аннотация
Цель. Выявить основные подходы к формированию правовых ценностей в современной системе образования с учётом современных тенденций развития государства и общества.
Процедура и методы. В проведённом исследовании особое внимание уделяется всестороннему изучению правового просвещения, которое рассматривается как юридическая категория. Для этой цели применялись системный, методологический, аксиологический и ценностный подходы в контексте образовательной системы.
Результаты. Представлены доктринальные предложения о закреплении таких понятий, как «правовое просвещение», «просветительская деятельность», «правовое образование», «правовое обучение», «правовое воспитание».
Теоретическая и/или практическая значимость. Выводы, сделанные в представленном исследовании, направлены на закрепление норм-дефиниций для единообразного правоприменения понятий и создание документа стратегического планирования по реализации правового просвещения в Российской Федерации.

Ключевые слова: ценность, ценностный подход, правовые ценности, правовое просвещение, правовое образование, правовое обучение, правовое воспитание, просветительская деятельность, правовое информирование, модели современного образования

THEORETICAL APPROACHES TO THE FORMATION OF LEGAL VALUES IN THE MODERN EDUCATION SYSTEM

T. Petrova
Kutafin Moscow State Law University
ul. Sadovaya-Kudrinskaya 9, Moscow 125993, Russian Federation

Abstract
Aim. to identify the main approaches to the formation of legal values in the modern education system taking into account modern trends in the development of the state and society.
Procedure and methods: the conducted research pays special attention to the comprehensive study of legal education, which is considered as a legal category. For this purpose, systemic, methodological, axiological and value-based approaches in the context of the educational system were applied.
Methodology. The conclusions made in the presented study are aimed at fixing norms-definitions for uniform law enforcement of concepts and creation of a strategic planning document for the realization of legal education in the Russian Federation.
Results. Doctrinal proposals on consolidation are presented, such concepts as “legal education,” “educational activity,” “legal education,” “legal training,” “legal education”.
Research implications. The conclusions drawn in the presented study are aimed at consolidating definition standards for uniform enforcement of concepts and creating a strategic planning document for the implementation of legal education in the Russian Federation.

Keywords: value, value approach, legal values, legal enlightenment, legal education, legal training, legal upbringing, educational activities, legal information, models of modern education

© CC BY Петрова Т. В., 2023.

Введение

Проблема формирования правовых ценностей в системе современного образования обусловлена рядом объективных обстоятельств, определяющих как теоретическую, так и практическую значимость исследования, где ценностные доминанты выступают исходным инструментом формирования ценностных ориентаций зрелой личности, регулирующих социальное поведение человека, включая диспозицию личности, её установки, интересы, порождая мировоззрение. Знание объективной действительности права указывает на возможное изменение ценностного пространства в обществе, вытесняет и преодолевает имеющиеся уже в обществе негативные стереотипы и заблуждения. При формировании правовых ценностей концентрируется знание о сущности и содержании права, развивается эталон представлений о правильном, справедливом, гуманном общественном порядке.

В условиях развития демократического правового государства при быстро меняющихся тенденциях глобализма, инновационной активности в различных сферах жизнедеятельности государством создаётся единое культурное пространство, сохраняя и преумножая традиционную культуру, что формирует необходимость закрепления в действующем законодательстве единых устойчивых понятий для толкования и реализации методов регулирования общественных отношений в методологических измерениях.

Формирование правовых ценностей является многоаспектным процессом, опирающимся на социально-политические, экономические, духовно-культурные и морально-нравственные факторы. Данный процесс также зависит от развития демократических институтов, гражданского общества и правового государства. Во все исторические эпохи государства формировали свои правовые ценности под влиянием указанных факторов. В современном мире правовые ценности продолжают эволюционировать и приспосабливаться к новым условиям и вызовам. Важную роль в этом процессе играют международные организации и соглашения, способствующие образованию общих правовых стандартов и ценностей [5].

Исследование теоретических основ формирования правовых ценностей в системе образования

В настоящее время получение образования рассматривается как основополагающая ценность, которая связана с развитием самого образования и его значения в жизни каждого гражданина.

Ценности играют ключевую роль в поддержании стабильности общества и культуры. Они сформированы на основе богатого исторического опыта, накопленного многими поколениями, и служат важным регулятором поведения людей, способствуя взаимодействию между молодёжью и старшим поколением.

Отметим, что передача знаний и опыта от одного поколения к другому основана именно на ценностях. В процессе социализации дети усваивают правила и ценности, которые определяют нормы поведения в обществе.

В современном мире особую важность приобретают именно правовые ценности, которые помогают понимать, как вести себя в быстро меняющемся окружении [6; 7; 8; 9; 10; 11].

От эффективности правового образования зависит состояние правовой культуры, которой определяется правосознание, правовая активность, проявляющаяся в правореализационной и правоприменительной практике [6; 7; 8; 9; 10].

Сегодня формирующиеся фундаментальные ценности выступают в качестве ориентиров мировоззрения, мотивации деятельности и поведения человека, ориентируют человека в мире к достижению поставленных целей, сохраняют и преумножают в сознании каждого человека установки, помогающие выражать свою точку зрения и давать им оценку.

Понятие «ценность» очень противоречивое, потому что находится на стыке

наук – философии, психологии, социальной психологии, культурологии, антропологии, экономики, права и др. Это понятие обсуждается и исследуется как особый раздел проблемного поля в теории ценностей, т. к. имеет различные определения и, соответственно, различные подходы к его содержанию; «ценность» проявляется в различных качествах идеала, нормах, принципах, целях, значениях, показывая реальность в мире, место и роль в жизни общества и человека, определяет индивидуальность каждого.

В юридической науке проблему ценностей права подробно изучал С. С. Алексеев. Он считает, что *право* – это высокоэффективный и целесообразный социально-классовый регулятор, который является инструментальной ценностью и обеспечивает функционирование социальных институтов. По его мнению, право обладает собственной ценностью. Оно позволяет участникам общественных отношений проявлять активность в соответствии с определёнными правилами общественных отношений. Другими словами, С. С. Алексеев видит в праве ценность упорядоченной активности участников общественных отношений и считает, что оно может привнести в жизнь людей важные блага: безопасность, стабильность, гарантированность прав и торжество правды и справедливости в конфликтных ситуациях [7].

Попытка теоретического переосмысления классических подходов к традициям правовой мысли является сегодня основой формирования новых теоретико-методологических подходов к современному образованию, а систематизация ценностей задаёт основное направление правоприменения и приводит к успешному правовому поведению субъектов общественных отношений, а также определяет место правовых ценностей в структуре иных социальных ценностей.

В правовой аксиологии выделяют различные классификации ценностей, однако любая классификация всегда условна [7], поскольку понятие «ценность» в науке исследуется в разных областях знаний, имея предметное основание и методологический инструментарий, так, например, учёные среди методологических направлений теории ценностей выделяют: феноменологическое, социологическое, экзистенциалистское, синергетическое, логико-позитивистское (неопозитивистское), персоналистический онтологизм, социокультурный подход, прагматическое, бихевиористское и др.

Профессор О. В. Мартышин исследует концепцию ценности и выделяет несколько категорий. Так, по мнению О. В. Мартышина, утилитарные, или практические ценности связаны с пользой и материальными объектами. Примерами таких ценностей могут быть различные предметы человеческой деятельности, общественных отношений. Автор выделяет эмоциональные ценности, которые связаны с чувствами, желаниями и отношениями между людьми. Абстрактные, или идеальные ценности могут быть разнообразными, но все они играют важную роль в развитии личности и общества. Такие виды ценностей не связаны с желанием владеть или использовать определённые объекты[1].

Аксиология исследует категорию ценностей как смыслообразующих оснований человеческого бытия, формирует картину ценностного мира, определяет способы познания и устанавливает статус ценностей, где установки, оценки, требования, запреты и т. п. выступают как регуляторы человеческого поведения, способствующие условиям становления личности. Субъектные ценности проявляются во всех общественных явлениях, и многие из них имеют непосредственное отношение к государству, и такие ценности представляются как безусловные высшие принципы государства и фиксируются в нормативных правовых актах.

Согласно классификации типов ценностей, учёные указывают на существование «аксиологических отличий по пространственному происхождению», на основе которых выделяют универсальные, национальные, локально-групповые и индивидуальные ценности [2]. Высшими ценно-

[1] Мартышин О. В. Теория государства и права: учебник. М.: Проспект, 2017. С. 43–57.

стями государства являются конкретные правовые и моральные требования к ценностям, которые характеризуются наиболее значимыми факторами, влияющими на мотивацию граждан и государственных органов к активному взаимодействию для создания наиболее благоприятных условий для жизни. Ведь именно жизнь является основной и неизменной ценностью для любого живого организма [1].

Главной целью государства является сохранение безопасности общества и страны, сохранение исторических ценностей и развитие культурного потенциала. Важнейшие факторы, влияющие на жизнеспособность страны и находящиеся на вершине иерархии значимости, формируют высшую категорию ценностей. Для того чтобы данные ценности действительно способствовали устойчивости и развитию, они должны принадлежать государственной власти и общественности. Высшие ценности государства не могут быть созданы искусственно, они присущи конкретной системе и могут быть раскрыты с помощью изучения основ её функционирования[1].

Ценности философского происхождения в современном образовательном процессе имеют также актуальное значение с учётом формирования устойчивого развития общества и государства и формируются с учётом основных моделей образования.

В мировом образовательном процессе существует 4 основных модели образования: традиционная, рационалистическая, гуманистическая и неинституциональная. *Традиционная модель* образования предусматривает передачу знаний, умений и навыков в рамках культурно-образовательной традиции. Её целью является передача универсальных элементов культуры прошлого и настоящего молодому поколению [8]. *Рационалистическая модель* направлена на обеспечение практической приспособленности молодых людей к существующему обществу. Она акцентирует внимание на поведенческом аспекте знаний, умений и навыков. Взаимосвязь указанных навыков позволяет предсказывать поведение индивида и контролировать его[2].

Гуманистическая модель образования, также известная как феноменологическая, ставит личность в центр образовательного процесса, подчёркивая важность её развития в качестве активного субъекта жизни страны и общества. Она придерживается персонализированного подхода к обучению, учитывая индивидуально-психологические особенности каждого обучающегося. Такая модель предоставляет возможность самопознания, саморазвития и самореализации личности[3].

Неинституциональная (альтернативная) *модель* образования – это форма, при которой процесс образования не связан с традиционными образовательными учреждениями и может быть проведён вне их стен, например, образование в так называемых «открытых школах» или «открытых университетах», в формате дистанционного обучения и т. д.[4].

В настоящее время в системе образования встречаются все модели образования, которые позволяют преодолевать недостатки, присущие каждой из этих моделей по отдельности, и вырабатывать различные подходы к формированию ценностей и ценностных ориентаций обучающихся.

Тем не менее ценностный подход, о котором пойдёт речь, всегда основан на понятии «ценность» и учитывает такое явление, как «ценность». Само понятие «ценность» является содержательным единством терминологии при формировании ценностей в современном образовании.

Сегодня государство предъявляет новые требования к современному образованию, давая новые прогрессивные возможности для образовательной деятельности, указывая, что без надлежащего образования ни государство, ни народ и его культура не смогут иметь будущего. Современное об-

[1] Багдасарян В. Э. Ценности российской цивилизации: пособие для вузов. Ярославль: ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 2023. 80 с.

[2] Ретивых М. В. Общая и профессиональная педагогика: учеб. пособие. Кн. 1. Брянск: Изд-во Брянского государственного университета, 2003. 174 с.

[3] Там же.

[4] Там же.

разование становиться тем импульсом, который способен пробуждать среди обучающихся творчество и направлять каждого человека к действию, воспитывая правильный образ жизни и способствуя духовному развитию и обновлению общества [10].

И здесь ценностный подход основывается на положениях просветительской традиции привития в процессе обучения вкуса к рационально обоснованному выбору поведения субъекта, зависящего от его желаний и предпочтений, направленных всегда на максимальное удовлетворение потребностей, где выбор способа действия определяется сформированными в определённый период времени убеждениями. Такой конкретный способ действия позволяет субъекту максимизировать ожидаемую полезность и достигнуть предпочитаемого исхода с наименьшими затратами.

Национальные приоритеты России, направленные на формирование ценностей

Сегодня современная система образования ориентирована на духовно-нравственное становление и развитие личности, на государство и общество в устойчивом его развитии и способности к инновационным преобразованиям.

Система образования представляет собой стратегическую программу реализации правового просвещения, где речь идёт о системном и продуманном влиянии на становление правосознания при специфической взаимозависимости различных типов социальных норм, т. к. нормы морали накладываются на нормы идеологии, права и т. п.

Функции правового просвещения включают:

1) информирование учащихся о правовых вопросах и облегчение доступа к информации с целью создания единого понимания и применения права;

2) популяризацию идей и принципов, отражающих интересы различных социальных групп и установленных государством и обществом;

3) формирование уважения к праву, государству и обществу;

4) консультативную помощь в области защиты прав и интересов граждан.

Указанные функции могут быть использованы как для прогрессивного, так и для регрессивного формирования правовых ценностей. Процесс реализации правового просвещения имеет свои особенности, и нет идеальных моделей и решений, но данные функции способствуют достижению главной цели правового просвещения.

Так, например, в настоящее время в рамках функций правового просвещения ставятся основные задачи перед государственными органами по правовому просвещению и правовому информированию, предусмотренные ст. 28 Федерального закона № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»[1], где терминологическим понятиям «правовое просвещение» и «правовое информирование» придаётся функциональное значение, выражающееся в обеспечении органами государственной власти формирования высокого уровня правовой культуры, правосознания среди населения, соответствующих традициям безусловного уважения к закону, правопорядку и т. п.

Однако внесённые в действующее законодательство такие терминологические понятия, выражающие общую государственную политику и не имеющие доктринального толкования, приводят к неясности и неопределённости их содержания, к бессистемности реализации правового просвещения государственными и негосударственными организациями.

В настоящее время государство активно взаимодействует с общественными организациями и частными компаниями, создаёт условия для повышения информированности граждан о своих правах и способах их защиты, предоставляет доступ граждан к бесплатной профессиональной юридической помощи. Граждане должны

[1] Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 40. Ст. 1025.

быть осведомлены о своих правах и обязанностях, а проявлять уважение к правам и интересам других людей независимо от их возраста, национальности или религии.

Основы государственной политики России в сфере правовой грамотности и правосознания, утверждённые Указом Президента от 28 апреля 2011 г.[1], подтверждают эту позицию.

Указом Президента № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»[2] зафиксировано понятие «*традиционные ценности*» – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие своё уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России. Указ является документом стратегического планирования в соответствии с Федеральным законом № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»[3] в сфере обеспечения национальной безопасности, определяющим систему целей, задач и инструментов реализации стратегического национального приоритета – защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти.

Осмысление указанных ценностей позволяет своевременно и эффективно реагировать на новые вызовы и угрозы, сохранять общероссийскую гражданскую идентичность в социальных, культурных и технологических процессах, обеспечивать единство многонациональной и многоконфессионной страны, развивать человеческий потенциал и сберегать народ России.

Правовое просвещение как правовая категория

Рассматривая вопрос формирования правовых ценностей в рамках ценностного подхода, следует отметить, что определение понятия «правовое просвещение» не закрепляется действующим законодательством, поэтому разнообразие устоявшихся в науке дефиниций такого понятия вызывает самые разнообразные интерпретации этого термина.

Изучая различные подходы к трактовке понятия «правовое просвещение», современная наука выявляет ряд существенных характеристик, присущих данному термину:

– осознанная деятельность определённых субъектов, направленная на распространение знаний о правах, свободах, обязанностях человека и способах их реализации;

– систематическое воздействие на сознание и поведение молодёжи, имеющее цель – формирование позитивных взглядов, ценностных ориентиров и установок, способствующих соблюдению и использованию правовых норм;

– повышение правовой осведомлённости граждан на основе общечеловеческих моральных ценностей и помощь в определении своего места в жизни, гражданском и профессиональном развитии;

– создание условий для самореализации личности и т. д.

Указанные характеристики обобщают основные категории правового просвещения.

Термин «просвещение» стал широко применяться в XVII в. после публикации статьи И. Канта «Ответ на вопрос: что такое просвещение?». Данный термин имел символическое значение и обозначил начало эпохи Просвещения. Основной идеей этого периода был почитание науки и прогресса

[1] Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Указом Президента РФ 28.04.2011 № Пр-1168) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 17. Ст. 1035.

[2] Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 49. Ст. 1563.

[3] Федеральный закон от 28.06.2014 года № 172-ФЗ (ред. от 17.02.2023) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 26. Ст. 3378.

человечества. Просветители того времени стремились распространить свои знания среди масс. Таким образом, просвещение подразумевало распространение знаний среди широких слоёв населения и использование их в повседневной жизни [3].

В связи с этим «правовое просвещение» как категория имеет более обобщённое смысловое понятие, чем понятия «правовое образование», «правовое информирование», «просветительская деятельность», «правовое обучение», «правовое воспитание».

Смысловая конструкция категории «правовое просвещение» включает в себя несколько основных понятий: правовое информирование, просветительская деятельность, правовое образование (в котором можно выделить правовое обучение и правовое воспитание). Основной функцией правового просвещения является распространение в обществе знаний о праве, а также толкование (уяснение и разъяснение) основных положений нормативных правовых актов и применения их на практике.

Однако наличие содержательно-объединяющих понятий приводит к различному правопониманию и толкованию норм права, фиксирующихся в статьях, нормативных правовых актах, а введение новых понятий в законодательство свидетельствует о необходимости применения в сфере научно-правового знания доктринального подхода, придающего этому понятию общепризнанный характер.

Так, например, в рамках реализации правового просвещения в системе образования введён новый термин «просветительская деятельность», где в соответствии со ст. 12.2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ[1] представлены общие требования к осуществлению просветительской деятельности, однако это понятие не имеет дефиниции, что приводит к различной интерпретации при претворении в жизнь.

Понятие «просветительская деятельность» стоит трактовать как совокупность прав и обязанностей участников деятельности, которая осуществляется вне рамок образовательных программ, и, в свою очередь, направлена на распространение знаний, передачу ценного опыта, формирование умений, навыков, ценностных установок и развитие компетенции. Цель просветительской деятельности заключается в распространении знаний, опыта и формировании навыков, умений и ценностей у людей. Она направлена на развитие интеллектуальной, духовной, творческой и профессиональной сферы человека, а также на удовлетворение его образовательных потребностей.

Просветительскую деятельность можно рассматривать *только* в области образования, поскольку она включает в качестве определения только социальные нормы, которые регулируют общественные отношения, возникающие и складывающиеся между образовательными организациями и обучающимися в процессе обучения и воспитания.

Однако такой подход к разъяснению этого понятия не является оптимальным, поскольку не охватывает разнообразия общественных отношений, которые возникают между гражданами и государством, между государством и юридическими лицами и т. п., и не является основополагающим для правопонимания понятия «просветительская деятельность».

Просветительская деятельность тесно связана с правореализационной, поскольку правореализационная деятельность заключается в воплощении в жизнь предписаний правовых норм, которые реализуются в форме исполнения, соблюдения, использования и применения права. Просветительская деятельность осуществляется как вне, так и в рамках образования в целом. Она очень близка к такой правовой категории, как правовая деятельность, т. к. характеризуется определённым набором действий, связью с достижением фактического результата и осуществляется в форме целенаправленного систематического про-

[1] Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 19.12.2023) «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 46. Ст. 1463.

цесса, продуманной последовательности действий как вне, так и в рамках реализации образовательных программ.

В теории права принято говорить больше не о правовом образовании, которое является частью общей системы образования, а о правовом обучении и правовом воспитании, где «правовое образование» объединяет эти понятия и находится в постоянном системном взаимодействии. В настоящее время в этой системе находятся и такие понятия, как «просветительская деятельность» и «правовое информирование».

Понятие «правовое образование» включает в себя: формирование правовой культуры, правовое воспитание, просвещение о правовых нормах и информирование о структуре и сфере права. Это важный и всесторонний компонент процесса правовой социализации личности, который предполагает усвоение и принятие основных правовых ценностей общества и их последующее применение в повседневной жизни [4].

Под понятием «правовое обучение» понимается целенаправленный, планомерный и организованный процесс на получения общегражданских знаний и навыков через план реализации образовательных программ, имеющий сроки обучения, обусловленные перечнем осваиваемых учебных предметов/дисциплин, видами занятий и формой контроля. Такой процесс реализации правового обучения в общеобразовательных организациях обусловлен необходимостью формирования и развития системных правовых знаний, навыков и умений, давая целостное представление о правоведении как многогранной науке, раскрывая соотношение между различными явлениями и понятиями, формируя у граждан образовательный ценз.

Следует отметить, что правовое воспитание определяют как целенаправленную систематическую *деятельность* по формированию правового сознания и правовой культуры. В рамках правового воспитания используются такие методы, как убеждение, поощрение, принуждение, которые оказывают влияние на сознание и поведения людей, вырабатывают устойчивые ориентации на социально-активное и законопослушное поведение посредством открытых лекций, бесед, игр, социальных исследований, издания научно-популярной литературы, создания радио- и телепередач и т. п.

Но правовое воспитание включает в себя и ориентиры обучающихся на вырабатывание у них умений и навыков самовоспитания и самообразования.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод, что основой категории «правовое просвещение» является понятие «правовое образование», которое содержательно объединяет «правовое информирование», «просветительская деятельность», «правовое обучение» и «правовое воспитание».

В настоящее время перед государством поставлена актуальная и сложная задача, разрешение которой зависит от ряда условий:

1. комплексного развития правового просвещения, которое включает ряд тесно связанных между собой составляющих: правовое образование, практическое обучение, этическое воспитание и популяризацию правовых знаний. Все указанные элементы должны быть применены посредством объединения различных приёмов, методов и форм, которые позволяют стимулировать активность в обществе и сформировать законопослушное и морально развитое общество;

2. формирования собственного содержательного инструментария стратегического планирования реализации правового просвещения;

3. создания доктринальных правовых актов в целях обеспечения формирования и развития правового просвещения в Российской Федерации, что позволит определить общую единообразную направленность и преемственность ключевых категорий.

Статья поступила в редакцию 24.08.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко А. Н. Государство и правовые ценности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2007. № 9. С. 3–7.
2. Джантуханов В. З. Равенство и справедливость как конституционные ценности гражданского общества: дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2006. 153 с.
3. Истомин М. А., Нечкин А. В. Правовое просвещение в России: современные проблемы теории и практики // Юридический вестник Самарского университета. 2021. № 2. С. 26–33.
4. Зубова Я. В. Правовое образование как фактор становления новой правовой культуры России // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 2. С. 1–4.
5. Михайлов С. В. Правовые ценности: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 28 с.
6. Певцова Е. А., Соколов Н. Я. Правовое просвещение в России: состояние, проблемы и перспективы развития. М.: Проспект, 2019. 272 с.
7. Певцова Е. А. О некоторых особенностях юридической техники в процессе правотворчества в сфере образования // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2013. № 4. С. 113–121.
8. Певцова Е. А. Юридические коллизии и пробелы законодательного регулирования в сфере образования // Народное образование. 2009. № 1. С. 171–180.
9. Певцова Е. А. Роль молодежи в правовой системе общества: актуальные проблемы. Ч. 1 // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2009. № 7. С. 7–11.
10. Певцова Е. А. Образовательный и профессиональный статус современной молодежи: социолого-правовой анализ // Вестник Российской правовой академии. 2009. № 2. С. 12–16.
11. Петрова Т. В. Правовые ценности как ориентиры формирования правовой грамотности молодежи // Государство и право России в современном мире: сборник докладов. Ч. 1. М.: Издательский центр Университета имени О. Е. Кутафина, 2023. 299 с.

REFERENCES

1. Babenko A. N. [State and legal values]. In: *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Law], 2007, no. 9, pp. 3–7.
2. Dzhantukhanov V. Z. *Ravenstvo i spravedlivost' kak konstitutsionnyye tsennosti obshchestva: dis. ... kand. yurid. nauk* [Equality and justice as constitutional values of civil society: Cand. Sci. thesis in Legal sciences]. Makhachkala, 2006. 153 p.
3. Istomin M. A., Nechkin A. V. [Legal education in Russia: modern problems of theory and practice]. In: *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Legal Bulletin of Samara University], 2021, no. 2, pp. 26–33.
4. Zubova Ya. V. [Legal education as a factor in the formation of a new legal culture in Russia]. In: *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya* [Bulletin of the Adygea State University. Series: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies], 2009, no. 2, pp. 1–4.
5. Mikhailov S. V. *Pravovyye tsennosti: teoretiko-pravovoy aspekt: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal values: theoretical and legal aspect: abstract of Cand. Sci. thesis in Legal sciences]. Rostov-on-Don, 2011. 28 p.
6. Pevtsova E. A., Sokolov N. Ya. *Pravovoye prosveshcheniye v Rossii: sostoyaniye, problemy i perspektivy razvitiya* [Legal education in Russia: current state, problems and prospects of development]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 272 p.
7. Pevtsova E. A. [On some features of legal technology in the process of law-making in the field of education]. In: *Fundamentalnyye i prikladnyye issledovaniya kooperativnogo sektora ekonomiki* [Fundamental and applied research of the cooperative sector of the economy], 2013, no. 4, pp. 113–121.
8. Pevtsova E. A. [Legal conflicts and gaps in legislative regulation in the field of education]. In*: Narodnoye obrazovaniye* [Public education], 2009, no. 1, pp. 171–180.
9. Pevtsova E. A. [The role of youth in the legal system of society: actual problems. Part 1]. In: *Predstavitelnaya vlast – XXI vek: zakonodatelstvo, dopolneniya, problemy* [Representative government – 21st century: legislation, comments, problems], 2009, no. 7, pp. 7–11.
10. Pevtsova E. A. [The educational and professional status of modern youth: a sociological and legal analysis]. In: *Vestnik Rossiyskoy akademii zakona* [Bulletin of the Russian Law Academy], 2009, no. 2, pp. 12–16.

11. Petrova T. V. [Legal values as guidelines for the formation of legal literacy of youth]. In: *Gosudarstvo i pravo Rossii v sovremennom mire. Ch. 1* [State and law of Russia in the modern world. Part 1]. Moscow, Izdatelskiy tsentr Universiteta imeni O. Ye. Kutafina Publ., 2023. 299 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петрова Татьяна Вячеславовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина;
e-mail: tvpetrova@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana V. Petrova – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University;
e-mail: tvpetrova@msal.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Петрова Т. В. Теоретические подходы к формированию правовых ценностей в современной системе образования // Московский юридический журнал. 2023. № 4. С. 45–54.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-45-54

FOR CITATION

Petrova T. V. Theoretical Approaches to the Formation of Legal Values in the Modern Education System. In: *Moscow Juridical Journal*, 2023, no. 4, pp. 45–54.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-45-54

УДК 349.4
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-55-66

УЧАСТИЕ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ ИНСПЕКЦИИ В РЕОРГАНИЗАЦИЯХ ЗЕМЕЛЬНОГО СУДА В РСФСР В 1920-Е ГОДЫ

Яковлева В. А.
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские годы, д. 1, Российская Федерация

Аннотация
Цель. Показать вклад Рабоче-крестьянской инспекции в реформирование советского земельного суда и в ликвидацию специальных судебно-земельных органов в конце 1920-х гг.
Процедура и методы. На основе архивных и опубликованных материалов исследуются предложения Рабкрина по реорганизации земельного суда, выдвинутые в 1927 г. Кроме того, описывается участие РКИ в ликвидации системы земельных комиссий и возможные причины этой ликвидации. Показано также законодательное отражение всех названных изменений.
Результаты. Изучение деятельности Рабоче-крестьянской инспекции по реорганизации судебно-земельного дела позволило сформировать более полную картину работы земельных комиссий, в т. ч. уяснить те системные недостатки, с которыми было сопряжено функционирование указанных комиссий. Последнее, среди прочего, дало возможность проанализировать причины и обоснованность ликвидации специальных судебных органов в конце 1920-х гг.
Теоретическая и/или практическая значимость. Данное исследование вносит вклад в изучение деятельности советских контрольных органов и специальных органов юстиции, существовавших в годы нэпа. Статья может быть полезна специалистам по истории права, судоустройству и процессу.

Ключевые слова: земельные комиссии, история права, Рабкрин, Россия, судебные органы

PARTICIPATION OF THE WORKERS' AND PEASANTS' INSPECTORATE IN THE REORGANISATION OF THE LAND COURT IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE 1920S

V. Yakovleva
Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie gory, Moscow 119991, Russian Federation

Abstract
Aim. To show the contribution of the Workers' and Peasants' Inspectorate to the reform of the Soviet land court and to the elimination of special judicial land bodies in the late 1920s.
Methodology. On the basis of archival and published materials, the proposals of Rabkrin on the reorganisation of the land court, put forward in 1927, are studied. In addition, the participation of the Rabkrin in the liquidation of the system of land commissions and possible reasons for this liquidation are described. The legislative reflection of all these changes is also shown.
Results. The study of the activities of the Workers' and Peasants' Inspectorate for the reorganisation of the judicial and land system allowed to form a more complete picture of the work of the land commissions. In particular, it made it possible to understand the systemic shortcomings with which the functioning of these commissions was associated. The latter, among other things, made it possible to analyse the reasons and justification for the liquidation of special judicial bodies in the late 1920s.

© CC BY Яковлева В. А., 2023.

Research implications. This article contributes to the study of the activities of the Soviet control bodies and special organs of justice that existed during the NEP years. The article may be useful for specialists in the history of law, judicial system and process.

Keywords: history of law, judicial system, land commissions, Rabkrin, Russia

Введение

Рабоче-крестьянская инспекция внесла значительный вклад в изменения, которые произошли в области советского судоустройства и процесса в 1920-е гг. Какие-то из этих изменений произошли непосредственно по её инициативе, какие-то – при её активном участии. Поэтому зачастую изучение материалов, касающихся деятельности Рабкрина в этой сфере, позволяет гораздо более полно уяснить себе суть и основания произведённых реорганизаций.

В настоящей статье описывается один из многочисленных аспектов работы НК РКИ по реформированию судебной системы в конце 1920-х гг. – участие в преобразованиях земельного суда. Земельные комиссии – специальные квазисудебные органы, созданные в 1922 г. для разрешения земельных споров – неоднократно становились объектом внимания Рабкрина. В частности, последний по итогам проведённой им в 1927 г. проверки, в ходе которой были выявлены серьёзные недостатки в работе земельных комиссий, предложил ряд мероприятий для устранения этих недостатков. Однако спустя некоторое время, в т. ч. потому, что названные мероприятия оказались неэффективными, Рабоче-крестьянская инспекция приняла непосредственное участие в ликвидации системы специальных земельных судов.

На сегодняшний день существует не так много исследований, в которых бы уделялось внимание советским земельным судам периода нэпа. Там же, где этот вопрос рассматривается, как правило, не привлекаются материалы, связанные с участием в нём Рабкрина.

Деятельность земельных комиссий в годы нэпа описывается в работе Т. Н. Ильиной и М. С. Рулева [3]. Авторы выявили те дефекты в работе земельных комиссий, которые, в конечном счёте, стали одной из причин ликвидации последних. Следует согласиться с исследователями, что коллективизация сельского хозяйства и построение единой и прочной судебной системы, способной справиться с разрешением земельных споров, также способствовали упразднению специальных земельных судов [3, с. 102–103]. Однако в указанной статье сам процесс этого упразднения не рассматривается, поскольку авторы в основном концентрируются непосредственно на деятельности земельных комиссий в годы нэпа.

Земельным комиссиям посвящён параграф диссертации А. Г. Факурдиновой [9, с. 116–148]. Но в части их ликвидации автор ограничивается лишь указанием на факт упразднения в 1930 г. специальных земельных судов. Кроме того, в диссертации не изучены причины ликвидации земельных комиссий и вклад Рабоче-крестьянской инспекции в изменения в сфере земельного суда. А. Г. Факурдинова пишет только, что это произошло «в связи с переходом к коллективизации и упразднением частных крестьянских хозяйств и соответствующих внутриобщинных поземельных отношений» [9, с. 146]. В целом с этим тезисом можно согласиться, однако этот вопрос требует более пространных пояснений.

В своей диссертации К. А. Алакпаров указывает на создание в годы нэпа специальных земельных судов, имевших «временный специфичный характер». Последнее проявилось в ликвидации указанных судов в 1930 г. вследствие перехода к сплошной коллективизации и сокращения числа земельных споров [1, с. 104–105]. Об учреждении земельных комиссий в целях приближения суда к населению говорится и в диссертационном исследовании О. И. Филоновой [10, с. 71–72]. Однако,

опять же, более подробно этот вопрос не раскрывается.

В монографии В. М. Кожевникова о земельных комиссиях также говорится вскользь. Отмечается только тот факт, что «коллективизация сельского хозяйства дала возможность ликвидировать земельные комиссии, ранее также выполнявшие судебные функции» [4, с. 280]. Как уже было сказано, с этим следует согласиться, однако эту проблему требуется расширить и пояснить.

Исследователи, изучавшие деятельность Рабоче-крестьянской инспекции по рационализации судебных и правоохранительных органов, также обошли вниманием её участие в упразднении системы земельных комиссий. В статьях П. Л. Полянского, посвящённых обследованиям судебно-следственных органов, которые Рабкрин проводил во второй половине 1920-х гг., о вкладе РКИ в процесс ликвидации земельных комиссий не говорится [7; 8]. Аналогично в монографии Л. Ф. Морозова и В. П. Портнова [5], а также в работе С. Н. Иконникова [2], хотя и уделяется внимание деятельности Рабкрина по рационализации судебных органов, вопрос упразднения земельных комиссий не рассматривается.

В настоящей статье описаны процесс реформирования, а затем ликвидации земельных комиссий и тот вклад, который в него внесла Рабоче-крестьянская инспекция. Предпринята также попытка проанализировать причины реорганизаций судебно-земельного дела и степень их обоснованности.

Создание специальных судебно-земельных органов

Учреждение системы земельных комиссий относится к началу периода новой экономической политики. В эти годы важность процесса разрешения земельных дел была обусловлена практическим государственным интересом. Без эффективной защиты прав землепользователей последние теряли долгосрочный интерес к хозяйственной деятельности и «хозяйственную энергию». В результате страдал «один из основных вопросов государственной жизни» – вопрос обеспечения страны продовольствием [6, с. 154]. Отсюда вытекала необходимость уделить повышенное внимание земельным спорам и передать их в ведение органов, компетентных в данной сфере.

Необходимость создания специальных судов для рассмотрения споров, возникающих из поземельных отношений, была обсуждена и подробно обоснована при рассмотрении проекта о земельных судах во ВЦИКе. Во-первых, тщательность разбора земельных споров, которая могла быть обеспечена только особыми, компетентными в сфере землепользования и землеустройства органами, была гарантией крестьянам, владеющим землёй, против нарушения их прав. Тем более это было важно ввиду того, что право частной собственности на землю в РСФСР (как и соответствующие возможности для защиты оного) отсутствовало. Кроме того, на момент начала нэпа народные суды в целом ещё не были «поставлены как следует на рельсы». Нагружать их ещё дополнительно земельными спорами, которых, в силу появления многочисленных новых форм землепользования, должно было возникнуть много, было бы нецелесообразно с точки зрения эффективности[1].

Земельные комиссии были учреждены постановлением ВЦИК РСФСР от 24 мая 1922 г.[2] Никакие иные органы, согласно данному постановлению, отныне не имели права принимать к рассмотрению земельные споры. Земельные комиссии создавались на волостном, уездном и губернском уровнях при земельных отделах советов (волостные комиссии – при исполкомах). Персональный состав комиссий частично избирался, частично утверждался исполнительным комитетом соответствующего уровня. Таким образом, хотя земельные комиссии и учреждались как судебные органы, они всё же были организационно связа-

[1] III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета IX созыва (12–27 мая 1922 г.): стенографический отчет // Бюллетень. 1922. № 7. С. 6–7.

[2] СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 428.

ны и находились в некоторой зависимости от местных исполнительных комитетов.

Более подробно порядок деятельности и компетенция земельных комиссий регулировались Земельным кодексом РСФСР от 30 ноября 1922 г.[1] Раздел III гл. III Кодекса, посвящённый земельным спорам, устанавливал компетенцию, порядок комплектования и работы земельных комиссий. Их ведению подлежали все споры, возникающие при землеустройстве, а также споры о правах на землепользование. Кроме того, уездные земельные комиссии утверждали все проекты землеустройства. В своей работе комиссии должны были руководствоваться нормами ГПК РСФСР, а все их члены при исполнении своих обязанностей пользовались правами народных судей.

По первой инстанции земельные дела разрешали волостные и уездные комиссии. Первые – споры, связанные с землепользованием, вторые – споры по землеустройству, а также все споры с участием государства. К компетенции губернских комиссий относилось рассмотрение кассационных жалоб на решения волостных и уездных. В порядке «высшего контроля» вступившие в законную силу решения земельных комиссий могли быть обжалованы в Особой коллегии высшего земельного контроля по земельным спорам при наркомате Земледелия РСФСР (ОКВК; постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 26 июня 1926 г.[2] была переподчинена ВЦИКу).

Реформирование процесса разрешения земельных споров в 1927–1928 гг.

В годы нэпа вопрос о целесообразности ликвидации земельных комиссий возникал неоднократно, поскольку на практике в их работе обнаруживались существенные недостатки. В частности, дискуссия вокруг земельных комиссий разгорелась в связи с предложениями по рационализации низового советского аппарата, которые в 1927 г. выдвинули совместно Рабкрин РСФСР и СССР. Предложения касались нескольких сфер деятельности низовых органов, среди которых была и проблема разрешения земельных споров. В ходе обследования, проведённого летом 1926 г., был выявлен ряд дефектов в организации и работе земельных комиссий. В частности, констатировалась их значительная территориальная удалённость от населения. Это затрудняло вызов всех заинтересованных лиц и свидетелей, что порождало «ненужную длительность судебного процесса»: средняя продолжительность рассмотрения земельных дел по первой инстанции составляла от 3 до 12 месяцев[3].

Та же проблема была характерна и для кассационной инстанции (краевых или губернских земельных комиссий). Созданные для решения этой проблемы выездные сессии кассационного земельного суда в округа и уезды существенно не улучшили дело, «приблизив весьма незначительно судебный процесс к населению». В то же время кассационный земельный суд в целом не справлялся с потоком направляемых в него дел: например, в Северо-Кавказском крае за 1926 г. в краевой земельной комиссии остались не рассмотренными больше половины поступивших дел[4].

Последним негативным обстоятельством, которое не только затягивало рассмотрение земельных споров, но и вносило в этот процесс «совершенно нежелательный элемент неопределённости», было построение надзорной инстанции земельных судов. Для обжалования решений в ОКВК в порядке надзора не было установлено предельного срока. В результате могла возникнуть ситуация, когда через год-два после того, как земельная комиссия вынесла решение и оно было приведено в исполнение, следовала его отмена надзорной инстанцией. Таким образом, и участники спора, и соответствующие органы были поставлены в такое положение, когда исполнение решения ОКВК требовало «коренной ломки всех сложившихся условий землепользования, что весьма часто нецелесообразно и невозможно»[5].

[1] СУ РСФСР. 1922. № 68. Ст. 901.
[2] СУ РСФСР. 1926. № 44. Ст. 331.
[3] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 11. Д. 878. Л. 12.
[4] Там же.
[5] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 11. Д. 878. Л. 12.

Для устранения выявленных в ходе обследования недостатков Рабкрин предложил внести в систему разрешения земельных споров ряд изменений в направлении *децентрализации* данного процесса. Для нерайонированных местностей было предложено перенести кассационное обжалование решений волостных земельных комиссий из губернских комиссий в уездные. Губернские же комиссии выступали в качестве надзорной инстанции по отношению к волостным. Решения губернских комиссий (исключительно по землеустройству) в порядке «высшего контроля» могли быть обжалованы в ОКВК.

Для районированных местностей предлагалась ещё более простая система: разрешение всех земельных споров по первой инстанции, а также утверждение землеустроительных проектов относилось к ведению районных земельных комиссий. В качестве кассационной инстанции предусматривались окружные комиссии, в качестве надзорной – краевые или областные[1]. В результате реорганизации должны были быть достигнуты, во-первых, *упрощение* порядка разрешения земельных споров, а во-вторых, *приближение разрешения земельных споров к населению* для более тщательного учёта всех местных условий[2].

Эта инициатива была встречена положительно. Один из руководителей НКЮ Я. Н. Бранденбургский утверждал, что предложенные РКИ РСФСР и СССР реформы, способствующие ускорению и упрощению процесса разрешения земельных споров, «в общем и целом должны встретить поддержку со стороны всех заинтересованных ведомств»[3].

Изменения, предложенные НК РКИ, были поддержаны и наркоматом Земледелия РСФСР. Разработку нововведений в этой сфере Наркомзем самостоятельно начал в начале 1927 г., причём основные проблемы и общие направления изменений совпадали с тем, что позже предложил Рабкрин[4].

В то же время, хотя этот вопрос ещё не ставился в практической плоскости, в теории высказывались и за более радикальный шаг: ликвидацию в принципе земельных комиссий. Тот же Бранденбургский упрекал Рабкрин в том, что он, сосредоточившись исключительно на организационной стороне вопроса, не разрешил по существу проблемы, есть ли вообще смысл сохранять систему специальных земельных судов. По мнению Бранденбургского, дела, относящиеся к компетенции земельных комиссий, представляли собой «типичные иски о правах гражданских», которые успешно могли бы рассматриваться народными судами. Имеющиеся в работе земельных комиссий недостатки – чрезмерные сроки рассмотрения дел, «неслыханный процент» текучести личного состава (до 50% – в отношении председателей и 70% – в отношении членов земельных комиссий) – были столь серьёзными, что не могли быть устранены одной лишь организационной перестройкой, которую предлагала РКИ. Кроме того, с подсудными им делами земельные комиссии справлялись плохо, о чём свидетельствовало значительное число отменённых решений – до 75%[5].

Мнение Я. Н. Бранденбургского разделял председатель Московского губернского суда А. Т. Стельмахович. Он также считал, что настал момент ликвидировать земельные комиссии, поскольку они «отжили свой век», «работают плохо и в силу объективных причин не могут работать хорошо»[6].

Однако на этом этапе законодатель ограничился организационными преобразованиями, предложенными РКИ СССР и РСФСР. Эти преобразования нашли отражение в постановлении, принятом ВЦИК и СНК РСФСР 23 июля 1927 г. В указанном

[1] Известия. 1927. 15 мая.

[2] ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 1. Д. 316. Л. 438–440.

[3] Бранденбургский Я. К вопросу о реформе земельных судов // Еженедельник советской юстиции (ЕСЮ). 1927. № 24. С. 721.

[4] Розенберг Д. Рационализация судебно-земельного дела (По материалам НКЗ РСФСР) // Рабочий суд. 1928. № 5. С. 417–418.

[5] Бранденбургский Я. Указ. соч. С. 721–722.

[6] Стельмахович А. За ликвидацию земкомиссий // ЕСЮ. 1927. № 20. С. 593.

постановлении в соответствии с изложенными выше предложениями изменялась подсудность земельных комиссий всех уровней, что должно было повлечь децентрализацию земельной юстиции, приближение её к массам, а также упрощение процесса рассмотрения земельных дел[1].

Описанные изменения действительно в некоторой степени способствовали децентрализации земельно-судебного дела. Так, по новой подсудности в нерайонированных местностях непосредственно на местах заканчивалось до 80% всех земельных дел. В районированных же местностях это число составляло до 100%. Обжалование в порядке надзора в ОКВК было возможно «в очень небольшом числе случаев»[2].

В то же время успешность предлагаемой реформы натолкнулась на проблему: большинство уездных земельных комиссий и некоторые окружные не имели в своём распоряжении технических сотрудников. За первые полгода после вступления описанных изменений в силу в ОКВК с этой проблемой обратились из ряда губерний (Саратовской, Вятской, Нижегородской, Тамбовской и др.). Уездные земельные комиссии, приступая к исполнению новых обязанностей «при полном отсутствии работников», очевидно, были не в состоянии с ними справиться[3]. Надо думать, проблема кадрового обеспечения, которая действительно имела серьёзный масштаб и не могла быть решена предложениями Рабкрина, в конечном счёте, послужила одной из причин упразднения системы земельных комиссий.

Для ещё большего ускорения и качественного улучшения процесса рассмотрения земельных споров, помимо реформирования земельных судов, Рабкрин предложил частично вернуться к разрешению указанных споров в административном порядке. В декабре 1928 г. Рабоче-крестьянская инспекция РСФСР обратилась в СНК РСФСР с предложением передать мелкие земельные споры между гражданами непосредственно на разрешение сельсоветов.

Рабкрин указывал, что при проведении своих обследований он «неизбежно сталкивался с вопросом о расширении прав сельских советов в области разрешения спорных земельных дел между отдельными гражданами». В обоснование необходимости такого расширения приводилось несколько доводов. Во-первых, это бы укрепило авторитет сельских советов «как органов советской власти по разрешению самых злободневных вопросов крестьянской жизни». Во-вторых, передача мелких земельных дел в компетенцию сельских советов приблизила бы этот процесс к самому сельскому населению. В-третьих, было бы достигнуто ускорение и качественное улучшение разрешения земельных споров, «требующих часто непосредственного ознакомления и осмотра предметов спора на месте». Последнее также предотвращало бы «хождение» земельных дел по высшим инстанциям[4].

Данная мера, однако, не была принципиально новой. Участие сельских советов в разрешении мелких земельных споров между гражданами было предусмотрено ещё особой инструкцией на этот счёт, утверждённой ВЦИК и СНК 4 апреля 1927 г.[5] Инструкция предписывала обеспечить участие сельских советов во всех земельных спорах между гражданами главным образом с той целью, чтобы по возможности привести стороны к соглашению. В случае же недостижения соглашения сельским советам следовало участвовать в разрешении спора в земельной комиссии для более правильного уяснения последней всех обстоятельств дела.

Летом 1928 г. Московский совет на основании опыта практического применения описанного постановления обратился во ВЦИК с ходатайством о расширении компетенции сельских советов в области разрешения земельных конфликтов. Надо думать, что речь шла не о расширении, а об установлении определённой компе-

1 СУ РСФСР. 1927. № 79. Ст. 533.

2 Извеков С. О работе земельных комиссий по новой подсудности // Сельскохозяйственная жизнь. 1928. № 6. С. 18.

3 Там же.

4 ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 11. Д. 1236. Л. 16.

5 СУ РСФСР. 1927. № 37. Ст. 244.

тенции сельских советов в данной сфере. Апрельское постановление 1927 г. не содержало конкретного круга земельных дел, которые следовало разрешать сельским советам в административном порядке.

В ходатайстве был приведён ряд дел, которые совет счёл необходимым передать на рассмотрение сельских советов. Например, споры о праве пользования проездами и переулками, о захвате усадебной земли соседями и т. д.[1] Моссовет указывал, что приведённые категории дел «по характеру своему не являются сложными, но в то же время требуют непосредственного ознакомления и осмотра предметов спора на месте». Поэтому передача их в компетенцию сельских советов «вызывается соображениями прямой целесообразности и обеспечивает скорое и жизненное их разрешение». В то же время предусматривалась возможность обжаловать решения сельских советов в волостные земельные комиссии (т. е. в судебном порядке)[2].

Это ходатайство было передано для разработки в РКИ РСФСР и послужило среди прочего основанием для выдвижения описанного выше предложения о передаче мелких земельных споров на разрешение сельских советов. Рабкрин подготовил проект постановления о передаче мелких земельных споров, перечень которых в основном совпадал с ходатайством Моссовета, на разрешение сельским советам. Второй инстанцией, однако, предполагались не земельные комиссии, а районные или волостные исполкомы[3].

При этом Рабкрин предлагал провести такое расширение прав сельсоветов в виде опыта сначала только в двух уездах Московской губернии и двух округах Центрально-Черноземной области (не уточнялось, каких именно). Необходимость опытной проверки предлагаемого нововведения была вызвана неуверенностью в том, что сельсоветы справятся с новыми обязанностями, а также опасением, что рассмотрение жалоб на решения сельсоветов по земельным делам может «чрезмерно загрузить» районные и волостные исполкомы[4].

ВЦИК утвердил предложенный Рабкрином проект 11 февраля 1929 г. (с той разницей, что в итоговом варианте второй инстанцией выступали всё же земельные комиссии, а не вышестоящие исполкомы). Для проведения такого опыта был выделен ряд административно-территориальных единиц (2 уезда Московской губернии, 2 округа Центрально-Черноземной области, 1 автономная область Северо-Кавказского края и т. д.). О результатах опыта планировалось информировать СНК не позднее 1 ноября того же года[5].

Однако сведений о том, что результаты этого опыта где-либо обсуждались, обнаружено не было. Вероятно, причина в том, что летом 1929 г. Рабкрин совместно с НКЮ РСФСР работал над проектом реорганизации органов юстиции в опытно-показательных округах. Эта реорганизация затрагивала и порядок разрешения земельных споров, который предполагалось радикально поменять.

Ликвидация земельных комиссий

В июне 1929 г. было принято постановление ЦКК–РКИ СССР и РКИ РСФСР «Об опытно-показательных округах и районах», которым намечались общие направления будущей реформы. В частности, постановление предписывало освободить районные земельные отделения «от несвойственной им работы», в т. ч. от «судебно-земельных функций», которые предполагалось распределить между народными судами и сельсоветами[6]. Последние принимали на себя разрешение земельных споров частично самостоятельно, частично через образуемые при них примирительные камеры – суды общественной самодеятельности, которые были созданы также по предложению Рабкрина для рассмотрения мелких (в т. ч. земельных) дел непосредственно самими крестьянами [8, с. 23–28].

[1] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 11. Д. 1236. Л. 23.
[2] Там же. Л. 23об.
[3] Там же. Л. 18–19.
[4] Там же. Л. 17.
[5] Там же. Л. 1–1об.
[6] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 11. Д. 1292. Л. 80.

Это предложение было встречено в высших органах власти, очевидно, положительно. В июле 1929 г. исполкомам советов опытных округов было предоставлено право изменять подсудность по земельным делам, передавая их на рассмотрение народных судов. А постановлением от 26 августа того же года для рассмотрения мелких земельных споров было предписано учредить в опытных округах примирительные камеры, к компетенции которых относились в т. ч. мелкие земельные дела[1].

Однако по смыслу августовского постановления повсеместной ликвидации земельных комиссий на данном этапе, строго говоря, не предполагалось. Например, постановление от 26 августа (п. 13) предписывало освободить прокуроров от участия в заседаниях кассационного суда, а также *в работе земельных комиссий*. В связи с этим наркомат Земледелия обратился во ВЦИК с протестом относительно ликвидации земельных комиссий, которые, по его сведениям, были фактически во всех опытных округах упразднены. Наркомзем указывал, что такое изменение подсудности земельных споров противоречит постановлению ВЦИК и СНК от 26 августа 1929 г. (с формальной точки зрения, это действительно так и было). Поэтому НКЗ просил ВЦИК дать в опытные округа разъяснение о незаконности произведённой ликвидации земельных комиссий[2].

Президиум ВЦИК, однако, не внял доводам наркомата Земледелия. При обсуждении доклада об итогах работы Челябинского опытно-показательного округа 30 сентября 1929 г. он предписал Рабкрину, Наркомзему и Наркомюсту «ввиду особой важности и сложности работ земельных комиссий» обсудить целесообразность их упразднения и представить свои соображения на его, Президиума, утверждение[3].

РКИ и НКЮ представили свой доклад, обосновывающий целесообразность упразднения земельных комиссий, в октябре 1929 г. Формальная законность упразднения обосновывалась указанными выше июньским постановлением ЦКК–РКИ и июльским постановлением ВЦИК и СНК РСФСР. Фактическая же польза ликвидации земельных комиссий объяснялась несколькими моментами. Во-первых, для разрешения семейно-имущественных разделов, которые составляли «основную массу работы» районных земельных комиссий, народные суды были приспособлены гораздо лучше. Остальные же дела, которые разрешали земельные комиссии, т. е. споры о землепользовании между отдельными хозяйствами, «с расширением проведения коллективизации и землеустройства постепенно сводятся к минимальному количеству»[4]. Компетенцию же окружных земельных комиссий (утверждение землеустроительных проектов и споры о землеустройстве) передали районным исполкомам, которые в большей степени могли обеспечить в таких делах «правильный классовый подход, знание местной обстановки и авторитет в глазах местного населения»[5]. Кроме того, указывалось, что данных об отрицательных результатах произведённой реформы земельного суда до сих пор в Рабкрин и Наркомюст не поступало.

В то же время, принимая во внимание важность и сложность вопроса, РКИ и НКЮ признавали необходимость при выявлении результатов реорганизации органов юстиции в опытных округах «особо поставить и осветить предварительные итоги» ликвидации земельных комиссий[6].

Последнее было исполнено в докладе, подготовленном двумя названными ведомствами в феврале 1930 г. по итогам работы органов юстиции в опытных округах. В докладе отмечалось, что дела, составлявшие подсудность упразднённых земельных комиссий, успешно разрешались частью народными судами, частью – вновь созданными примирительными камерами при сельсоветах. При этом за счёт такой реор-

1 СУ РСФСР. 1929. № 67. Ст. 662.
2 ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 11. Д. 1292. Л. 301.
3 Там же. Л. 300об.
4 Там же. Л. 296 об.
5 Там же.
6 Там же.

ганизации земельного суда была изжита «недопустимая волокита по обслуживанию трудящегося крестьянства». В народных судах большинство земельных дел разрешалось в течение 2 недель, тогда как в земельных комиссиях срок рассмотрения дел, как правило, исчислялся месяцами[1].

В результате Рабкрин и Наркомюст пришли к выводу, что опыт ликвидации земельных комиссий «полностью себя оправдал». Учитывая также, что «с проведением коллективизации деревни вытекает прямая необходимость» упразднения земельных комиссий, в докладе было рекомендовано распространить этот опыт на всю территорию страны[2].

Трудно определённо сказать, что побудило Рабкрин встать на позицию целесообразности упразднения земельных комиссий. Поскольку за 2 года, прошедшие с предыдущей реформы, новых проверок земельных судов он не проводил. Вероятных причин можно выявить несколько. Во-первых, Рабкрин и Наркомюст имели все основания думать, что с проведением сплошной коллективизации число земельных споров уменьшится. Примерным уставом сельскохозяйственной артели от 1 марта 1930 г.[3] предусматривалось образование в колхозах «единого земельного массива» из наделов вступающих в колхоз лиц. Вопросы же размеров и границ усадебных земель разрешались общим собранием и правлением колхоза. Таким образом, в отношении земель коллективных хозяйств старый судебный порядок разрешения споров не действовал. Ввиду намечавшегося роста количества таких хозяйств обоснованно было предполагать, что нагрузка земельных комиссий в скором времени существенно сократилась бы. Это, в свою очередь, поставило бы под большое сомнение необходимость специальных земельных судов вообще.

Во-вторых, можно предположить, что свою роль сыграл тот факт, что серьёзные дефекты в их работе сохранялись и после изменений, произведённых в 1927 г. Об этом свидетельствовали данные с мест. В частности, на ряд проблем указало совещание работников земельных комиссий Ивановской области, проходившее в марте 1930 г. В резолюции совещания были отмечены нестабильность кадрового состава земельных комиссий (частую смену председателей), нарушение установленных сроков рассмотрения дел в земельных комиссиях (задержки могли достигать полугода), а также «явные классовые искажения и формально-бюрократический подход … к разрешаемым делам». Совещание сочло необходимым, наряду с принятием ряда мер к устранению выявленных недостатков «просить ОКВК поставить перед правительством вопрос о скорейшей ликвидации» земельных комиссий[4]. Аналогичные дефекты (чрезмерная длительность рассмотрения споров, неудовлетворительный кадровый состав, несоблюдение классовой линии) были выявлены наркоматом Земледелия в ходе проверки в 1929–1930 гг. деятельности земельных комиссий Нижегородской[5] и Тверской губерний[6], Северо-Кавказского[7] и Нижневолжского края[8].

Важную роль здесь играл и идеологический аспект. В конце 1920-х гг. вопрос правильной (в т. ч. с классовой точки зрения) политики местных органов, содействующей проведению сплошной коллективизации в деревне, в принципе имел существенное значение. Особую важность этот вопрос имел в отношении земельных органов как фактических распорядителей основного хозяйственного ресурса – земли. Практика показала, что земельные комиссии далеко не всегда способствовали общему курсу на сплошную коллективизацию. При проведении проверок выявлялись факты многочисленных ошибок и «прямых извращений» классовой политики с их стороны. Например, сообщалось о незаконной передаче земли лжеколхозу в Богородском районе, а также о случаях наделения землёй «под разными соусами»

[1] ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 11. Д. 1263. Л. 20об.
[2] Там же. Л. 21.
[3] СЗ СССР. 1930. № 24. Ст. 255.
[4] ГАРФ. Ф. Р-5201. Оп. 8. Д. 21. Л. 14–15.
[5] Там же. Л. 97.
[6] Там же. Л. 99.
[7] Там же. Л. 109–109об.
[8] Там же. Л. 111.

«помещичье-кулацких буржуазных элементов» в Сибири и Вологодском округе[1]. Сами работники земельных органов признавали, что земельные комиссии «часто не умеют разглядеть в земельных спорах классовую сущность борьбы»[2].

В то же время передача земельных споров на рассмотрение сельских советов в лице примирительных камер способствовала бы усилению этих советов с политической и хозяйственной точек зрения, что было, опять же, существенно ввиду коллективизации. На необходимость такого усиления указывала группа обследователей РКИ под руководством В. Гроссмана, которая проводила проверку низового аппарата в 1929 г. в преддверии указанного выше июньского постановления РКИ СССР и РСФСР об опытных округах. Группа пришла к выводу, что низовой советский аппарат «крайне слаб» и «не справляется с усложнившимися задачами, какие стоят сейчас перед советской деревней»[3]. В целях усиления и укрепления таким образом сельсоветов группа рекомендовала среди прочего расширить их компетенцию за счёт права организовывать примирительные камеры для разрешения мелких гражданских дел и земельных споров[4]. Это нашло отражение и в Основных положениях об организации сельских советов от 3 февраля 1930 г.[5], в которых сельсоветам, как руководителям «широко развернувшейся коллективизации сельского хозяйства» было предписано организовывать примирительные камеры (переименованные в сельские общественные суды).

В-третьих, следует отметить, что к концу 1920-х гг. народные суды, несмотря на то, что земельные споры формально им не были подсудны, всё же имели опыт и практику в области земельных отношений. Обусловлено это было тем, что рассмотрение народными судами подведомственных им гражданско-правовых споров между крестьянами не могло происходить «изолированно от понимания основных начал национализации земли и политики партии по отношению к сельскому хозяйству». Поэтому при рассмотрении гражданских дел общие суды вынуждены были параллельно разрешать и вопросы, вытекающие из земельных отношений. Например, Верховный суд РСФСР в одном из своих определений дал характеристику правового статуса домохозяина и определил юридическую природу его взаимоотношений с другими членами двора. К тому же сперва Саратовский губернский суд, а затем Верховный суд рассматривали спор о пользовании земельным участком между Петровским лесничеством и Козловским земельным обществом[6]. Наличие у судов такого опыта подтверждало их способность справиться с разрешением споров, возникающих в сфере земельных отношений, если не лучше, то как минимум не хуже земельных комиссий.

Описанные выше обстоятельства свидетельствуют о том, что ликвидация земельных комиссий, произведённая в 1930 г., имела под собой действительные основания. Постановление об этом было приня то 10 октября 1930 г.[1] Данным постановлением подсудность земельных комиссий была, как и предполагалось Рабкрином и Наркомюстом, распределена между народными и сельскими общественными судами, а также сельсоветами. Вероятно, своевременность и правильность этой меры подтверждается и тем фактом, что на местах к упразднению земельных комиссий приступили ещё до того, как последовала санкция из центра. Например, в Нижневолжском крае земельные комиссии были ликвидированы в феврале 1930 г.[2], а в Западной области – в сентябре 1930 г.[3]

---

1 Кубяк Н. А. На борьбу с извращениями в земельной политике // Сельскохозяйственная жизнь. 1929. № 30. С. 1.

2 Спирин М. Кулацкому нажиму на земельные комиссии – дать отпор (по материалам приема ходоков в ОКВК) // Сельскохозяйственная жизнь. 1929. № 35. С. 10.

3 ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 11. Д. 1146. Л. 6.

4 Там же. Л. 8.

5 СЗ СССР. 1930. № 16. Ст. 172.

6 Лисицын А. Вопросы земельного права в общих судах // ЕСЮ. 1928. № 1. С. 8–10.

Заключение

Итак, земельные комиссии были учреждены в начале нэпа ввиду объективной необходимости. Однако в их работе выявлялись серьёзные недостатки, которые препятствовали эффективному разрешению земельных споров. В 1927 г. Рабоче-крестьянская инспекция предложила ряд изменений, направленных на улучшение работы земельных комиссий. Однако эта попытка организационных преобразований не принесла существенных результатов. В том числе этот факт привёл к необходимости упразднить систему специальных земельных судов.

Ликвидация земельных комиссий в конце 1920-х гг., которая произошла по совместной инициативе Рабкрина и наркомата Юстиции РСФСР, была продиктована рядом причин. Во-первых, особая система органов для разрешения земельных споров, необходимая в начале 1920-х гг., в условиях конца нэпа и провозглашения курса на сплошную коллективизацию была уже без надобности. С земельными делами, когда таковые должны были разрешаться в судебном порядке, вполне могли справиться народные и сельские общественные суды. Последнее подтверждалось данными, которые РКИ и НКЮ РСФСР получили по итогам соответствующего изменения подсудности по земельным делам в опытно-показательных округах.

Во-вторых, в работе земельных комиссий имелось значительное число дефектов и ошибок. Мероприятия, предложенные тем же Рабкрином в 1927 г. и направленные на устранение этих дефектов, ощутимых результатов, как уже было сказано, не дали. С учётом важности вопросов землепользования и землеустройства в преддверии сплошной коллективизации, такие дефекты в работе местных судебно-земельных органов были неприемлемы. Поэтому упразднение этих органов, предложенное изначально РКИ СССР и РСФСР, а затем осуществлённое при непосредственном участии Рабкрина РСФСР и наркомата Юстиции, следует признать своевременным и обоснованным.

Статья поступила в редакцию 18.08.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алакпаров К. А. Становление отечественного суда и формирование принципов судопроизводства в 1917–1936 гг.: дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. 215 с.
2. Иконников С. Н. Создание и деятельность объединенных органов ЦКК – РКИ в 1923–1934 гг. М.: Наука, 1971. 480 с.
3. Ильина Т. Н., Рулев М. С. Земельные комиссии в РСФСР 1920-х годов: судоустройственные и судопроизводственные аспекты // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2022. № 2. С. 91–104.
4. Кожевников М. В. История советского суда. М.: Юридическое издательство, 1948. 376 с.
5. Морозов Л. Ф., Портнов В. П. Органы ЦКК – НК РКИ в борьбе за совершенствование советского государственного аппарата (1923–1934 гг.). М.: Юридическая литература, 1964. 220 с.
6. Новицкий И. Б. Споры и тяжбы о земле и порядок их разрешения // О земле. Вып. 1: сб. статей. М., 1921. С. 153–159.
7. Полянский П. Л. Обследование Рабкрином судебно-следственной системы в середине 1920-х годов и его первые результаты // Вестник Московского государственного университета. Серия 11: Право. 2020. № 4. С. 3–20.
8. Полянский П. Л. Обследование Рабкрином судебно-следственной системы и создание товарищеских судов // Вестник Московского государственного университета. Серия 11. Право. 2020. № 5. С. 20–36.
9. Факурдинова А. Г. Система квазисудебных институтов в советском обществе 1920-х гг.: дис. … канд. ист. наук. Тамбов, 2020. 224 с.
10. Филонова О. И. Модернизация судебной системы РСФСР в период НЭПа: дис. … канд. юр. наук. Тюмень, 2016. 222 с.

[1] СУ РСФСР. 1930. № 51. Ст. 623.
[2] ГАРФ. Ф. Р-5201. Оп. 8. Д. 22. Л. 134.
[3] Там же. Л. 161.

REFERENCES

1. Alakparov K. A. *Stanovleniye otechestvennogo suda i mery po perevodu sudoproizvodstva v 1917–1936 gg.: dis. … kand. yurid. nauk* [The formation of the domestic court and the formation of the principles of legal proceedings in 1917–1936: Cand. Sci thesis in Legal sciences]. Moscow, 2005. 215 p.
2. Ikonnikov S. N. *Sozdaniye i deyatelnost obyedinennykh organov TSKK – RKI v 1923–1934 gg.* [Creation and activities of the joint bodies of the Central Control Commission – RKI in 1923–1934]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 480 p.
3. Ilyina T. N., Rulev M. S. [Land commissions in the RSFSR in the 1920s: judicial and judicial aspects]. In: *Istoriko-pravovyye problemy: novyy rakurs* [Historical and legal problems: a new perspective], 2022, no. 2, pp. 91–104.
4. Kozhevnikov M. V. *Istoriya sovetskogo suda* [History of the Soviet court]. Moscow Yuridicheskoye izdatelstvo Publ., 1948. 376 p.
5. Morozov L. F., Portnov V. P. *Organy TSKK – NK RKI v regione dlya sovershenstvovaniya sovetskoy gosudarstvennoy sluzhby (1923–1934 gg.)* [Bodies of the Central Control Commission – NK RKI in the struggle to improve the Soviet state apparatus (1923–1934)]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1964. 220 p.
6. Novitsky I. B. [Disputes and litigation about land and the procedure for their resolution]. In: *O zemle. Vyp. 1* [About land. Vol. 1]. Moscow, 1921, pp. 153–159.
7. Polyansky P. L. [The Rabkrin's survey of the judicial investigative system in the mid-1920s and its first results]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo ukhoda universiteta. Seriya 11: Pravo* [Bulletin of Moscow State University. Episode 11: Law], 2020, no. 4, pp. 3–20.
8. Polyansky P. L. [Inspection by the Rabkrin of the judicial investigative system and the creation of comrades courts]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 11. Pravo* [Bulletin of Moscow State University. Episode 11: Law]. 2020, no. 5, pp. 20–36.
9. Fakudinova A. G. *Sistema kvazisudebnykh institutov v sovetskom obshchestve 1920-kh gg.: dis. … kand. ist. nauk* [The system of quasi-judicial institutions in Soviet society in the 1920s: Cand. Sci. thesis in Historical sciences]. Tambov, 2020. 224 p.
10. Filonova O. I. *Modernizatsiya sovremennoy sistemy RSFSR v period NEPa: dis. … kand. yurid. nauk* [Modernization of the judicial system of the RSFSR during the NEP period: Cand. Sci. thesis in Legal Sciences]. Tyumen, 2016. 222 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яковлева Виктория Алексеевна – аспирант кафедры истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: vik.yakovleva@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria A. Yakovleva – Postgraduate Student, Department of History of State and Law, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: vik.yakovleva@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Яковлева В. А. Участие Рабоче-крестьянской инспекции в реорганизациях земельного суда в РСФСР в 1920-е годы // Московский юридический журнал. 2023. № 4. С. 55–66.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-55-66

FOR CITATION

Yakovleva V. A. Participation of the Workers' and Peasants' Inspectorate in the Reorganisation of the Land Court in the Russian Federation in the 1920s. In: *Moscow Juridical Journal*, 2023, no. 4, pp. 55–66.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-55-66

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

УДК 347.91/.95
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-67-74

СУДЕБНАЯ НЕУСТОЙКА VS АСТРЭНТ

Кузнецов Е. Н.
Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21, Российская Федерация

Аннотация
Цель. Выявление различий классической модели астрэнта со введённым в России институтом судебной неустойки.
Процедура и методы. Анализируются ключевые признаки судебной неустойки и астрэнта, выявляются особенности правоприменительной деятельности при применении астрэнта во Франции, рассматриваются основные виды классического астрэнта, основания применения, субъектный состав. Исследуется возможность отмены судебной неустойки соглашением сторон (в России). Аргументируется ценность классической модели астрэнта как санкции за неуважение к суду, способствующей усилению неотвратимости исполнения судебных актов цивилистического характера.
Результаты. По итогам исследования сделан вывод о некорректности однозначного приравнивания судебной неустойки к классическому астрэнту и использовании в российской правовой системе формулировки «астрент».
Теоретическая и/или практическая значимость. Обновлена проблематика понимания содержания судебной неустойки как ограниченной копии классического астрэнта.

Ключевые слова: исполнительное производство, астрэнт, судебная неустойка, исполнение судебного акта, принудительное исполнение

JUDICIAL PENALTY VS ASTRENT

E. Kuznetsov
Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
ul. Komsomolskaya 21, Yekaterinburg 620137, Russian Federation

Abstract
Aim. The purpose of the article is to identify the differences between the classic astrent model and the institute of judicial penalty introduced in Russia.
Methodology. The key features of the court penalty and astrent are analyzed, the peculiarities of law enforcement activity in the use of astrent in France are revealed, the main types of classical astrent, the grounds for application, and the subject composition are investigated. The possibility of cancellation of the court penalty by agreement of the parties (in Russia) is being investigated. The value of the classic astrent model as a sanction for contempt of court, contributing to the strengthening of the inevitability of the execution of judicial acts of a civil nature, is argued.

© CC BY Кузнецов Е. Н., 2023.

Results. According to the results of the study, it was concluded that the unambiguous equating of the court penalty with the classic astrent and the use of the phrase “astrent” in the Russian legal system is incorrect.

Research implications. The problems of understanding the content of the court penalty as a limited copy of the classic astrant have been updated.

Keywords: enforcement proceedings, astrent, judicial penalty, execution of a judicial act, enforcement

Введение

С 8 марта 2015 г. российский Гражданский кодекс обогатился нормой ст. 308.3, именуемой «в народе» «судебной неустойкой». Смысл данного правового инструмента, обусловленного рядом задач, среди которых в т. ч. выделяется обеспечение исполнимости вынесенных судебных актов, заключается в том, что кредитор вправе требовать от должника исполнения обязательства в натуре, если иное не предусмотрено действующим гражданским законодательством или договором либо не следует из существа обязательства, а по удовлетворению данного требования судом последний вправе установить на случай неисполнения данного судебного акта денежную сумму, уплачиваемую должником кредитору. Данную неустойку суд взыскивает по требованию кредитора, а размер суммы присуждения определяется судом на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения.

По сути данное положение предлагает в контексте регулирования материальных правоотношений новый способ воздействия на должника. Однако насколько он новый?

Далеко не секрет, что российский ГК многое взял от французского Гражданского кодекса 1804 г., иначе именуемого «Кодексом Наполеона». В Париже на одной из фресок на стене гробницы императора, находящейся в составе архитектурной композиции Dôme des Invalides, содержится ёмкая фраза, приписываемая Наполеону: «Все мои дела уйдут в историю, но мой Гражданский кодекс не забудут никогда». Как это ни парадоксально, но современный ГК РФ впитал в себя дух и смысл многих положений французского ГК. И именно последний является истоком того, что мы имеем в нашей правовой семье судебную неустойку.

Российская «новая» «неустойка» есть ни что иное как вариация на тему широко известного в странах ЕС инструмента, именуемого «астрэнт» (*astrainte* фр.), который является одним из наиболее популярных методов экономического стимулирования к исполнению решения суда. Автор данной статьи 20 лет назад одним из первых в России раскрыл для юридической общественности смысл данного инструмента [4, с. 430–445], а российская правовая доктрина обогатилась спектром сопутствующих исследований [1, с. 28–32; 2, с. 22–29; 3, с. 103–106; 6, с. 98–101; 7, с. 34–47]. За эти годы для Франции мало что изменилось, и суть астрэнта осталась прежней [9, с. 5–7; 10, с. 2].

Судебная неустойка и астрэнт

Сущность классического астрэнта. Прежде всего это санкция за допущенное должником нарушение требования исполнимости судебного акта. Фактически любого судебного акта цивилистического характера. Санкция, которая взыскивается в пользу кредитора в размере 100%. В некоторых странах ЕС есть примеры, где астрэнт взыскивается в пользу бюджета, где-то – 50 на 50 (делится между бюджетом и взыскателем). Обратиться с заявлением о вынесении астрэнта может судебный исполнитель или кредитор, а дело рассматривается тем же судьёй, который вынес неисполненное решение.

При этом есть два вида астрэнта: предварительный, когда судья определяет размер денежной суммы, подлежащей выплате должником до момента исполнения судебного акта, при этом сумма, установленная в

качестве предварительного астрэнта, начисляется в зависимости от избранного судом периода просрочки исполнения судебного акта со стороны должника, и окончательный, когда судья ставит точку в окончательной сумме астрэнта. Срок установления астрэнта зависит от судебного усмотрения, критериев взыскания – не установлено.

Решив в России сделать что-то подобное (астрэнт является крайне эффективным способом воздействия на обязанных субъектов в рамках принудительного исполнения судебного акта, особенно в странах с небюджетной моделью исполнения; при этом астрэнт может быть установлен и против третьего лица, которое препятствует исполнимости судебного акта, не передавая, например, имущество должника судебному исполнителю; к числу третьих лиц отнесены любые лица, входящие в сферу деятельности судебного исполнителя, безотносительно признания статуса данного лица в конкретном исполнительном производстве), следовало бы обратить большее внимание на классическую модель астрэнта, на его структуру, на виды его реализации, на способы взыскания и т. д. Мы же получили то, что получили: усечённый, по сравнению с оригинальной моделью, способ воздействия на должника, причём по ограниченной категории судебных актов.

Трудности понимания судебной неустойки. В России судебная неустойка взыскивается по требованию кредитора. Однако недоумение вызывает вид акта, обеспечиваемого такой неустойкой, – это только судебные акты о присуждении к исполнению обязательства в натуре, а это крайне ограниченная категория дел. Если бы мы хотели обеспечить исполнимость судебных актов в целом и повысить результативность исполнительного производства, не следовало ограничивать возможности судебной неустойки только данной категорией дел, это явный просчёт (или, напротив, осмысленный шаг…). При этом возникает вопрос, насколько продуманной является возможность взыскания судебной неустойки только по требованию кредитора, учитывая, что одной из целей её установления является обеспечение исполнимости судебного акта, по сути – публичный интерес.

В ГК установлены такие критерии для взыскания судебной неустойки, как *справедливость, соразмерность и недопустимость* извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения. Вот только есть нюанс: эти критерии должен раскрыть кредитор, обращаясь в суд с соответствующим заявлением?! Или же суд, руководствуясь основами судебного усмотрения, сделает это сам, даже если кредитор в соответствующем заявлении их не анализирует, оставляя данный вопрос на разрешение судье?

Кроме того, почему критерии, при которых возможно определение оснований для установления судебной неустойки, или даже условия, при которых она может быть реализована, поименованы в ГК принципами? На наш взгляд, не следовало бы разбрасываться словами, особенно устоявшейся правовой формулой, именуемой «принцип права», поскольку установление указанных в ГК «принципов» крайне спорно, а анализ каждого может выявить отсутствие того или иного элемента, при котором правовая идея становится принципом права.

Возможность взыскания судебной неустойки в России предусмотрена только нормами материального права. Непосредственно в ГПК РФ, АПК РФ или КАС РФ нет каких-либо специальных правил, регулирующих процедуру её взыскания, тогда как в зарубежных правопорядках вопросы взыскания астрэнта входят в отдельные процессуальные институты, будучи регламентированными ещё и в процессуальных нормах. Опять же возникает вопрос, насколько это оправданно, учитывая публичный характер цели взыскания такой неустойки.

Кроме того, противоречивым является сам характер российской судебной неустойки: она не компенсирует убытки, связанные с неисполнением судебного акта, а, являясь мерой частноправовой ответственности, применяется за нарушение публично-правовой обязанности.

Признаками судебной неустойки являются [5, с. 37]:

1) поскольку данная неустойка носит характер дополнительного обязательства по отношению к обязанности должника исполнить обязательство в натуре, она может рассматриваться как особая разновидность неустойки, обусловленная судебным характером её установления;

2) взыскивается в пользу кредитора в материальном правоотношении;

3) является самостоятельным требованием к должнику, исполнение которого не освобождает от необходимости реализовать предписание судебного акта по исполнению основного обязательства;

4) применима только в ограниченной категории ситуаций – неденежным требованиям гражданско-правового характера, отличающимся имущественным характером;

5) заложенная законодателем к применимости данного института цель заключается в понуждении должника к корректному исполнению основного обязательства, а не судебного акта;

6) судебная неустойка может быть установлена как в момент вынесения решения по делу о присуждении к исполнению обязательства в натуре, так и после вынесения решения;

7) размер судебной неустойки определяется на основе критериев, установленных в нормах материального права;

8) судебная неустойка может быть установлена в виде фиксированной суммы или прогрессивного платежа, ограничений здесь не установлено.

Отдельные авторы также указывают, что «российский астрент» «может быть отменён путём заключения сторонами мирового соглашения и уплатой отступного, новации или прощением долга» [5, с. 37]. В какой-то части с этим можно согласиться, поскольку стороны могут изменить содержание материально-правовых взаимоотношений сторон, однако здесь материальные правоотношения уже обусловлены процессуальной окраской – суть обязательства предопределена не соглашением сторон, а уже судебным актом. И можно ли повлиять на судебный акт путём заключения соглашения между сторонами, изменяя сущность материальных правоотношений между сторонами? Да, судебный акт как действовал, так и действует, но насколько оправданно, оставляя «в силе» судебный акт, констатирующий правоотношение в определённом, неизменном виде (на момент его принятия), нивелировать его значение, допуская видоизменение взаимоотношений сторон по их воле, не отменяя или не изменяя судебный акт? А как же быть со свойствами судебного акта, вступившего в законную силу: общеобязательностью, неопровержимостью, исключительностью, исполнимостью и преюдициальностью? Стороны могут своим соглашением превратить их в «пыль»?! Такой подход точно соответствует целям построения правового государства и демократического гражданского общества?

Представляется, что если стороны материального правоотношения, являвшегося предметом судебной деятельности, желают изменить его содержание, то необходимо продумывать способы отмены или изменения соответствующего судебного акта. А если это невозможно в контексте действующего процессуального законодательства и правоприменительной практики – предусмотреть на законодательном уровне соответствующий порядок, способствующий видоизменению содержания судебного акта (или предопределяющий порядок изменения его юридической силы) в случае, когда стороны материального правоотношения желают его изменить, но им препятствуют логика вступившего в законную силу судебного акта и процессуальный порядок отмены судебных актов.

Признаки классической модели астрэнта. С точки зрения содержания и признаков классического, французского астрэнта, который понимается как обязательство уплатить некоторую сумму за каждый день задержки при исполнении контракта[1], или как средство понуждения, которое за-

[1] Astreinte // Lerobert: [сайт]. URL: https://dictionnaire.lerobert.com/definition/astreinte (дата обращения: 30.10.2023).

ключается в принуждении лица к выплате определённой денежной суммы за период просрочки исполнения обязательства, вытекающего из решения суда[1], здесь можно выделять следующие аспекты:

1) это материально-правовое обязательство должника, имеющее дополнительный характер;

2) это самостоятельное требование к должнику, исполнение которого не освобождает от необходимости исполнения основного обязательства;

3) астрэнт также может быть установлен в отношении иных лиц («третьих лиц» в самом широком смысле), в сферу деятельности которых входит либо прямое исполнение судебного акта (работодатель, выплачивающий заработную плату должнику), либо оказание содействия судебному исполнителю при исполнении последним должностных обязанностей (третье лицо, у которого находится имущество должника, на которое можно обратить взыскание, т. е. должник должника);

4) астрэнт широко рассматривается также как санкция за неисполнение судебного акта, т. е. цель иная по сравнению с российской судебной неустойкой – обеспечить исполнимость не обязательства, а судебного акта. Это дополнение к судебному запрету, средство принуждения, позволяющее обеспечить надлежащее исполнение судебного решения. Во французской судебной практике подтверждается, что астрэнт – это не компенсация, возмещающая ущерб. Она направлена на то, чтобы принудить застрахованного к исполнению судебного решения, обязывающего его привести работы (речь шла о застройке резиденции Village-du-Glacier застройщиком, которому выдали разрешение на строительство без указания высоты здания, а суд обязал привести здание в соответствие с требованием, согласно которому высота должна быть ограничена 7 м по отношению к естественному земельному участку; астрэнт 76 евро в день) в соответствие с установленным судом требованием[2];

5) основанием взыскания является наличие ряда условий: судебный акт вступил в законную силу, должник (или иное уполномоченное лицо) его не исполнил;

6) судебные акты, за неисполнение которых устанавливается астрэнт, – любые акты суда цивилистического характера (включая административные), предусматривающие обязанности ответчика (должника) совершить действия или воздержаться от их совершения;

7) взыскивается в пользу кредитора в материальном правоотношении (однако в ряде отдельных европейских стран астрэнт может быть взыскан в пользу государства в полном объёме либо делится в равных частях между взыскателем и государством);

8) размер периодической суммы, подлежащей уплате должником в зависимости от периода просрочки, изначально указывается кредитором, может быть изменён судом по своей инициативе; критериев закон не устанавливает. Так, Апелляционный суд Парижа оставил в силе решение судьи по исполнению, который приговорил ненадлежащего истца выплатить Национальному совету адвокатов (CNB) сумму в размере 500 000 евро в качестве окончательного астрэнта, наложенного предыдущим постановлением, которое предписывало ей «убрать со своего сайта ... упоминания, касающиеся коэффициента успешности, за исключением точного упоминания о методах расчёта», и запретил «использовать вместе все 3 цвета французского флага»[3];

9) может быть предварительным и окончательным (закон, судебная практика и доктрина рассматривают факт определения окончательной суммы астрэнта как «ликвидацию астрэнта»);

[1] Astreinte // Larousse: [сайт]. URL: https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/astreinte/ (дата обращения: 30.10.2023).

[2] Astreinte [Электронный ресурс]. URL: https://www.argusdelassurance.com/reglementation/legislation/astreinte.25365 (дата обращения: 30.10.2023).

[3] Astreinte: DemanderJustice réclame vainement justice [Электронный ресурс]. URL: https://www.lextimes.fr/astreinte (дата обращения: 30.10.2023).

10) может быть взыскан как по гражданским делам, так и в контексте административного процесса (по актам, вынесенным административными судами);

11) может быть изменён судом (увеличен) в момент вынесения судебного акта об окончательном астрэнте. Так, судья по исполнению, когда он приступает к временной ликвидации установленного им астрэнта, может увеличить размер этого астрэнта, в частности, в случае постоянного воспрепятствования администрации исполнению судебного решения. В этом случае судья не обязан предоставлять сторонам возможность представить свои замечания по поводу этой возможной надбавки[1];

12) может быть вынесен против публичных субъектов. В одном из дел указывается, что «…возникает необходимость вынести решение против коммуны Morne-à-l'Eau, если она не сможет обосновать полное исполнение решения административного суда Basse-Terre от 15 апреля 1983 г. в течение 2 месяцев с момента уведомления коммуны о настоящем решении, об установлении астрэнта в размере 1000 франков в день до даты приведения в исполнение указанного судебного решения»[2]. 10 июля 2020 г. Государственный Совет Франции присудил государство к самой большой выплате астрэнта: требуя от администрации решения проблем загрязнения воздуха в нескольких районах французской территории, судья по административным делам наложил на своё решение астрэнт в размере 10 млн евро за полугодовую задержку по истечении шестимесячного срока со дня вынесения решения[3] [8];

13) может быть инициирован как взыскателем, так и судебным исполнителем, а также судом в силу его должностных полномочий;

14) астрэнт начинает начисляться, как правило, после официального уведомления должника об акте судебным исполнителем (очень редко, в случае неотложности, со дня вынесения судебного акта); при этом, как правило, судебный исполнитель даёт срок 1 месяц, чтобы должник имел возможность осуществить действия, направленные на исполнение основного обязательства[4];

15) как и в России, может быть установлен как в момент вынесения решения, так и после его вынесения.

Продолжая вышеизложенную логику: а можно ли по французскому праву «отменить» астрэнт путём согласования воль сторон материального правоотношения?

Как гласит ст. 131-4 французского Исполнительного кодекса, размер предварительного астрэнта устанавливается («ликвидируется»), учитывая поведение лица, в отношении которого установлен астрэнт, и трудности, с которым оно столкнулось при исполнении судебного акта. Предварительный или окончательный астрэнт отменяется полностью или в части, если установлено, что неисполнение или задержка в исполнении требования судьи полностью или в части вызвано посторонней причиной. Так, сособственникам здания было предписано восстановить первоначальное состояние террасы и приступить к сносу веранды, с уплатой астрэнта 50 евро в день по истечении трёхмесячного срока после уведомления о судебном акте. При оспаривании такого решения сособственники указали, что неприведение помещения в первоначальное состояние было обусловлено посторонней причиной – отсутствием информации о первоначальном состоянии, поскольку сверка с градостроительными планами показала наличие «зимнего сада», размеры и материалы которого были неизвестны. Астрэнт был отменён, а инициаторы судебного спора были присуждены к выплате 7 600 евро

[1] Astreinte [Электронный ресурс]. URL: https://www.doctrine.fr/t/astreinte (дата обращения: 30.10.2023).

[2] Там же.

[3] Mimoun É. H. Le Conseil d'État inflige une amende de 10 millions à l'État // Predictice: [сайт]. URL: https://blog.predictice.com/actualites-juridiques/conseil-etat-astreinte-10-millions (дата обращения: 30.10.2023).

[4] Fouché M. L. Comment fonctionne une astreinte? [Электронный ресурс]. URL: https://fouche-avocat.fr/comment-fonctionne-une-astreinte/ (дата обращения: 30.10.2023).

на оплату услуг адвоката[1]. В целом судебная практика Франции, исследованная автором, не подтверждает возможности отмены астрэнта в ином порядке, нежели установленном в законе (ликвидация астрэнта).

Заключение

В целом, судебная неустойка в России показала свою жизнеспособность в контексте тех целей, которые были поставлены при введении данного института. Однако к настоящему классическому астрэнту она имеет крайне косвенное отношение. Откровенно говоря, вообще его не имеет. Подлинный астрэнт – инструмент более широкий по сфере его применения, как с точки зрения объекта (любые судебные акты цивилистического и административного характера), так и с точки зрения субъекта (может быть инициирован более широким кругом лиц и в отношении также более широкого круга субъектов).

Цель астрэнта – не обеспечить компенсацию должнику неудобств, вызванных неисполнением судебного акта, а санкционировать публичную обязанность должника, создав в контексте широкой превенции осознание неотвратимости исполнения судебных актов. В данной связи использование в российской доктрине и правоприменительной практике формулировки «астрент» вряд ли уместно, учитывая, что в содержание классического института астрэнта заложено иное, гораздо более широкое содержание, нежели в формулировку «судебная неустойка».

Статья поступила в редакцию 05.09.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буланова Д. С., Кравцов Р. В. Правовая природа астрента // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2017. № 2. С. 28–32.
2. Варчук А. А., Пашкова Д. А. L'astreinte & астрент: сравнительно-правовой аспект // Уральский журнал правовых исследований. 2021. № 2. С. 22–30.
3. Кольцова Л. Н. Судебная неустойка (астрент) как мера ответственности должника за неисполнение судебного решения // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Экономика. Право. Управление. 2018. № 7. С. 103–107.
4. Кузнецов Е. Н. Астрэнт (astreinte) как способ принуждения должника в исполнительном производстве Франции // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2003. № 2. С. 430–446.
5. Лобышева Е. А. Астрент в российском и зарубежном праве // Юридический вестник молодых учёных. 2016. № 3. С. 34–38.
6. Протасова Д. С. Судебная неустойка: становление, понятие и ее правовая природа // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 11-4. С. 98–102.
7. Ярков В. В. Астрент в российском праве. Комментарии экспертов // Закон. 2014. № 4. С. 34–47.
8. Labbay A. L'astreinte, un nouveau mode de financement au service de l'environnement? // Pandémies et épidémies. 2021. № 19. P. 137–145.
9. Leval G. De, Compernolle J. V. L'astreinte. Larcier, 2023. 102 p.
10. Payan G. Point de départ d'une astreinte: incidence de la régularité de la signification de la décision. Dalloz Actualité, 2022. 20 p.

REFERENCES

1. Bulanova D. S., Kravtsov R. V. [Legal nature of the astrent]. In: *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i prirody* [Innovative economics: prospects for development and improvement], 2017, no. 2, pp. 28–32.
2. Varchuk A. A., Pashkova D. A. [L'astreinte & astrent: comparative legal aspect]. In: *Uralskiy zhurnal pravovykh issledovaniy* [Ural Journal of Legal Research], 2021, no. 2, pp. 22–30.
3. Koltsova L. N. [Judicial penalty (astrent) as a measure of the debtor's responsibility for failure to fulfill a court decision]. In: *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika.*

[1] L'astreinte et l'impossibilité de s'exécuter [Электронный ресурс]. URL: https://scavocats.fr/astreinte-impossibilite-executer/ (дата обращения: 30.10.2023).

Pravo. Upravleniye [Bulletin of Pskov State University. Series: Economics. Right. Control], 2018, no. 7, pp. 103–107.
4. Kuznetsov E. N. [Astreinte as a method of coercing a debtor in enforcement proceedings in France]. In: *Rossiyskiy yezhegodnik arbitrazhnogo i arbitrazhnogo protsessa* [Russian Yearbook of Civil and Arbitration Process], 2003, no. 2, pp. 430–446.
5. Lobysheva E. A. [Astrent in Russian and foreign law]. In: *Yuridicheskiy vestnik molodykh uchonykh* [Legal Bulletin of Young Scientists], 2016, no. 3, pp. 34–38.
6. Protasova D. S. [Judicial penalty: formation, concept and its legal nature]. In: *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i gumanitarnykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 2021, no. 11-4, pp. 98–102.
7. Yarkov V. V. [Astrent in Russian law. Expert comments]. In: *Zakon* [Law], 2014, no. 4, pp. 34–47.
8. Labbay A. L'astreinte, un nouveau mode de financement au service de l'environnement? In: *Pandémies et épidémies*, 2021, no 19, pp. 137–145.
9. Leval G. De, Compernolle J. V. L'astreinte. Larcier, 2023. 102 p.
10. Payan G. Point de départ d'une astreinte: incidence de la régularité de la signification de la décision. Dalloz Actualité, 2022. 20 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кузнецов Евгений Николаевич – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева;
e-mail: Corben2002@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeny N. Kuznetsov – Dr. Sci. (Law), Prof., Department of Civil Procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev;
e-mail: Corben2002@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кузнецов Е. Н. Судебная неустойка vs астрэнт // Московский юридический журнал. 2023. № 4. С. 67–74.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-67-74

FOR CITATION

Kuznetsov E. N. Judicial Penalty vs Astrent. In: *Moscow Juridical Journal*, 2023, no. 4, pp. 67–74.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-67-74

УДК 338.4
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-75-80

РАЗВИТИЕ РЫНКА ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ И МОЩНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АНТИМОНОПОЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Символоков О. А., Вальков В. А.
Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
117218, г. Москва, ул. Большая Черёмушкинская, д. 34, Российская Федерация

Аннотация
Цель. Исследовать специфику правовой природы антимонопольных ограничений для хозяйствующих субъектов на рынке электроэнергии и мощности.
Процедура и методы. Рассмотрены правовые особенности развития рынка электроэнергии и мощности через формы и средства антимонопольного регулирования. Приведены извлечения из материалов правоприменительной практики по вопросу обжалования положений подзаконных нормативных актов, устанавливающих правовые средства антимонопольного регулирования рынка электроэнергии и мощности. В работе использованы методы сравнения, анализа, прогнозирования.
Результаты. Выявлены обстоятельства, которые необходимо учитывать при подготовке правовых мер поддержки развития конкуренции на рынке электроэнергии и мощности.
Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в методике преподавания дисциплины конкурентного права в части разъяснения особенностей функционирования отраслевых товарных рынков на примере электроэнергетики.

Ключевые слова: антимонопольное законодательство, рынок электроэнергии и мощности, хозяйствующие субъекты, ценовые зоны, технологически изолированные территориальные электроэнергетические системы

DEVELOPMENT OF THE ELECTRICITY AND CAPACITY MARKET OF THE RUSSIAN FEDERATION: ANTITRUST ASPECTS

O. Simvolokov, V. Valkov
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
ul. Bolshaya Cheremushkinskaya 34, Moscow 117218, Russian Federation

Abstract
Aim. To research the specifics of the legal nature of antitrust restrictions for economic entities in the electricity and capacity market.
Methodology. The legal features of the development of the electricity and capacity market through the forms and means of antimonopoly regulation are considered. Extracts from the materials of law enforcement practice on the issue of appealing against the provisions of by-laws establishing legal means of antitrust regulation of the electricity and power market are provided. The work uses methods of comparison, analysis, forecasting
Results. Identified circumstances that need to be taken into account when preparing legal measures to support the development of competition in the electricity and capacity market.
Research implications. The results of the research contribute to the methodology of teaching the discipline of competition law in terms of explaining the specifics of the functioning of industrial commodity markets on the example of the electric power industry.

Keywords: antitrust law; electricity and capacity market; economic entities; price area; technologically isolated territorial electric power systems

© CC BY Символоков О. А., Вальков В. А., 2023.

Введение

Развитие отечественного рынка электрической энергии и мощности является одним из приоритетных направлений деятельности государства. Динамика экономических отношений в сфере электроэнергетики предопределяет необходимость надлежащего правового регулирования общественных отношений.

В Конституции Российской Федерации были сформулированы основные положения, определяющие функционирование и развитие экономики Российской Федерации [4]. По смыслу ч. 1 ст. 8 Конституции в РФ гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности [11].

В развитие положений Конституции были разработаны отраслевые законодательные акты. Среди них: Федеральный закон № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции), Федеральный закон № 147-ФЗ «О естественных монополиях» (Закон о естественных монополиях) и Федеральный закон № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (Закон об электроэнергетике).

Следует отметить, что А. Н. Варламова [2], С. А. Свирков [8], Д. А. Васильев [3], И. В. Редькин [6] в своих исследованиях обращали внимание на отдельные вопросы антимонопольного регулирования рынка электроэнергии и мощности. С учётом позиций этих авторов также следует обратить внимание на следующий порядок регулирования.

В силу ч. 1 ст. 4 Закона о естественных монополиях к предмету регулирования данного закона были отнесены услуги по передаче электрической энергии и по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике.

Однако, помимо указанных видов деятельности, в Законе о естественных монополиях существует ряд иных особенностей, которые определяют порядок деятельности хозяйствующих субъектов [5]. В ст. 3 Закона об электроэнергетике определены категории: *ценовые зоны оптового рынка, неценовые зоны оптового рынка и технологически изолированные территориальные электроэнергетические системы*. Норма закона была реализована таким образом, что субъекты Российской Федерации по определённым критериям были отнесены к разным ценовым зонам [9].

Особенности осуществления деятельности в ценовых и неценовых зонах

Хозяйствующие субъекты, ведущие деятельность в рамках ценовых зон, должны осуществлять реализацию электроэнергии и мощности с использованием рыночных инструментов. Одной из ключевых особенностей ценовой зоны по смыслу ст. 6 Закона об электроэнергетике является запрет на совмещение деятельности по передаче электрической энергии и (или) оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике с деятельностью по производству и (или) купле-продаже электрической энергии.

Особенность для неценовых зон оптового рынка заключается в том, что Правительство РФ устанавливает перечень территорий, в рамках границ которых оптовая торговля электрической энергией и мощностью производится по регулируемым тарифам. В технологически изолированных территориях также отсутствует возможность реализации электрической энергии и мощности с использованием рыночных механизмов в связи с технологическими особенностями, которые обусловлены отсутствием технической возможности интеграции их энергосети с Единой энергетической системой России [3].

В целях обеспечения тарифного регулирования в неценовых зонах Правительством РФ было издано Постановление № 1178 «О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике». Из содержания Постановления № 1178 следует, что тарифы представляют собой систему ценовых

ставок, по которым осуществляются расчёты за электрическую энергию (мощность), а также за услуги, оказываемые на оптовом и розничных рынках электрической энергии.

Уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в части установления тарифов является Федеральная антимонопольная служба (ФАС). ФАС России дифференцирует тарифы в зависимости от вида рынка и покупателей электроэнергии. При установлении тарифов принимаются во внимание ряд факторов экономического и технологического характера.

В материалах правоприменительной практики можно обнаружить дискуссию между регулирующим органом и хозяйствующими субъектами. Некоторые вопросы были предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. Например, в Определении № 1742-О КС РФ обратил внимание на следующие особенности тарифного регулирования в электроэнергетике: по общему правилу регулирующий орган при установлении соответствующих тарифов учитывает данные бухгалтерской и статистической отчётности для признания расходов организации экономически обоснованными. Данный механизм направлен на обеспечение тарифного ценообразования с учётом баланса экономических интересов энергетических компаний и потребителей. Основной целью является обеспечение недискриминационных и стабильных условий для предпринимательской деятельности в электроэнергетике.

В заключении Конституционный суд РФ отметил, что при соблюдении требований экономической обоснованности к устанавливаемым тарифам положения Постановления № 1178 не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права.

В профессиональной литературе кратко были обобщены подходы законодателя к отраслевому регулированию электроэнергетики, в т. ч. антимонопольному. Например, В. В. Романова [7, с. 10–12] пишет, что государственное регулирование в электроэнергетике построено на реализации таких принципов, как: развитие конкурентного рынка электрической энергии и мощности, обеспечение недискриминационного доступа, условий для привлечения инвестиций в модернизацию энергетических объектов и их интеграции в Единую энергетическую систему России.

Помимо этого, в литературе также нашли отражение некоторые проблемные вопросы действующего регулирования [10, с. 21–25]. Тарифное регулирование сформировало разные оценки в цивилистической среде. С одной стороны, при реализации данного метода нарушается один из основополагающих принципов построения договорных отношений – принцип свободы договора, который в т. ч. подразумевает свободу сторон в согласовании цены, с другой стороны, с учётом экономических и технологических особенностей единовременно отказаться от данной модели не представляется возможным.

А. Н. Варламова отмечает, что среди всех договорных конструкций, используемых на рынке электроэнергии и мощности, ограничение свободы договора наиболее выражено в регулируемых договорах. В целом, по мнению автора, данную конструкцию сложно отнести к классической договорной модели [2]. С. А. Свирков указывает, что в зарубежной практике такие модели не встречаются [8, с. 98–99].

Модель отношений сторон по регулируемому договору выглядит следующим образом. В силу п. 67 Правил оптового рынка электрической энергии и мощности (утверждены Постановлением Правительства РФ № 1172) по регулируемым договорам электрическая энергия и мощность продаются по установленным для поставщиков тарифам. Если в отношении электростанции установлено более одной регулируемой цены, то в качестве регулируемой цены в порядке, предусмотренном договором о присоединении к торговой системе оптового рынка, может применяться средневзвешенное значение регулируемых цен, установленных в отношении электростанции.

Сторонами регулируемого договора выступают генерирующие хозяйствующие субъекты, гарантирующие поставщики, энергоснабжающие организации, которые, в свою очередь, обеспечивают поставку электроэнергии гражданам.

Оценка основных направлений развития антимонопольного регулирования в электроэнергетике

В 2017 г. был издан Указ Президента РФ № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции»[1]. Согласно п.п. «е» п. 3 Указа к основополагающему принципу государственной политики по развитию конкуренции относится недопустимость сдерживания экономически оправданного перехода сфер естественных монополий из состояния естественной монополии в состояние конкурентного рынка [6].

Для реализации положений Указа Министерство энергетики РФ (Минэнерго) разрабатывает концепцию поэтапного включения регионов Дальневосточного федерального округа (ДФО), Архангельской области и Республики Коми в ценовую зону[2]. Данная мера направлена на развитие рыночных механизмов. Такой подход регулятора может помочь модернизировать электросетевое хозяйство в ДФО, т. к. рыночные механизмы формируют перспективы, направленные на обеспечение привлечения инвестиций[3]. Более того, в ДФО развивают генерацию энергии с использованием возобновляемых источников энергии, что в долгосрочной перспективе может оказать положительное влияние на состояние конкурентной среды [1, с. 44].

Модернизация электросетевого хозяйства в ДФО с помощью развития конкуренции оказывает непосредственное влияние на бесперебойное обеспечение электроэнергией субъектов экономической деятельности, что соответствует реализации стратегической задачи по обеспечению энергетической безопасности [12, с. 104–105].

Процесс включения в ценовые зоны разделён на соответствующие этапы. Это связано с необходимостью приведения деятельности хозяйствующих субъектов в соответствие с антимонопольным законодательством. Как было указано ранее, в пределах одной ценовой зоны в силу ст. 6 Закона об электроэнергетике установлен запрет на совмещение деятельности по передаче электрической энергии и (или) оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике с деятельностью по производству и(или) купле-продаже электрической энергии.

Не менее важным являются другие меры, принимаемые Минэнерго России. Среди них следует отметить принятый Федеральный закон № 501-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об электроэнергетике"[4] (об особенностях установления цен (тарифов) на электрическую энергию в регионах Дальнего Востока и Арктической зоны Российской Федерации).

Из содержания пояснительной записки следует, что предлагаемые изменения направлены на установление возможности заключения двусторонних договоров купли-продажи электрической энергии, произведённой на генерирующих объектах и потребляемой объектами, введёнными в эксплуатацию после 1 июля 2017 г. на территориях, не объединённых в ценовые и неценовые зоны оптового рынка, по сво-

[1] Указ Президента Российской Федерации от 21.12.2017 № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201712220004 (дата обращения: 06.12.2023).

[2] Минэнерго хочет интегрировать Дальний Восток в энергорынок // Ведомости: [сайт]. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/09/06/939540-dalnii-vostok-energorinok (дата обращения: 29.11.2023).

[3] Рынок растёт на восток // Переток.ру: [сайт]. URL: https://peretok.ru/articles/strategy/25064 (дата обращения: 29.11.2023).

[4] Федеральный закон от 19.10.2023 № 501-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об электроэнергетике" [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202310190005 (дата обращения: 29.11.2023).

бодным ценам с отменой требований по установлению предельных (минимальных и (или) максимальных) уровней цен (тарифов) на электрическую энергию, что даст сторонам необходимую гибкость в определении условий договоров.

Заключение

Таким образом, антимонопольному регулированию в электроэнергетике отведена значительная роль, что обеспечивается соответствующими нормативными правовыми актами. Одним из основных правовых средств антимонопольного регулирования в электроэнергетике является установление цен (тарифов) в соответствующих неценовых зонах и технологически изолированных территориях. При этом Минэнерго России предложило механизмы для возможности заключения двусторонних договоров купли-продажи электрической энергии по свободным ценам.

По результатам проведённого исследования предлагается учитывать следующее: одним из основных векторов развития антимонопольного регулирования рынка электроэнергии и мощности является правовое оформление интеграции субъектов ДФО, Архангельской области и Республики Коми в ценовые зоны оптового рынка. Особенностью данного процесса является задача по адаптации существующих общественных отношений между участниками рынка электроэнергии и мощности к требованиям антимонопольного законодательства.

Для обеспечения указанного процесса предлагается использовать метод правового моделирования в целях приведения деятельности хозяйствующих субъектов в соответствие с антимонопольным законодательством.

Статья поступила в редакцию 02.10.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вальков В. А. Правовые формы и средства поддержки внедрения возобновляемых источников энергии // Гражданское право. 2022. № 6. С. 42–45.
2. Варламова А. Н. Конкурентное право и отраслевые товарные рынки: рынок электроэнергии // Конкурентное право. 2019. № 2. С. 9–13.
3. Васильев Д. А. Система государственного антимонопольного контроля в сфере электроэнергетики: 20 лет Закону об электроэнергетике, итоги // Юрист. 2023. № 4. С. 12–16.
4. Гаджиев Г. А. Экономическая Конституция. Конституционные гарантии предпринимательской (экономической) деятельности // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2009. № 1. С. 4–16.
5. Паращук С. А. Правовые основы государственной конкурентной политики России // Предпринимательское право. 2019. № 2. С. 63–70.
6. Редькин И. В. О концептуальных проблемах и задачах правового регулирования рынка электроэнергии // Закон. 2015. № 1. С. 45–54.
7. Романова В. В. Правовая природа отношений по строительству и модернизации энергетических объектов // Правовые вопросы строительства. 2012. № 1. С. 10–12.
8. Свирков С. А. Основные проблемы гражданско-правового регулирования оборота энергии. М.: Статут, 2013. 479 с.
9. Символоков О. А. Развитие договорных отношений в электроэнергетике // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 49–60.
10. Символоков О. А., Максименко П. Н. Возможность льготирования цен на электрическую энергию: доктрина, законодательство и судебная практика // Конкурентное право. 2020. № 4. С. 21–25.
11. Хабриева Т. Я. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учётом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. М., 2021. 368 с.
12. Энергетическое право: модели и тенденции развития: сб. мат-лов науч.-практ. конф. / под. ред. А. В. Габова. Белгород, 2023. 228 с.

REFERENCES

1. Valkov V. A. [Legal Forms and Means of Support of Introduction of Renewable Energy Sources]. In: *Grazhdanskoye pravo* [Civil law], 2022, no. 6, pp. 42–45.

2. Varlamova A. N. [Competitive law and industry commodity markets: electricity market]. In: *Konkurentnoye pravo* [Competitive law], 2019, no. 2, pp. 9–13.
3. Vasiliev D. A. [The system of state antimonopoly control in the field of electric power industry: 20 years of the Law on electric power industry, results]. In: *Yurist* [Lawyer], 2023, no. 4, pp. 12–16.
4. Gadzhiev G. A. [Economic Constitution. Constitutional guarantees of entrepreneurial (economic) activity]. In: *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitelnogo pravovedeniya* [Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence], 2009, no. 1, pp. 4–16.
5. Parashchuk S. A. [Legal foundations of the state competition policy of Russia]. In: *Predprinimatelskoye pravo* [Entrepreneurial law], 2019, no. 2, pp. 63–70.
6. Redkin I. V. [On conceptual problems and tasks of legal regulation of the electricity market]. In: *Zakon* [Law], 2015, no. 1, pp. 45–54.
7. Romanova V. V. [The legal nature of relations on construction and modernization of energy facilities]. In: *Pravovyye voprosy stroitelstva* [Legal issues of construction], 2012, no. 1, pp. 10–12.
8. Svirkov S. A. *Osnovnyye problemy grazhdansko-pravovogo regulirovaniya oborota energetiki* [The main problems of civil law regulation of energy turnover]. Moscow, Statut Publ., 2013. 479 p.
9. Symvolokov O. A. [Development of contractual relations in the electric power industry]. In: *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2017, no. 10, pp. 49–60.
10. Symvolokov O. A., Maksimenko P. N. [The possibility of preferential prices for electric energy: doctrine, legislation and judicial practice]. In: *Konkurentnoye pravo* [Competition Law], 2020, no. 4, pp. 21–25.
11. Khabrieva T. Ya. *Kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii (postateynyy): s uchotom odobreniya vnesennykh v rassmotreniye obshcherossiyskogo golosovaniya 1 iyulya 2020 goda* [Commentary to the Constitution of the Russian Federation (article by article): taking into account the changes approved during the all-Russian vote on July 1, 2020]. Moscow, 2021. 368 p.
12. Gabov A. V., ed. *Energeticheskoye pravo: modeli i tendentsii razvitiya* [Energy law: models and development trends]. Belgorod, 2023. 228 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Символоков Олег Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник центра частного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;
e-mail: simvolokovo@mail.ru

Вальков Владимир Алексеевич – аспирант центра частного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;
e-mail: vladimir.j.valkov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oleg A. Simvolokov – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Leading Researcher, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation;
e-mail: simvolokovo@mail.ru

Vladimir A. Valkov – Postgraduate Student, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation;
e-mail: vladimir.j.valkov@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Символоков О. А., Вальков В. А. Развитие рынка электроэнергии и мощности Российской Федерации: антимонопольный аспект // Московский юридический журнал. 2023. № 4. С. 75–80.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-75-80

FOR CITATION

Simvolokov O. A., Valkov V. A. Development of the Electricity and Capacity Market of the Russian Federation: Antitrust Aspects. In: *Moscow Juridical Journal*, 2023, no. 4, pp. 75–80.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-75-80

УДК 343.2/.7
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-81-86

ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Смолин В. В.
Бюро специальных технических мероприятий Министерства внутренних дел России
119049, г. Москва, ул. Житная, д. 16, Российская Федерация

Аннотация
Цель. Определить основные тренды для становления и развития норм российского законодательства, касающиеся вопросов участия в отношениях между гражданами и государством, а также ином обороте криптовалюты.
Процедура и методы. Проведён анализ подходов различных исследователей к пониманию сущности криптовалюты, опыта зарубежных стран в регуляции отношений по поводу и в связи с её оборотом.
Результаты. Сформулированы основные тренды в развитии российского законодательства по регулированию оборота криптовалюты.
Теоретическая и/или практическая значимость. Предложены подходы, исходя из которых следует осуществлять регулирование отношений, связанных с криптовалютой в Российской Федерации.

***Ключевые слова**:* виртуальная валюта, виртуальный актив, денежный суррогат, криптовалюта, электронные платёжные средства

ISSUES OF LEGISLATIVE REGULATION OF CRYPTOCURRENCY TURNOVER IN THE RUSSIAN FEDERATION

V. Smolin
Bureau of Special Technical events of the Ministry of Internal Affairs of Russia
ul. Zhitnaya 16, Moscow 119049, Russian Federation

Abstract
Aim. Identify the main trends for the formation and development of norms of the Russian legislation concerning the issues of participation in the relations between citizens and the state, as well as other turnover of cryptocurrency.
Methodology. The scientific research of the author of this article is based on an analysis of the approaches of various researchers to understanding the essence of cryptocurrency, the experience of foreign countries in regulating relations regarding and in connection with its circulation.
Result. As a result of the analysis and generalization, the main trends in the development of Russian legislation on regulating the circulation of cryptocurrency were formulated.
Research implications. Approaches are proposed on the basis of which it is necessary to regulate relations related to cryptocurrency in the Russian Federation.

***Keywords**:* virtual currency, virtual asset, money surrogate, cryptocurrency, electronic means of payment

© CC BY Смолин В. В., 2023.

Введение

В настоящее время всё больше развиваются технологии взаимодействия людей как между собой, так и с другими субъектами. Особенно это касается современных технологий, обеспечивающих дистанционное участие в решении каких-либо вопросов [4].

Такое развитие повлекло активные изменения в жизни граждан, изменение привычных вещей, которыми они пользуются, а также изменение средств регулирования государством общественных отношений в определённых сферах. Это, прежде всего, выразилось в переводе взаимоотношений государства с гражданами в электронную среду. Среди таких отношений оказались и финансово-экономические. И речь идёт не о перечислении денежных переводов или оплаты каких-либо платежей. Вопрос стоит о необходимости введения в оборот так называемых электронных денег, которые заменят выпускаемые Банком России банкноты и монеты. В настоящее время в рамках данного тренда законодательством Российской Федерации в оборот введены различные термины, которые в той или иной степени касаются таких денег, например, «цифровая валюта»[1], «электронный рубль»[2] и др.

Однако в научной литературе и международных документах наиболее распространённым понятием является «криптовалюта», или «виртуальная валюта». В связи с этим возникает вопрос: как соотносится данное понятие с терминами, указанными в нормативно-правовых актах России?

Исследование сущности понимания криптовалюты

Следует отметить, что в научной литературе нет единого подхода к понятию «криптовалюта». Так, некоторые авторы рассматривают её как разновидность цифровой валюты, основанной на применении криптографии[3] [6], другие определяют криптовалюту как денежный суррогат [8], третьи – как виртуальный актив [10], а четвёртые подходят упрощённо и рассматривают криптовалюту как электронные платёжные средства [2]. Таким образом, единообразие в понимании сущности криптовалюты отсутствует. Такое положение вещей создаёт проблему консолидации усилий учёных для решения вопросов основ оборота криптовалюты в нашем государстве и установления, а также совершенствования его правового регулирования.

В законодательстве РФ понимания криптовалюты также не определено. В частности, в ч. 3 ст. 1 Федерального закона № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[4] (далее – ФЗ № 259) имеется формулировка относительно того, что считать цифровой валютой. Однако, исходя из её содержания и перечисленных признаков, можно сделать вывод, что в качестве таковой предполагается рассматривать только те валюты, которые официально выпущены соответствующим субъектом иностранного государства. В то же время имеются криптовалюты (например, биткоин), эмиссия которых не связана с деятельностью субъектов отдельных государств. Их выпуск связан с функционированием определённых сетей вне границ и континентов. Таким образом, на та-

[1] Ст. 1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации. Ст. 128: Объекты гражданских прав [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239 (дата обращения: 06.11.2023).

[3] *См.:* Противодействие преступлениям, совершаемым в сфере оборота криптовалюты: учебное пособие / А. В. Андреев, Д. В. Галиев, В. В. Гончар и др. М.: ИНФРА-М, 2022. 208 с.

[4] Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

кие криптовалюты положения указанного закона не распространяются.

В Гражданском законодательстве РФ отсутствует упоминание о криптовалюте или виртуальной валюте напрямую. Однако при этом перечислены объекты, в отношении которых может распространяться право собственности граждан (ст. 128 ГК РФ). Их понимание и признаки, закреплённые в соответствующих нормах гражданского законодательства, не позволяют прямо и безаппеляционно отнести криптовалюту к какому-либо из указанных объектов. При этом некоторые исследователи [7] указывают, что криптовалюту можно соотнести с имущественными правами, но для этого необходима корректировка действующих положений.

Вместе с тем Правительство РФ, понимая наличие данного пробела, утвердило Концепцию законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют[1]. В рамках реализации данной концепции в Государственной Думе РФ в настоящее время рассматривается законопроект, в котором установлен новый объект налогообложения – *цифровая валюта*. Соответственно статус её определён по аналогии с имуществом граждан[2]. Концепция предполагает внести изменения в КоАП РФ, УК РФ, УПК РФ, Федеральный закон № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма»[3], а также в ФЗ № 259. Однако указанные меры не в полной степени обеспечат надлежащий правовой режим криптовалюты, т. к. отсутствует план по внесению изменений в ГК РФ, который также нуждается в корректировке, о чём было сказано выше.

Кроме того, в связи с вводом Центральным Банком России цифрового рубля[4], который может быть рассмотрен как криптовалюта, требуются соответственные уточнения и в законодательстве.

Таким образом, урегулирование оборота криптовалют в нормах российского права не усматривается. Через призму активного участия граждан в данных отношениях проблема вырисовывается как достаточно острая. Это влечёт за собой, прежде всего, возникновение достаточно серьёзной проблемы – экономической безопасности [12], кроме того, снижает потенциальные возможности получения государством дополнительных доходов в виде недополученных налогов, а также создаёт проблемы защиты прав и законных интересов мерами государственного принуждения [5]. Ну и наконец, как было указано Председателем Правительства РФ М. В. Мишустиным, использование криптовалют может способствовать развитию международных экономических отношений субъектов при импорте и экспорте в рамках сложившейся негативной реальности для нашей страны в условиях санкций[5]. Исходя из этого, данный казус нуждается в срочном решении и урегулировании.

Зарубежный опыт регулирования оборота криптовалюты

В зарубежных странах достаточно быстро и просто адаптировались к растущим тенденциям оборота криптовалют.

В Евросоюзе отношение к криптовалюте предполагает определённое единообразие [3]. Его можно рассмотреть на примере ФРГ, где решили признать криптовалюты,

---

1 Концепция законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют [Электронный ресурс]. URL: http://static.government.ru/media/files/Dik7wBqAubc34ed649ql2Kg6HuTANrqZ.pdf (дата обращения: 29.11.2023).

2 Проект Федерального закона № 1065710-7 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1065710-7?ysclid=lpjyucelv4413305647 (дата обращения: 29.11.2023).

3 Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СПС Консультант Плюс.

4 Подробнее о концепции цифрового рубля [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 29.11.2023).

5 Мишустин назвал цифровые активы альтернативой для международных платежей // РБК: [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/crypto/news/630df9329a7947e53e48bf97 (дата обращения: 29.11.2023).

а конкретно биткоин, средством платежа со всеми вытекающими последствиями в виде освобождения от уплаты налогов[1].

В США на общенациональном уровне оборот также не урегулирован. Некоторые штаты (например, штат Вашингтон) на своём уровне рассматривают криптовалюты аналогично как и в ФРГ – в качестве средства платежа [2].

В Великобритании криптовалюты отнесены к собственности, однако в отношении прав граждан относительно правомочий имеются некоторые ограничения[2].

В Норвегии биткойн признан биржевым активом, но не признан валютой[3].

В Японии криптовалюта биткоин официально признан платёжным средством [1].

В Венесуэле криптовалюты имеют специфический статус. С одной стороны, она выпустила официальную национальную криптовалюту *петро*, которая имеет хождение наравне с фиатными национальными денежными знаками, с другой, – допускается использование в платежах и других криптовалют. Однако они носят характер ценных бумаг[4].

В целом, обобщив свои собственные материалы и результаты исследований других учёных [11], можно отметить, в настоящее время не существует единого стандарта в регулировании оборота криптовалют. В одних странах криптовалюте придаётся *статус платёжного средства*, в других – она рассматривается как *имущество граждан*. Причём подходы отличаются исходя из того, кто осуществляет эмиссию криптовалюты. Если её выпускают официальные органы (как правило, это государственные органы в рамках своих полномочий), то она однозначно признаётся как платёжное средство. Но если выпуск осуществляется неофициальными субъектами, то речь идёт о статусе криптовалюты как имущества.

Отдельно выделим развитие правового регулирования оборота криптовалют в тех странах, с которыми в условиях санкций наша страна имеет значительные торгово-экономические связи. Речь идёт о Китайской Народной Республике (КНР), Индии, Республике Казахстан (РК) и Республике Беларусь (РБ).

В КНР и Индии официального статуса криптовалют нет в силу того, что их хождение и оборот запрещены на территории данных стран[5].

В РК пошли по более простому пути. Они не стали выделять криптовалюту в отдельный объект правового регулирования и охватили её пониманием в гражданском законодательстве как «другое имущество», ранее закреплённое в ст. 115 ГК РК [9].

В РБ же пошли своим даже крайне прогрессивным путём и выделили криптовалюту как самостоятельный предмет экономических общественных отношений, отличный от собственности, ценных бумаг и денежных знаков[6].

Заключение

Итак, в мире существует несколько подходов в правом регулировании отношений, связанных с оборотом криптовалют. Прежде всего следует разделить криптова-

[1] Germany Won't Tax Cryptocurrencies Used To Make Purchases // Cointelegraph: [сайт]. URL: https://cointelegraph.com/news/germany-wont-tax-cryptocurrencies-used-to-make-purchases (дата обращения: 29.11.2023).

[2] *См.:* Пантюхина Е. От Лондона до Сингапура: лучшие юрисдикции для открытия крипто и блокчейн-компаний [Электронный ресурс]. URL: https://ru.investing.com/analysis/article-200274612 (дата обращения: 29.11.2023).

[3] Криптовалюта в Норвегии, регулирование, майнинг, налоги, где и как купить [Электронный ресурс]. URL: https://crypt-mining.net/news/kriptovaljuta-v-norvegii (дата обращения: 29.11.2023).

[4] *См.:* Oficial decreto constituyente sobre el sistema integral de Criptoactivos [Электронный ресурс] // Gaceta Oficial. URL: http://www.minci.gob.ve/wp-content/uploads/2019/01/Gaceta-OficialDecreto-Constituyente-sobre-el-Sistema-Integral-de-Criptoactivos.pdf (дата обращения: 29.11.2023).

[5] В КНР, в качестве исключение, допускается оборот криптовалют в Гонконге. Там они рассматриваются как цифровые активы (статус более близок к ценным бумагам).

[6] *См.:* Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики» [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=Pd1700008 (дата обращения: 29.11.2023).

люту как объект правового регулирования на 2 вида:

1) криптовалюта, официально выпускаемая соответствующими субъектами – государственными органами;

2) иные криптовалюты.

В отношении первого вида следует осуществлять регуляцию как электронного средства платежа с учётом особенностей её оборота. В данном случае целесообразно определить соответствующий статус платёжного средства, порядок и объём эмиссии, правила оборота, соотношение с другими платёжными средствами. Важно предусмотреть более значительную ответственность за сторонний выпуск такой криптовалюты, вмешательство в её оборот и т. д.

А относительно второго вида необходимо выработать чёткий подход как к эквиваленту имущества, в отношении которого будут действовать положения гражданского законодательства РФ. При этом следует урегулировать особенности оборота такого имущества в условиях виртуальной среды. Здесь важно определить порядок учёта и контроля за созданием такой валюты, порядок регистрации прав на неё и правила оборота. Следовало бы также рассмотреть вопрос о повышении ответственности за преступные посягательства на данный предмет.

Статья поступила в редакцию 16.09.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винья П. Эпоха криптовалют: Как биткоин и блокчейн меняют мировой экономический порядок / пер. с англ. Э. Конудковой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 432 с.
2. Воронин Д. А., Макаревич М. Л. Мировой опыт правового регулирования криптовалюты // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 8. С. 63–67.
3. Гурылев Г. А. Регулирование рынка криптовалют: мировая практика и российский опыт // Экономические системы. 2023. Т. 16. № 3. С. 154–162.
4. Денисов Н. Л. Тенденции современной киберпреступности // Legal Bulletin. 2020. Т. 5. № 2. С. 55–60.
5. Денисов Н. Л. Определение особенностей предмета преступления и потерпевшего как первый этап квалификации преступлений, упреждающий установление объекта преступления // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 90–95.
6. Егорова М. А. Проблемы соотношения и правового регулирования криптовалюты, биткоина, цифровой и виртуальной валюты: Российский и зарубежный опыт // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. № 2. С. 53–57.
7. Ким М. С. Гражданско-правовой режим криптовалюты: соотношение криптовалюты и безналичных денежных средств // Вопросы российской юстиции. 2022. № 20. С. 142–148.
8. Крылова К. В., Степанова Д. Н. Криптовалюта как новый объект права // Право и государство: теория и практика. 2020. № 1. С. 280–282.
9. Могунова М. М., Шут О. А. Правовой статус криптовалюты в Казахстане // Вестник Северо-Казахстанского государственного университета имени Манаша Козыбаева. 2019. № 4. С. 149–152.
10. Пинкевич Т. В. Предупреждение преступлений, совершаемых в сфере оборота цифровой валюты (криптовалюты) // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 4. С. 82–96.
11. Шайдуллина В. К. Правовое регулирование оборота криптовалюты: зарубежный опыт // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 4. С. 49–52.
12. Экономическая безопасность (уголовно-правовые механизмы обеспечения) / В. Ю. Артемов, С. С. Безруков, Н. А. Голованова и др. М.: Юридическая фирма «Контракт», 2021. 320 с.

REFERENCES

1. Vigna P. The age of cryptocurrency: how bitcoin and the blockchain are challenging the global economic order (Rus. ed.: Konudkova E., transl. *Epokha pogody: Kak soblyudayutsya i podderzhivayut menya mirovoy ekonomicheskiy poryadok.* Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2017. 432 p.).
2. Voronin D. A., Makarevich M. L. [World experience of legal regulation of cryptocurrency]. In: *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i s neterpeniyem* [Innovative economics: prospects for development and improvement], 2018, no. 8, pp. 63–67.

3. Gurylev G. A. [Regulation of the cryptocurrency market: world practice and Russian experience]. In: *Ekonomicheskiye sistemy* [Economic systems], 2023, vol. 16, no. 3, pp. 154–162.
4. Denisov N. L. [Trends in modern cybercrime]. In: *Yuridicheskiy vestnik* [Legal Bulletin], 2020, vol. 5, no. 2, pp. 55–60.
5. Denisov N. L. [Determination of the characteristics of the subject of the crime and the victim as the first stage of qualification of crimes, proactively identifying the object of the crime]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, no. 4, pp. 90–95.
6. Egorova M. A. [Problems of correlation and legal regulation of cryptocurrency, bitcoin, digital and virtual currency: Russian and foreign experience]. In: *Vestnik Universiteta imeni O. Ye. Kutafina* [Bulletin of the O. E. Kutafin University], 2020, no. 2, pp. 53–57.
7. Kim M. S. [Civil legal regime of cryptocurrency: the relationship between cryptocurrency and non-cash funds]. In: *Voprosy rossiyskoy yustitsii* [Issues of Russian Justice], 2022, no. 20, pp. 142–148.
8. Krylova K. V., Stepanova D. N. [Cryptocurrency as a new object of law]. In: *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and state: theory and practice], 2020, no. 1, pp. 280–282.
9. Mogunova M. M., Shut O. A. [Legal status of cryptocurrency in Kazakhstan]. In: *Vestnik Severo-Kazakhstanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Manashi Kozybayeva* [Bulletin of the North-Kazakhstan State University named after Manash Kozybayev], 2019, no. 4, pp. 149–152.
10. Pinkevich T. V. [Prevention of crimes committed in the sphere of circulation of digital currency (cryptocurrency)]. In: *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika* [Rule of law: theory and practice], 2021, no. 4, pp. 82–96.
11. Shaydullina V. K. [Legal regulation of cryptocurrency turnover: foreign experience]. In: *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: politics, economics, law], 2018, no. 4, pp. 49–52.
12. Artemov V. Yu., Bezrukov S. S., Golovanova N. A., et al. *Ekonomicheskaya bezopasnost (ugolovno-pravovyye mekhanizmy obespecheniya)* [Economic security (criminal law enforcement mechanisms)]. Moscow, Yuridicheskaya firma «Kontrakt» Publ., 2021. 320 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смолин Владимир Владимирович – полковник полиции, начальник отдела Бюро специальных технических мероприятий МВД России;
e-mail: gangsta2021@yahoo.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir V. Smolin – Police Colonel, Departmentally Head, Department of the Bureau of Special Technical Events, Ministry of Internal Affairs of Russia;
e-mail: gangsta2021@yahoo.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Смолин В. В. Вопросы законодательного регулирования оборота криптовалюты в Российской Федерации // Московский юридический журнал. 2023. № 4. С. 81–86.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-81-86

FOR CITATION

Smolin V. V. Issues of Legislative Regulation of Cryptocurrency Turnover in the Russian Federation. In: *Moscow Juridical Journal*, 2023, no. 4, pp. 81–86.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-81-86

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343.98
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-87-93

ФИЛОГЕНЕТИЧЕСКИЕ И ПАНТОМИМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЖЕСТОВ В ДЕТЕКЦИИ ЛЖИ

Гончаренко Е. В.[1], Тайсаева С. Б.[2], Аргун С. Н.[3], Мурзова О. А.[4], Джокуа А. А.[3]
[1]Областная детская клиническая больница имени Н. Н. Силищевой
414011, г. Астрахань, ул. Медиков, д. 6, Российская Федерация
[2]Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова
115054, г. Москва, Стремянный пер., д. 36, Российская Федерация
[3]Институт экспериментальной патологии и терапии Академии наук Абхазии
384900, г. Сухум, гора Трапеция, а/я 66, Республика Абхазия
[4]Астраханский государственный медицинский университет
414000, г. Астрахань, Бакинская, д. 121, Российская Федерация

Аннотация
Цель. Исследование филогенеза телодвижений (пантомимики) человека при умышленном сокрытии информации.
Процедура и методы. Проведён сравнительный анализ поведения приматов и людей на отрицательный стимул. Выделены группы телодвижений – адаптивные и ресурсные жесты, которые имеют общую филогенетическую и гомологичную природу.
Результаты. Страх разоблачения у причастных лиц вызывает состояние стресса, который высвобождает телесные архаизмы. Под влиянием защитного механизма психики «регресса» появляется кинесика, которая базируется на филогенетических автоматизмах и моторных актах отряда приматов, к которому относится и современный *homo sapiens*. Жесты связаны с витальной потребностью в безопасности или служат для восстановления психического гомеостаза.
Теоретическая и/или практическая значимость. Представленная классификация может применяться в детекции лжи, нано-верификации, правоохранительной и надзорной практике при оценке противоправного поведения.

Ключевые слова: детекция лжи, классификация жестов, обман, причастные лица, филогенез

PHYLOGENETIC AND PANTOMIMIC ASPECTS OF GESTURES IN LIE DETECTION

E. Goncharenko[1], S. Taisaeva[2], S. Argun[3],O. Murzova[4], A. Jokwa[3]
[1] Regional Children's Clinical Hospital named after N. N. Silishcheva
ul. Medikov 6, Astrakhan 414011, Russian Federation
[2] Plekhanov Russian University of Economics
Stremyanny per. 36, Moscow 115054, Russian Federation
[3]Institute of Experimental Pathology and Therapy of the Academy of Sciences of Abkhazia
Gora Trapeziya a/ya 66, Sukhum 384900, Republic of Abkhazia
[4] Astrakhan State Medical University
ul. Bakinskaya 121, Astrakhan 414000, Russian Federation

© CC BY Гончаренко Е. В., Тайсаева С. Б., Аргун С. Н., Мурзова О. А., Джокуа А. А., 2023.

Abstract

Aim. The study of the phylogeny of human body movements (pantomimics) with deliberate concealment of information.

Methodology. A comparative analysis of the behavior of primates and humans on a negative stimulus was carried out. The groups of body movements are distinguished: adaptive and resource gestures, which have a common phylogenetic and homologous nature.

Results. The fear of exposure in the individuals involved induces a state of stress that releases bodily archaisms. Under the influence of the protective mechanism of the psyche of "regression", kinesics appears, which is based on phylogenetic automatisms and motor acts of the primate order, to which modern homo sapiens also belongs. Gestures are associated with a vital need for security or serve to restore mental homeostasis.

Research implications. The presented classification can be used in lie detection, nano-verification, law enforcement and supervisory practice in assessing illegal behavior.

Keywords: lie detection, gesture classification, deception, involved persons, phylogeny

Введение

Верификатор в беседе с опрашиваемым лицом оценивает его вербальную и невербальную продукцию на нейтральных контрольных, проективных вопросах. Лингвистическая структура обмана требует высоких энергетических и когнитивных затрат работы головного мозга респондента [8, с. 183]. Человек вынужден выдумывать правдоподобные ответы и согласовывать со всем, что знает или может узнать верификатор [1, с. 148]. При страхе разоблачения увеличивается уровень стресса, и наблюдаются речевые и телесные «утечки» информации.

Исследуя пантомимику лиц, которые говорят неправду, мы обнаружили, что в стрессовом состоянии жесты-иллюстраторы и жесты-эмблемы, которые сопровождают речевую продукцию, исчезают, вместо них появляется другая пантомимика. Обшаривание собственного тела, стряхивание «невидимой пыли», раскачивание корпуса тела и ног, поглаживания себя и прикосновения, манипуляции с неодушевленными предметами и одеждой, закрытие конечностями передних зон тела и моторные акты ног не относятся к коммуникативной иллюстрации. Выявленная кинесика высвобождала иные телодвижения, не связанные с речью, которая имела архаическую доязыковую природу.

Вышеперечисленные телесные архаизмы возникали в результате действия защитного механизма психики на стрессор под названием регресс. С его помощью субъект верификации возвращается в глубокое прошлое, чтобы нейтрализовать страх разоблачения. К такому выводу мы пришли, опираясь на исследования о стрессе.

По мнению эволюционного психиатра В. П. Самохвалова, поведенческие паттерны в стрессе и при психическом расстройстве являются ранней формой реагирования приматов и древнего человека [12, с. 41]. Г. Селье указывает, что в стрессовом состоянии появляются архаические и реликтовые признаки поведения [3, с. 8]. По мнению физиолога Л. А. Орбели, архаическое предковое поведение в норме маскируется и сохраняются в латентном состоянии. Психическая патология и стресс вызывают его реконструкцию [10, с. 22].

Филогенез жестов мы решили исследовать в приматологии. В своих исследованиях мы опирались на авторитетное мнение и научные исследования российских и зарубежных этологов, зоопсихологов и приматологов о том, что поведение обезьян и людей гомологично. Антрополог Э. Хутон считал, что изучение наших ближайших ныне живущих родственников-приматов может служить рассказом о нашем собственном разуме и происхождении. По мнению этолога В. Р. Дольника, истоки и корни поведения современного *homo sapiens* нужно искать в инстинктивных программах, унаследованных от предков, в т. ч.

до человеческих [4, с. 55]. Этолог подчёркивает, что человек не единственный и неповторимый объект биосферы, а всего лишь один из видов животных. Приматолог Ф. Де Вааль считает, что мы с приматами принадлежим к одному царству и у нас общие эмоциональные и социальные модели поведения [2, с. 77]. Российский психолог М. В. Осорина, исследуя детскую субкультуру, привела антропологические и приматологические примеры территориального поведения у детей [11, с. 37]. Дж. Гудолл и Н. Н. Ладыгина-Котс проводили сравнительную параллель поведенческих и эмоциональных реакций шимпанзе и людей.

По мнению зоолога и этолога К. Лоренца, пантомимика животных и птиц имеет смысловое содержание и определённое значение и может быть гомологичной человеческой [9, с. 53]. Дж. Уотсон упоминает о том, что глубокие биологические формы страха наблюдаются в позных реакциях высших млекопитающих и *homo sapiens* [7, с. 109]. Ч. Дарвин в своём фундаментальном труде «О происхождении видов» подчёркивает, что мимика, жесты и позы гомологичны у обезьян и людей [5, с. 45].

Опираясь на фундаментальные исследования психологии, приматологии и этологии, был проведён сравнительный анализ пантомимической продукции людей и обезьян.

Цель данной работы – исследование филогенеза pes-жестов, жестов закрытия, жестов-манипуляторов, жестов самоочищения, транс-жестов и жестов-адапторов при умышленном сокрытии информации.

В качестве эмпирических использовались методы наблюдения за поведением обезьян и невербальной продукцией человека; сравнительный анализ пантомимической продукции приматов и людей, клиническое интервью и структурированная опросная беседа с респондентами.

Анализ жестов

Исследование осуществлялось в Сухумском питомнике обезьян Института экспериментальной патологии и терапии Академии наук Абхазии с 2022 по 2023 г. Наблюдение осуществлялось за детско-родительскими отношениями 20 детёнышей павианов и макак (10 павианов-гамадрилов,10 макак-резусов) с самками, 15 взрослыми павианами гамадрилами и 15 макаками-резусами, 10 взрослыми обезьянами (3 – макаки, 7 – павианов-гамадрилов) в условиях изоляции.

Исследование невербальной продукции при обмане психологом-верификатором выполнялось у 12 причастных к преступлению лиц и 28 симулянтов в возрасте 17–65 лет в Областной детской клинической больнице имени Н. Н. Силищевой и Следственном управлении Следственного комитета России по Астраханской области с 2021 по 2023 гг.

При наблюдении за групповой жизнью обезьян было обнаружено, что при угрозе (отрицательном стимуле) у всех 30 взрослых обезьян (павианов и макак) иллюстрировалось съёживание и позы подставления. Отрицательным стимулом служила невербальная и бесконтактная агрессия доминантной особи. Обезьяны принимали сидячее положение, голову опускали вниз и замирали. Защитное поведение сопровождалось группированием частей тела: верхние конечности были согнуты в локтях и прижаты к корпусу. К тому же поворачивались анальной областью к нападающему, поднимали хвост, сгибали передние ноги, голову опускали к земле.

Гомологичная пантомимика у людей в виде прикрытия конечностями передней части тела (головы, шеи, вентральной зоны и паха) вместе с физиологическими маркерами замирания мы отметили у причастных к преступлению лиц и симулянтов в 80% случаях на контрольных вопросах (отрицательный стимул) с помощью метода наблюдения за невербальной продукцией.

Макаки и павианы при отрицательном стимуле (приближение сотрудника лаборатории к клетке или сокращение расстояния между возбужденной в агрессии высокоранговой и низкоранговой особи) убегали в 100% случаях. Пантомимика наблюдалась в быстрых движениях конеч-

ностей, прыжках назад. У людей кинесика бегства от верификатора иллюстрировалась в движениях ступней, поворотах коленей в сторону выхода в 95% случаях на контрольных вопросах.

Пантомимика закрытия и бегства исследовались только у низкоранговых обезьян на отрицательный стимул. Специально не было включено в наблюдение реакции высокоранговых самцов и самок из-за их иерархического статуса. В детекции лжи верификатор также устанавливает первенство и лидерство в коммуникации, опрашиваемому лицу автоматически отводится подчинение.

Дифференцировано было проведено наблюдение за детско-родительским контактом 20 детёнышей обезьян (от 1 до 6 месяцев после рождения) с самками – 10 павианов и 10 макак.

Рефлекс цепляния демонстрировали все детёныши приматов. Удерживание конечностями за волосяной покров самки – характерная черта поведения для всего потомства обезьян. Приматологический паттерн рефлекса цепляния можно обнаружить в дошкольном возрасте. Дети цепляются за мать, а при взрослении при волнении и тревоге переадресуют движения рук на мягкие игрушки. Переадресованные формы паттерна в виде жестов-манипуляторов в стрессовом состоянии были обнаружены у 40 респондентов в 67,5% случаях во время опросной беседы и клинического интервью.

Груминговое поведение между матерью и детёнышем лежит в основе аффилиативного поведения и выражения симпатии у взрослых обезьян. Павианы, макаки и мартышки в детско-родительском контакте обучались от матери и демонстрировали груминг друг к другу в 100% случаев. Его этологическая форма наблюдается в обшаривании руками своего новорожденного младенца. Переадресованная на собственное тело приматологическая модель обнаруживается в ковырянии заусенцев, поедании муконазального секрета, грызении ногтей и вырывании волос в детском возрасте, отмечается у пациентов с неврозами и психической патологией [6, с. 48]. Переадресованная модель груминга в виде жестов самоочищения: «отряхивание невидимой пыли», ковыряние под ногтями и расчесывание кожных покровов, теребление волос на голове зафиксировано в 65% случаях в стрессе у респондентов во время верификации.

Прижимание и прикладывание рук к матери и обратный тактильный контакт в диаде высоко продуцировались при отрицательных и положительных эмоциях у всех детёнышей. Они ощупывали, прижимались и трогали руками значимый объект. Горизонтальных и вертикальных движений руками (поглаживаний) макаки и павианы не исполняли. Жесты-адапторы в виде обнимания себя руками, поглаживаний колен, прикасаний к лицу и телу обнаружились у 85% опрашиваемых лиц.

Отдельно изучалось поведение обезьян во время содержания в индивидуальных клетках. Наблюдалась пантомимика и эмоциональное состояние 10 взрослых обезьян (3 макаки, 7 павианов-гамадрил) в условиях изоляции от группы. Было отмечено, что белый медицинский халат сотрудника лаборатории вызывал у них агрессивную реакцию. Во время одиночного пребывания у всех приматов снизились дружелюбное поведение и исследовательская активность. На отрицательный стимул (белый халат) особи демонстрировали агрессивно-предупредительные сигналы мимикой: полуоскал, пристальный взгляд, угрожающие движения бровями и нижней челюстью, движение (выпад) головой вперёд. В пантомимике отмечался всплеск моторной активности в виде стереотипных движений по кругу, прыгающих движений на одном месте, монотонных маятниковых движений. Эту кинесику мы связываем с природой трансового состояния. Человеческое укачивание, по нашему мнению, тоже имеет природу транса. У обезьян передвижение самки и движение тела детеныша в вентро-вентральном положении под её животом схожи моторике качания людей. Переадресованные движе-

ния тела в виде транс-жестов наблюдались у опрашиваемых лиц в 80% случаях.

Полученные в ходе наблюдения данные показали, что пантомимика закрытия и бегства у обезьян гомологична жестам закрытия и pes-жестам людей, которые появляются при страхе разоблачения. Жесты-манипуляторы, жесты самоочищения, жесты адапторы базируются на филогенетических автоматизмах привязанности в детско-родительских отношениях и аффилиативном поведении. Филогенез транс-жестов связан с трансом, у антропоидов и приматов обнаруживается функциональная и нейробиологическая расположенность к этому психическому состоянию.

Заключение

Результаты исследования позволили выделить 2 группы телодвижений в безынструментальной детекции лжи:

1) *адаптивная жестикуляция:* жесты закрытия и pes-жесты – невербальная продукция поведенческих реакций «замирания» и «бегства» на стрессор; связаны с витальной потребностью в безопасности и инстинктом самосохранениях жизни;

2) *ресурсная жестикуляция* – жесты-манипуляторы, жесты адапторы, жесты самоочищения, транс-жесты; базируются на механизме психической защиты под названием «регресс», восстанавливают психический гомеостаз и нейтрализуют действие отрицательного аффекта при воздействии стрессора.

Классификация жестов при умышленном сокрытии информации может применяться верификаторами и полиграфологами в детекции лжи. Жесты можно использовать в профайлинговых программах с использованием искусственного интеллекта для массового профилирования поведения людей.

Статья поступила в редакцию 10.10.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные вопросы использования инструментальной детекции джи как средства борьбы с противодействием расследованию преступлений / А. С. Мельникова, А. П. Шувалов, Н. С. Урманова, О. В. Мартыненко // Закон и право. 2019. № 5. С. 145–149.
2. Арнольд О. Р. Понять эмоции животных (На кн.: Франс Де Вааль. Последнее объятие мамы: чему нас учат эмоции животных) // Природа. 2020. № 2. С. 76–79.
3. Арсаханова Г. А. Гомеостаз в факторной структуре противодействия организменному стрессу // Международный журнал прикладных наук и технологий Integral. 2020. № 5. С. 8–10.
4. Гагарин А. В. Этология и сравнительная психология: дидактическая модель онлайн-курса // Психология развития и образования: российский журнал прикладных исследований. 2021. № 1. С. 52–57.
5. Генезис и психологическая роль жестов самоочищения и груминга в пантомимической продукции человека / Е. В. Гончаренко, З. Я. Миквабия, С. Н. Аргун, С. Б. Тайсаева, А. А. Джокуа, Е. В. Полякова // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 27. № 4. С. 45–51.
6. Горюнова А. В., Шевченко Ю. С. Растройства аутистического спектра-диагноз маска в психоневрологии раннего детства // Психическое здоровье. 2023. Т. 18. № 7. С. 46–48.
7. Комилова М. Д. Изучение девиантного поведения в направлении бихевиоризма // Вестник Педагогического университета. Серия 2: Педагогики и психологии, методики преподавания гуманитарных и естественных дисциплин. 2021. № 1. С. 107–110.
8. Медведев А. Ю. Психофизиологическая детекция лжи. Заметки практикующего полиграфолога // Современная психофизиология. Технология виброизображения. 2021. № 1. С. 182–188.
9. Мухин М. И. Врожденное и приобретенное в природе агрессивности человека // International Journal of Medicine and Psychology. 2022. Т. 5. № 2. С. 53–62.
10. Наследие академика Л. А. Орбели: институту эволюционной физиологии и биохимии им. И. М. Сеченова РАН 65 лет / Н. Е. Басова, А. И. Кривченко, Г. А. Оганесян, Е. В. Розенгарт // Биосфера. 2021. Т. 13. № 1-2. С. 21–40.
11. Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых // Искусство в школе. 2019. № 3. С. 34–37.

12. Шевченко Ю. С., Корень Е. В., Куприянова Т. А. Эвоюционно-биологическая концепция Г. Е. Сухаревой как основа отечественной детской психиатрии // Социальная и клиническая психиатрия. 2020. Т. 30. № 1. С. 40–45.

REFERENCES

1. Melnikova A. S., Shuvalov A. P., Urmanova N. S., Martynenko O. V. [Current issues of using instrumental detection of GI as a means of combating counteraction to the investigation of crimes]. In: *Zakon i pravo* [Law and Law], 2019, no. 5, pp. 145–149.
2. Arnold O. R. [Understand the emotions of animals (In the book: Frans De Waal. Mom's Last Hug: What Animal Emotions Teach Us)]. In: *Priroda* [Nature], 2020, no. 2, pp. 76–79.
3. Arsakhanova G. A. [Homeostasis in the factor structure of counteracting body stress]. In: *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh nauk i tekhnologiy Integral* [International Journal of Applied Sciences and Technologies Integral], 2020, no. 5, pp. 8–10.
4. Gagarin A. V. [Ethology and comparative psychology: a didactic model of an online course]. In: *Psikhologiya razvitiya i obrazovaniya: Rossiyskiy zhurnal prikladnykh issledovaniy* [Psychology of development and education: Russian journal of applied research], 2021, no. 1, pp. 52–57.
5. Goncharenko E. V., Mikvabiya Z. Ya., Argun S. N., Taisaeva S. B., Jokua A. A., Polyakova E. V. [Genesis and psychological role of self-cleaning and grooming gestures in human pantomimic production]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 2022, vol. 27, no. 4, pp. 45–51.
6. Goryunova A. V., Shevchenko Yu. S. [Autism spectrum disorders - diagnosis mask in psychoneurology of early childhood]. In: *Psikhicheskoye zdorovye* [Mental health], 2023, vol. 18, no. 7, pp. 46–48.
7. Komilova M. D. [Study of deviant behavior in the direction of behaviorism]. In: *Vestnik Pedagogicheskogo universiteta. Seriya 2: Pedagogika i psikhologiya, metodika prepodavaniya gumanitarnykh i proizvodstvennykh distsiplin* [Bulletin of the Pedagogical University. Series 2: Pedagogy and psychology, methods of teaching the humanities and natural sciences], 2021, no. 1, pp. 107–110.
8. Medvedev A. Yu. [Psychophysiological lie detection. Notes from a practicing polygraph examiner]. In: *Sovremennaya psikhofiziologiya. Tekhnologiya vibroizobrazheniya* [Modern psychophysiology. Vibraimage technology], 2021, no. 1, pp. 182–188.
9. Mukhin M. I. [Congenital and naturally acquired human aggressiveness]. In: *Mezhdunarodnyy zhurnal meditsiny i psikhologii* [International Journal of Medicine and Psychology], 2022, vol. 5, no. 2, pp. 53–62.
10. Basova N. E., Krivchenko A. I., Oganesyan G. A., Rosengart E. V. [Legacy of Academician L. A. Orbeli: Institute of Evolutionary Physiology and Biochemistry named after I. M. Sechenov RAS 65 years old]. In: *Biosfera* [Biosphere], 2021, vol. 13, no. 1-2, pp. 21–40.
11. Osorina M. V. [The secret world of children in the space of the world of adults]. In: *Iskusstvo v shkole* [Art at school], 2019, no. 3, pp. 34–37.
12. Shevchenko Yu. S., Koren E. V., Kupriyanova T. A. [Evolutionary-biological concept of G. E. Sukhareva as the basis of domestic child psychiatry]. In: *Sotsialnaya i klinicheskaya psikhiatriya* [Social and clinical psychiatry], 2020, vol. 30, no. 1, pp. 40–45.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гончаренко Елена Вячеславовна – медицинский психолог Областной детской клинической больницы имени Н. Н. Силищевой;
e-mail: lanovaya.s@ mail.ru

Тайсаева Светлана Борисовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры политического анализа и социально-психологических процессов Российского государственного университета имени Г. В. Плеханова;
e-mail: taisaeva@mail.ru

Аргун София Нодаровна – младший научный сотрудник лаборатории физиологии и патологии Института экспериментальной патологии и терапии Академии наук Абхазии;
e-mail: argun_sofiya@mail.ru

Мурзова Ольга Анатольевна – кандидат медицинских наук, доцент кафедры госпитальной педиатрии с курсом последипломного образования Астраханского государственного медицинского университета;
e-mail: olgamurzova@mail.ru

Джокуа Анна Арсеновна – кандидат биологических наук, заведующая лабораторией физиологии и патологии Института экспериментальной патологии и терапии Академии наук Абхазии;
e-mail: primat.ana@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Goncharenko – Medical psychologist, Regional Children's Clinical Hospital named after N. N. Silishcheva;
e-mail: lanovaya.s@ mail.ru

Svetlana B. Taisaeva – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of Political Analysis and Socio-Psychological Processes, Plekhanov Russian State University;
e-mail: taisaeva@mail.ru

Sofia N. Argun – Junior Researcher, Laboratory of Physiology and Pathology, Institute of Experimental Pathology and Therapy, Academy of Sciences of Abkhazia;
e-mail: argun_sofiya@mail.ru

Olga A. Murzova – Cand. Sci. (Medical), Assoc. Prof., Department of Hospital Pediatrics with a postgraduate course, Astrakhan State Medical University;
e-mail: olgamurzova@mail.ru

Anna A. Jokua – Cand. Sci. (Biology), Head of the Laboratory of Physiology and Pathology, Institute of Experimental Pathology and Therapy of the Academy of Sciences of Abkhazia;
e-mail: primat.ana@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гончаренко Е. В., Тайсаева С. Б., Аргун С. Н., Мурзова О. А., Джокуа А. А. Филогенетические и пантомимические аспекты жестов в детекции лжи // Московский юридический журнал. 2023. № 4. С. 87–93.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-87-93

FOR CITATION

Goncharenko E. V., Taysaeva S. B., Argun S. N., Murzova O. A., Jokua A. A. Phylogenetic and Pantomimical Aspects of Gestures in Lie Detection. In: *Moscow Juridical Journal,* 2023, no. 4, pp. 87–93.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-87-93

УДК 343.2/.7
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-94-101

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ БОРЬБЫ С МАРОДЁРСТВОМ

Карпова Н. А.[1], Юдина У. С.[2]
[1] Московский университет Министерства внутренних дел России имени В. Я. Кикотя
117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12, Российская Федерация
[2] Российский университет транспорта
127994, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9, Российская Федерация

Аннотация
Цель. Проанализировать политические, исторические и социально-правовые предпосылки возникновения и нормативного закрепления ответственности за мародёрство; исследовать признаки данного состава преступления, рассмотреть проблемы квалификации исследуемого преступного деяния и сформировать предложения по оптимизации уголовного законодательства в данной сфере.
Процедура и методы. В процессе исследования применялись различные научные методы исследования: анализа, синтеза, сравнительно-правовой, системно-структурный. Приведён анализ взглядов исследователей на вопросы и проблемы квалификации мародёрства.
Результаты. Обобщены предпосылки возникновения и законодательного закрепления уголовной ответственности за мародёрство, проведён сравнительно-правовой анализ норм зарубежного и российского уголовного законодательств об ответственности за исследуемое преступление, систематизированы основные правила его квалификации, выявлены недостатки технико-юридического конструирования уголовно-правовой нормы и предложены пути совершенствования уголовного закона.
Теоретическая и/или практическая значимость. Научные положения, содержащиеся в материалах статьи, а также практические рекомендации по квалификации мародёрства могут быть использованы в процессе изучения и преподавания дисциплин уголовно-правового цикла, а также в правоприменительной практике.

Ключевые слова: ведение боевых действий, военное время, вооружённый конфликт, военное положение, имущество гражданского населения, мародёрство, хищение имущества при убитых или раненых

ACTUAL PROBLEMS OF THE CRIMINAL LAW FIGHT AGAINST LOOTING

N. Karpova[1], U. Yudina[2]
[1] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot
ul. Akademika Volgina 12, Moscow 117437, Russian Federation
[2] Russian University of Transport
ul. Obraztsova 9-9, Moscow 127994, Russian Federation

Abstract
Aim. It is necessary to analyze the political, historical and socio-legal prerequisites for the emergence and normative consolidation of responsibility for looting, to investigate the signs of this crime, to consider the problems of qualification of the studied criminal act and to form proposals for optimizing criminal legislation in this area

© CC BY Карпова Н. А., Юдина У. С., 2023.

Methodology. Various scientific research methods (analysis, synthesis, comparative legal, system-structural) were used in the research process. The analysis of the views of researchers on the issues and problems of the qualification of looting is given.
Results. The scientific article summarizes the prerequisites for the emergence and legislative consolidation of criminal liability for looting, a comparative legal analysis of the norms of foreign and Russian criminal legislation on responsibility for the crime under study is carried out, the basic rules of its qualification are systematized, shortcomings of the technical and legal construction of the criminal law norm are identified and ways to improve the criminal law are proposed.
Research implications. The article has theoretical and practical significance. The scientific statements contained in the materials of the article, as well as practical recommendations on the qualification of looting, can be used in the process of studying and teaching disciplines of the criminal law cycle, as well as in law enforcement practice.

Keywords: warfare, wartime, armed conflict, martial law, property of the civilian population, piracy, theft of property with the dead or wounded

Введение

Технико-юридическое конструирование уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за мародёрство, имеет недостатки и нуждается в совершенствовании. Анализ бланкетной диспозиции ст. 356.1 УК РФ свидетельствует о наличии значительного количества вопросов относительно установления содержания признаков объективной стороны состава преступления (время, место, способ, обстановка совершения мародёрства), момента его окончания и конструкции состава преступления. Исследование санкции как структурного элемента уголовно-правовой нормы позволило сделать вывод о нарушении закономерностей построения данного элемента юридической нормы, проявившемся наличием противоречий и несогласованности санкций общей и специальной норм уголовного закона.

Уголовно-правовая характеристика состава преступления

Ответственность за мародёрство введена в российский Уголовный кодекс Федеральным законом № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»[1]. Необходимость в законодательной регламентации ответственности за данное преступление в ст. 356.1 УК РФ обусловлена историческими и социально-правовыми предпосылками к установлению уголовной ответственности за данное преступное посягательство на безопасность человечества.

Проанализировав историю развития уголовной ответственности, мы находим, что в законодательстве советского периода были закреплены нормы о мародёрстве. Так, в УК РСФСР от 27 октября 1960 г. в ст. 266 мародёрство было определено как похищение на поле сражения вещей, находящихся при убитых и раненых, санкция предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок до 10 лет либо смертной казни. В ст. 267 УК РСФСР 1960 г. предусматривалась ответственность за более опасные формы данного преступления: разбой, противозаконное уничтожение имущества, насилие, а равно противозаконное отобрание имущества под предлогом военной необходимости[2].

Введение уголовной ответственности за мародёрство основывается на нормах и положениях международного права. Женевская конвенция 1949 г. «Об улучшении участи раненых и больных в дей-

[1] Федеральный закон от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Уголовный кодекс РСФСР (утв. Постановлением Верховного Совета РСФСР от 27.10.1960) // СПС Консультант Плюс.

ствующих армиях» в ст. 15 определяет, что «стороны, пребывающие в конфликте, в любое время, особенно после боя, обязаны применять все возможные меры по охране больных и раненых от ограбления, а также разыскать мёртвых и воспрепятствовать их ограблению»[1].

Анализ норм уголовного закона ряда стран СНГ свидетельствует о том, что состав мародёрства находит своё юридическое отражение в законе. Так, в уголовном законодательстве Республики Казахстан мародёрство, в отличие от российского уголовного законодательства, отнесено к воинским преступлениям. Согласно гл. 18 «Воинские уголовные правонарушения» УК РК в ст. 457 установлена ответственность за похищение на поле сражения вещей, находящихся при убитых и раненых (мародёрство), что наказывается лишением свободы на срок от 5 до 10 лет[2]. В законодательстве Республики Казахстан имеется только основной состав мародёрства, ответственность за который не носит строго дифференцированного характера. Санкция статьи УК РК мягче, чем в УК РФ.

Схожие подходы в криминализации мародёрства наблюдаются при анализе уголовного законодательства Кыргызской Республики. В гл. 51 «Военные преступления и другие нарушения законов и обычаев ведения войны» УК КР в ст. 412 закреплена ответственность за мародёрство, определяемое как противоправное деяние в виде похищения вещей, в т. ч. принадлежащих убитым или раненым, во время военных действий, стихийных бедствий или чрезвычайных ситуаций с целью завладения ими, которое наказывается лишением свободы на срок от 7 до 10 лет[3].

Тем не менее иного и более расширенного подхода к установлению уголовной ответственности за мародёрство придерживается законодатель Республики Молдова. УК РМ содержит гл. I «Преступления против мира и безопасности человечества, военные преступления». В ст. 137-1 УК РМ установлена уголовная ответственность, в частности, за уничтожение, присвоение или конфискацию имущества неприятельской стороны в нарушение международного права и если это не продиктовано военной необходимостью; *мародёрство* в отношении раненых или павших на поле боя[4].

Анализ данной уголовно-правовой нормы позволяет сделать вывод, что законодатель Республики Молдова, с одной стороны, закрепил совокупность отдельных норм об ответственности за мародёрство и смежные с ним преступления, что следует учесть российскому законодателю в целях оптимизации уголовного закона. С другой стороны, способы мародёрства по уголовному законодательству Республики Молдова точно не регламентированы, в связи с чем принцип дифференцированного подхода к уголовно-правовой оценке фактов мародёрства, как в УК РФ, не нашёл своего отражения.

Таким образом, сравнительный анализ уголовно-правовых норм законодательства России и стран СНГ позволяет сделать вывод, что законодатели стран СНГ уделяют повышенное внимание уголовно-правовой охране общественных отношений, обеспечивающих безопасность человечества.

Введение ст. 356.1 в УК РФ многие ведущие в области уголовного права специалисты считают вполне обоснованным решением законодателя, поскольку военнослужащие должны отграничивать заслуженные военные трофеи от имущества гражданского населения и вещей убитых или раненых [8, с. 36].

---

[1] Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (заключена в г. Женеве 12.08.1949 // СПС Консультант Плюс.

[2] Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&pos=6768;-26#pos=6768;-26 (дата обращения: 25.10.2023).

[3] Уголовный Кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 № 127 [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065&pos=3793;-45#pos=3793;-45 (дата обращения: 15.10.2023).

[4] Уголовный кодекс Республики Молдова от 18.04.2002 № 985-XV [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923&sub_id=137010000&pos=1686;38#pos=1686;-38 (дата обращения: 24.10.2023).

Проанализируем состав мародёрства в отечественном уголовном законодательстве, согласно которому мародёрство – совершение с корыстной целью в период военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, не связанных с вынужденной необходимостью противоправных деяний в виде безвозмездного изъятия и (или) обращения в пользу виновного или других лиц чужого имущества (в т. ч. имущества, находящегося при убитых или раненых, имущества гражданского населения), – ч. 1 ст. 356.1 УК РФ.

С учётом института категоризации преступлений, мародёрство является тяжким (ч. 1 и 2) и особо тяжким (ч. 3 и 4) преступным деянием.

Важно отметить, что мародёрство – многообъектное преступление, где основным непосредственным объектом выступает безопасность человечества как социальная категория, обеспечивающая нормальное существование всего человеческого сообщества, а в качестве дополнительного объекта должны рассматриваться общественные отношения, обеспечивающие реализацию и охрану собственности. Однако вопрос об отнесении мародёрства к разделу «Преступления против мира и безопасности человечества» является спорным. По мнению Ю. В. Юшиной, данную норму следует переместить в раздел 11 УК РФ «Преступление против военной службы», поскольку анализируемое преступное деяние в большей степени наносит урон авторитету и чести Вооружённых сил РФ, воинской дисциплине и традициям [10, с. 372].

Предмет мародёрства – чужое имущество, находящееся при убитых или раненных, а также имущество гражданского населения. Потерпевшими от преступления являются убитые, раненые, в т. ч. военнопленные противоборствующей стороны, а также представители гражданского населения.

На наш взгляд, конструкция объективной стороны состава мародёрства и момент его окончания должна определяться формой хищения чужого имущества. Заслуживающей внимания позиции придерживаются А. М. Плешаков и Г. С. Шкабин, по мнению которых в ст. 356.1 УК РФ закреплены следующие виды мародёрства и методы их совершения: мародёрство-кража, мародёрство-грабеж и мародёрство-разбой [6, с. 40]. С их точки зрения, совершение мародёрства путём присвоения, растраты или мошенничества не представляется возможным с практической точки зрения, поскольку в диспозиции статьи отсутствует упоминание о вверенном имуществе, а при мошенничестве признак изъятия имущества не имеет места, в то время как в описании деяния это признак наличествует [6, с. 40]. Однако противоположных суждений придерживаются К. В. Вишневецкий, А. А. Кашкаров, М. В. Рудик, полагающие, что, исходя из анализа диспозиции ч. 1 ст. 356.1 УК РФ, совершение мародёрства возможно любым способом, т. е. путём кражи, мошенничества, присвоения, растраты, открытого хищения, не связанного с применением насилия или же сопряжённого с насилием различного рода и характера, а также с угрозой его применения, что предусмотрено соответствующей частью ст. 356.1 УК РФ [2, с. 28].

По мнению Н. Н. Артеменко, мародёрство является преступлением с материальным составом, где в качестве последствий выступает ущерб [1, с. 352]. Однако позиция данного автора спорна, поскольку ущерб прямо не отражён в диспозиции статьи в качестве признака объективной стороны, а также не учтён вопрос об открытой форме мародёрства с применением насилия, опасного для жизни или здоровья.

Особое внимание следует уделить обязательным признакам объективной стороны мародёрства, которыми являются:

1) *общественно опасное деяние*, совершённое путём активного действия и заключающееся в противозаконном завладении чужим имуществом вне вынужденной необходимости. При сопоставлении диспозиции ст. 356.1 УК РФ и примечания 1 к ст. 158 УК РФ, часть признаков, раскрывающих внешнее проявление мародёрства,

совпадает с легальной характеристикой общего понятия хищения;

2) *время совершения преступления* – временной промежуток, в течение которого совершено преступное действие. Согласно в ч. 2 ст. 18 Федерального закона № 61-ФЗ «Об обороне» военное время – период, наступающий с момента объявления состояния войны или фактического начала военных действий и истекающий с момента объявления о прекращении военных действий, но не ранее их фактического прекращения[1];

3) *обстановка совершения преступления* – совокупность объективных условий, при которых совершается общественно опасное деяние. Ввиду бланкетности уголовно-правовой нормы необходимо учитывать ряд нормативных предписаний, раскрывающих содержание нормы. Федеральным конституционным законом определено, что военное положение – специальный правовой режим, введённый указом Президента РФ на территории страны или в отдельных местностях в случае агрессии или непосредственной угрозы агрессии против РФ[2].

В свою очередь, Военная доктрина РФ устанавливает, что вооружённый конфликт – вооружённое столкновение ограниченного масштаба между государствами (конфликт) или противостоящими сторонами в пределах территории одного государства (соответственно международный и внутренний вооружённые конфликты)[3].

Ведение боевых действий посредством обороны и наступления – условия, при которых воинские подразделения путём согласованных действий выполняют военные задачи с применением различных форм и методов ведения войны.

Весьма интересных и заслуживающих внимания научных взглядов в своей работе придерживается Д. В. Лобач, считающий, что противоправные действия, образующие мародёрство-хищение, следует квалифицировать как в условиях открытых боевых действий, так и при отсутствии открытого вооружённого противостояния [4, с. 53];

4) *способ мародёрства* – ненасильственный или насильственный (применение физического или психического насилия в виде угрозы);

5) *совершение действий вне вынужденной необходимости* (например, завладение медицинскими препаратами из военной аптечки убитого солдата для спасения жизни другого солдата). Содеянное в силу крайней необходимости не является преступлением (ст. 39 УК РФ).

Место совершения мародёрства, а также орудия и средства совершения данного преступления входят в число факультативных признаков состава преступления [7, с. 65].

Мародёрство совершается только с прямым умыслом и корыстной целью.

Субъект – физическое вменяемое лицо, совершившее действия, описанные в диспозиции ст. 356.1 УК РФ, и способное нести за них ответственность. Возраст ответственности за данное преступление законодатель установил с 16 лет. Полагаем, что лицо в возрасте от 14 до 16 лет, совершившее мародёрство путём кражи, грабежа или разбоя, подлежит ответственности по общим нормам гл. 21 УК РФ – ст.ст. 158, 161, 162 УК РФ.

Особенности квалификации мародёрства

Возможность выделения стадий совершения преступлений в составе мародёрства не исключается в случае недоведения преступления до конца, например, если имущество виновному не удалось обратить в свою пользу и не возникло у него реальной возможности распоряжения им. Однако из уголовно-правовой трактовки и судебного толкования общего состава разбоя, можно сделать вывод, что покушение на мародёрство-разбой невозможно ввиду его усечённой конструкции и момента

[1] Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне» // СПС Консультант Плюс.

[2] Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении // СПС Консультант Плюс.

[3] Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976) // СПС Консультант Плюс.

окончания деяния, связанного с началом действий, образующих хищение.

Не могут квалифицироваться как мародёрство действия, совершённые в условиях военной обстановки, сопряжённые с:

– вымогательством (ответственность наступает по ст. 163 УК РФ);

– хищением предметов, изъятых из свободного гражданского оборота (ответственность наступает соответственно по ст. 221, 226, 229, 325 УК РФ).

В своей работе Ю. О. Гончарова справедливо обращает внимание, что одним из недостатков юридико-технического характера при описании мародёрства является отсутствие возможности его совершения путём вымогательства. Автор предлагает изложить диспозицию ч. 1 ст. 356.1 в следующей редакции: «Мародёрство, то есть хищение либо вымогательство чужого имущества в зоне боевых действий…». Полагаем, что такая правовая позиция имеет право на существование, поскольку похожие нормы имеются в российском уголовном законе (ст. 226, 229 УК РФ) [3, с. 270–271].

При квалификации насильственного мародёрства следует учитывать степень физического неправомерного воздействия на человека и характер угроз, связанных с ним. Анализируя уголовно-правовую норму, изложенную в ст. 356.1 УК РФ, многие специалисты справедливо отмечают, что угроза убийством («убью», «застрелю»), содержащаяся в п. «в» ч. 4 ст. 356.1 УК РФ, является излишним признаком состава преступления, поскольку она в полном объеме охватывается п. «в» ч. 3 ст. 356.1 УК РФ [5, с. 14; 6, с. 43].

Следует также отметить, что при анализе технико-юридического конструирования исследуемой уголовно-правовой нормы было выявлено несоответствие санкций специальной и общей уголовно-правовых норм. Так, разбой с причинением тяжкого вреда здоровью (п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ) наказывается лишением свободы на срок до 15 лет. В этой связи мы предлагаем более точно дифференцировать ответственность за мародёрство посредством включения особо квалифицирующего признака в п. «г» ч. 4 ст. 356.1 УК РФ, изложив его в следующей редакции: «Мародёрство, повлекшее причинение тяжкого вреда здоровью».

Справедливой точки зрения придерживаются, по нашему мнению, И. А. Тараканов и С. А. Пичугин, обратившие внимание на противоречивость диспозиций уголовно-правовой нормы, представленной в ст. 356.1 УК РФ. Авторы приходят к выводу, что законодатель признаёт угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью более общественно опасным преступлением, чем непосредственное причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего, и предлагают устранить данный пробел в законе [9, с. 102].

Следует отметить, что ответственность за мародёрство дифференцирована в зависимости от размера причинённого имущественного ущерба. В ст. 356.1 крупный размер определяется стоимостью имущества свыше 250 тыс. руб., а особо крупный – 1 млн руб. Для соблюдения системного подхода как важного требования уголовного законодательства и ключевого ориентира законодательного конструирования предлагаем ввести в ч. 2 ст. 356.1 УК РФ ответственность за мародёрство в значительном размере, образующем стоимость имущества, составляющую не менее 5 тыс. рублей.

Заключение

Подводя итог исследованию вопросов уголовно-правовой борьбы с мародёрством, обозначим основные выводы:

1) в целях обеспечения безопасности Российского государства в современных реалиях особый смысл приобретает введение нормы об ответственности за мародёрство в ст. 356.1 УК РФ;

2) мародёрство имеет признаки преступления международного характера, что коррелируется с нормами международного права, закрепленными в Женевской Конвенции;

3) действующая российская уголовно-правовая норма, предусматривающая

ответственность за мародёрство, имеет технико-юридические недочёты, в связи с чем предложены различного рода приёмы совершенствования законодательства и определён комплекс мер, направленных на разрешение проблем по квалификации рассматриваемого преступления.

Статья поступила в редакцию 14.08.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артеменко Н. Н. Эволюция уголовного законодательства и проблемы применения уголовно-правовых принципов и норм // Правотворчество и применение права: тенденции развития правовых концепций и отраслевых правовых институтов: сб. статей науч.-практ. конференции / сост. Р. А. Шарифуллин. Казань, 2023. С. 352–355.
2. Вишневецкий К. В., Кашкаров А. А., Рудик М. В. Мародёрство: новая уголовно-правовая трактовка // Вестник экономической безопасности. 2023. № 2. С. 25–29.
3. Гончарова Ю. О. Новелла уголовного законодательства об ответственности за мародёрство (ст. 356.1 УК РФ): технико-юридический анализ конструкции состава преступления // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. 2023. № 2. С. 270–274.
4. Лобач Д. В. Уголовно-правовая характеристика мародёрства как преступления против мира и безопасности человечества в российском уголовном законодательстве // Вестник университета Прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 1. С. 53–61.
5. Лопатина Т. М. Мародёрство: новое законодательное прочтение состава преступления // Военно-юридический журнал. 2022. № 12. С. 13–15.
6. Плешаков А. М., Шкабин Г. С. Квалификация мародёрства и его отграничение от иных преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 1. С. 39–44.
7. Плешаков А. М., Шкабин Г.С. Мародёрство: анализ основных и факультативных признаков состава преступления // Вестник военного права. 2023. № 1. С. 62–67.
8. Ситникова А. И. Нововведения в Уголовный кодекс РФ: законодательно-текстологический анализ // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2023. № 1. С. 36–41.
9. Тараканов И. А., Пичугин С. А. Особенности уголовной ответственности за мародёрство // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2022. № 4. С. 99–103.
10. Юшина Ю. В. Объективные и субъективные признаки состава мародёрства (ст. 356.1 УК РФ) // Учёные записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. № 1. С. 371–375.

REFERENCES

1. Artemenko N. N. [Evolution of criminal legislation and problems of application of criminal law principles and norms]. In: Sharifullin R. A., ed. *Pravotvorchestvo i primeneniye prav: menyayetsya razvitiye pravovykh kontseptsiy i otraslevykh pravovykh institutov* [Lawmaking and application of law: trends in the development of legal concepts and sectoral legal institutions]. Kazan, 2023, pp. 352–355.
2. Vishnevetsky K. V., Kashkarov A. A., Rudik M. V. [Looting: a new criminal legal interpretation]. In: *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti* [Bulletin of Economic Security], 2023, no. 2, pp. 25–29.
3. Goncharova Yu. O. [New criminal legislation on liability for looting (Article 356.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): technical and legal analysis of the construction of the crime]. In: *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo sluzhashchego universiteta im. P. G. Demidova* [Bulletin of the Yaroslavl State University. P. G. Demidova], 2023, no. 2, pp. 270–274.
4. Lobach D. V. [Criminal-legal characteristics of looting as a crime against the peace and security of mankind in Russian criminal legislation]. In: *Vestnik universiteta Prokuratury Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation], 2023, no. 1, pp. 53–61.
5. Lopatina T. M. [Looting: a new legislative interpretation of the crime]. In: *Voyenno-yuridicheskiy zhurnal* [Military legal journal], 2022, no. 12, pp. 13–15.
6. Pleshakov A. M., Shkabin G. S. [Qualification of looting and its delimitation from other crimes]. In: *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2023, no. 1, pp. 39–44.
7. Pleshakov A. M., Shkabin G. S. [Looting: analysis of the main and optional elements of a crime]. In: *Vestnik voyennykh prav* [Military Law Bulletin], 2023, no. 1, pp. 62–67.

8. Sitnikova A. I. [Innovations in the Criminal Code of the Russian Federation: legislative and textual analysis]. In: *Ugolovnoye pravo: strategiya razvitiya v XXI veke* [Criminal law: development strategy in the 21*st* century], 2023, no. 1, pp. 36–41.
9. Tarakanov I. A., Pichugin S. A. [Peculiarities of criminal liability for looting]. In: [Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice], 2022, no. 4, pp. 99–103.
10. Yushina Yu. V. [Objective and subjective signs of looting (Article 356.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. In: *Uchonyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki* [Scientific notes of the Crimean Federal University. V. I. Vernadsky. Legal sciences], 2023, no. 1, pp. 371–375.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карпова Наталия Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя;
e-mail: isakovkos@yandex.ru

Юдина Ульяна Сергеевна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры экономической теории и менеджмента Российской открытой академии транспорта Российского университета транспорта;
e-mail: yudina.uljana@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nataliya A. Karpova – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Criminal Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot;
e-mail: isakovkos@yandex.ru

Ulyana S. Yudina – Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer, Department of Economic Theory and Management, Russian Open Academy of Transport of the Russian University of Transport;
e-mail: yudina.uljana@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Карпова Н. А., Юдина У. С. Актуальные проблемы уголовно-правовой борьбы с мародёрством // Московский юридический журнал. 2023. № 4. С. 94–101.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-94-101

FOR CITATION

Karpova N. A., Yudina U. S. Actual Problems of the Criminal Law Fight against Looting. In: *Moscow Juridical Journal*, 2023, no. 4, pp. 94–101.
DOI: 10.18384/2949-513X-2023-4-94-101

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОСВЕЩЕНИЯ

МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2023. № 4

Над номером работали:

Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик В. А. Дворянов
Корректор И. К. Гладунов
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.lawmgoujournal.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 6,5, уч.-изд. л. 8.
Подписано в печать: 30.12.2023 г. Дата выхода в свет: 27.02.2024 г. Заказ № 2023/12-14.
Отпечатано в Государственном университете просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А